

А.В.Ханило

Чехов в Ялте

*Посвящается
любимым и дорогим
Марии Павловне
Чеховой
и Ольге Леонардовне
Книппер-Чеховой*

Антон Павлович Чехов.
Ялта, 1902 г.

А.В.Ханило

Чехов в Ялте

СБОРНИК СТАТЕЙ

Н.Оріанда
Симферополь
2016

УДК 821.161.1(477.75)
ББК 83.3(2Рос.Кры)л6
X 19

*Издано при финансовой поддержке
Министерства культуры
Российской Федерации
и Союза российских писателей*

*Автор выражает благодарность:
Т.В.Парусниковой – за содействие в получении гранта;
С.С.Цыганкову, члену-корреспонденту Российской академии естественных наук, –
за помощь в издании книги*

Ханило А.В.
X 19 **Чехов в Ялте.** – Симферополь: Н.Орианда, 2016. – 192 с., ил.
ISBN 978-5-9909600-1-5

В основе этой интересной и познавательной книги лежат подлинные материалы, некоторые из них малоизвестны даже чеховедам. Издание состоит из статей, тематически связанных с пребыванием Антона Павловича в Ялте. Они раскрывают различные аспекты биографии и творчества писателя, содержат выдержки из переписки А.П.Чехова с родными, близкими друзьями, где прослеживается цепь событий в его жизни, приведших в конечном итоге к мысли о переезде в Ялту на постоянное место жительства; также в статьях даны документы, связанные с выбором места и строительством Дома, материалы о нелёгкой его судьбе после смерти хозяина. Многие страницы книги посвящены Марии Павловне Чеховой, её огромной роли в деле сохранения памяти брата. Особое внимание в статьях уделено Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, любимой женщине и жене Антона Павловича. Интерес представляют сведения о ялтинских встречах А.П.Чехова с Л.Н.Толстым и М.Горьким, о пребывании Чехова в Севастополе, поразившем его с первого взгляда, о сохранении Марией Павловной «Белой дачи» в годы немецко-фашистской оккупации. Две статьи литературоведческого характера посвящены исследованию малоизвестных помет Чехова в сочинениях Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Толстого и анализу помет в тексте шекспировского «Гамлета».

Первая публикация ряда статей А.В.Ханило, посвятившей себя исследованию жизни и творчества великого русского писателя, состоялась в историко-краеведческом альманахе «Старая Ялта».

УДК 821.161.1(477.75)
ББК 83.3(2Рос.Кры)л6

ISBN 978-5-9909600-1-5

© Ханило А.В., текст, иллюстрации, 2016
© «Н.Орианда», макет, оформление, 2016

«Ялта лучше Ниццы...»

Лето 1888 года Антон Павлович Чехов вместе с семьёй проводит на Украине.

4 мая 1888 г. – брату, Александру Павловичу. Москва: «<...> Завтра я, мать и сестра едем на дачу. Вот наш адрес: "г. Сумы Харьков<ской> губ., усадьба А.В.Линтваревой".

Сюда благоволи адресовать письма и прочее. Сюда же приезжай и сам, когда уляжется твоя семейная суматоха. <...> Твой А.Чехов. <...>»

7 или 8 мая 1888 г. – брату, Ивану Павловичу. Сумы:

«Иван! Мы приехали. Дача великолепна. Мишка наврал. Местность поэтична, флигель просторный и чистенький, мебель удобная и в изобилии. Комнаты светлы и красивые, хозяйева, по-видимому, любезны.

Пруд громадный, с версту длинной. Судя по его виду, рыбы в нем до чёрта.

Передай папаше, что мы его ждем и что ему будет покойно. <...>

Я задержу здесь папашу на 3 недели. Очень уж хорошо!

Твой А.Чехов. <...>»

По приглашению Антона Павловича у него на даче в Сумах гостит А.Н.Плещеев, К.С.Баранцевич, А.И.Иваненко.

27 мая 1888 г. – брату, Александру Павловичу. Сумы:

«<...> В июне я буду в Феодосии у Суворина и поговорю о твоём отпуске. Если побудешь у меня неделю или две в начале августа, то газета ничего не потеряет. <...>»

И. Левитан.
Портрет А.П.Чехова. 1880-е гг.

Севастополь. 1880-е гг.

28 июня 1888 г. – А.С.Суворину. Сумы:

«<...> до 15 июля <...> я думаю быть в Крыму.

Если до 15 июля Вы уедете из Феодосии в Константинополь или в Киев, то, пожалуйста, уведоьте телеграммой; я боюсь не застать Вас. <...>

Когда я разбогатею, то куплю себе на Псле или на Хороле хутор, где устрою "климатическую станцию" для петербургских писателей. <...>

У нас буря. Псел вообразил себя морем и разбунтовался не на шутку. <...>

Поеду я в Крым не по Днепру, как предполагал, а через Лозовую. Обанкротился. <...>

Искренно преданный эскулап

А.Чехов».

И наконец, Чехов в Крыму.

14 июля 1888 г. – сестре, Марии Павловне. Феодосия:

«Феодосия. Четверг.

Мадемуазель сестра!

Очень жарко и душно, а потому придется писать недолго и коротко».

Но написал Антон Павлович очень длинное письмо – 2,5 страницы печатного текста. Вот некоторые выдержки:

«<...> Начну с того, что я жив и здоров, всё обстоит благополучно, деньги пока есть... Легкое не хрипит, но хрипит совесть, что я ничего не делаю и бью баклуши. Дорога от Сум до Харькова прескучнейшая, от Харькова до Лозовой и от Лозовой до Симферополя можно околеть с тоски. <...> От Симферополя начинаются горы, а вместе с ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, из ям торчат тополи, на горах темнеют виноградники – всё это залито лунным светом, дико, ново и настраивает фантазию на мотив гоголевской "Страшной мести". Особенно фантастично чередование пропастей

Семья Чеховых. Сидят (слева направо): брат писателя Михаил, сестра Мария, отец Павел Егорович, мать Евгения Яковлевна, жена дяди Митрофана Егоровича Людмила Павловна, их сын Георгий. Стоят (слева направо): брат писателя Иван, Антон Павлович, старшие братья Николай и Александр, дядя Митрофан Егорович. Таганрог, 1874 г.

и туннелей, когда видишь то пропасти, полные лунного света, то беспросветную, нехорошую тьму... Немножко жутко и приятно. Чувствуется что-то нерусское и чужое. В Севастополь я приехал ночью. Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря. Самое лучшее у моря – это его цвет, а цвет описать нельзя. Похоже на синий купорос. Что касается пароходов и кораблей, бухты и пристаней, то прежде всего бросается в глаза бедность русского человека. Кроме «поповок», похожих на московских купчих, и кроме 2–3 сносных пароходов, нет в гавани ничего путного, и я удивляюсь нашему капитану Мишелю, который сумел увидеть в Севастополе не только отсутствующий флот, но даже и то, чего нет. <...>

Садиться на пароход и трогаться с якоря интересно, плыть же и беседовать с публикой <...> скучновато. Море и однообразный, голый берег красивы только в первые часы, но скоро к ним привыкаешь; поневоле идешь в каюту и пьешь вино. Берег красивым не представляется... Красота его преувеличена. Все эти гурзуфы, массандры и кедры, воспетые гастрономами по части поэзии, кажутся с парохода тощими кустиками, крапивой,

а потому о красоте можно только догадываться, а видеть ее можно разве только в сильный бинокль. <...> Ялта – это помесь чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным. Коробочкообразные гостиницы, в к<ото>рых чахнут несчастные чахоточные, наглые татарские хари, турнюры с очень откровенным выражением чего-то очень гнусного, эти рожи бездельников-богачей с жадной грошовых приключений, парфюмерный запах вместо запаха кедров и моря, жалкая, грязная пристань, грустные огни вдали на море, болтовня барышень и кавалеров, понаехавших сюда наслаждаться природой, в которой они ничего не понимают, – всё это в общем дает такое унылое впечатление и так внушительно, что начинаешь обвинять себя в предубеждении и пристрастии.

Спал я хорошо, в каюте I класса, на кровати. Утром в 5 часов изволил прибыть в Феодосию – серовато-бурый, унылый и скучный на вид городишко. Травы нет, деревца жалкие, почва крупнозернистая, безнадежно тощая. Всё выжжено солнцем, и улыбается одно только море, к<ото>рому нет дела до мелких городишек и туристов. Купанье до того хорошо, что я, окунувшись, стал смеяться без всякой причины. Суворины, живущие тут в самой лучшей даче, обрадовались мне; оказалось, что комната для меня давно уже готова и что меня давно уже ждут, чтобы начать экскурсии. Через час после приезда меня повезли на завтрак к некоему Мурзе, татарину. Тут собралась большая компания: Суворины, главный морской прокурор, его жена, местные тузы, Айвазовский...»

18 июля 1888 г. – ИЛ.Леонтьеву (Щеглову). Феодосия:

«Пишу Вам, милый капитан, с берегов Черного моря. Живу в Феодосии у генерала Суворина. Жарища и духота невозможные, ветер сухой и жесткий, как переплет, просто хоть караул кричи. Деревьев и травы в Феодосии нет, спрятаться некуда. Остается одно – купаться. И я купаюсь. Море чудесное, синее и нежное, как волосы невинной девушки. На берегу его можно жить 1000 лет и не соскучиться. <...>»

22–23 июля 1888 г. – Чеховым. Феодосия:

«Милые домочадцы! Сим извещаю Вас, что завтра я выезжаю из Феодосии. Гонит меня из Крыма моя лень. Я не написал ни одной строки и не заработал ни копейки; если мой гнусный кейф продлится еще 1–2 недели, то у меня не останется ни гроша и чеховской фамилии придется зимовать на Луке. Мечтал я написать в Крыму пьесу и 2–3 рассказа, но оказалось, что под южным небом гораздо легче взлететь живым на небо, чем написать хоть одну строку. <...>»

8 августа 1888 г. – Н.М.Ежову. Сумы:

«<...> Можете себе представить, я целый месяц беспутно шатался по Крыму и Кавказу и только вчера вернулся к пенатам. <...>»

Лето 1889 года Чеховы снова проводят в Сумах у Линтваревых, привезли сюда и тяжелобольного Николая.

8 мая Антон Павлович пишет брату Александру: «<...> Начну с Николая. У него хронический легочный процесс – болезнь, не поддающаяся лечению. <...>»

А уже 17 июня Чехов сообщает доктору Н.Н.Оболонскому: «Художник скончался. <...>»

18 июня 1889 г. – Ф.О.Шехтелю. Сумы:

«Вчера, 17-го июня, умер от чахотки Николай. Лежит теперь в гробу с прекраснейшим выражением лица. Царство ему небесное, а Вам, его другу, здоровья и счастья...

Ваш А.Чехов»

2 июля 1889 г. – А.С.Суворину. Сумы:

«<...> Бедняга Николай умер. Я поглупел и потускнел. Скука адская, поэзии в жизни ни на грош, желания отсутствуют и проч. и проч. Одним словом, чёрт с ним. <...>

Если хотите, телеграфируйте мне в Одессу (Одесса, Северная гостиница). <...>»

16 июля 1889 г. – И.П.Чехову. Пароход «Ольга» (по пути из Одессы в Ялту):

«Я еду в Ялту и положительно не знаю, зачем я туда еду. Надо ехать и в Тироль, и в Константинополь, и в Сумы; все страны света перепутались у меня в голове, фантазия кишмя кишит городами, и я не знаю, на чем остановить свой выбор. А тут еще лень, нежелание ехать куда бы то ни было, равнодушие и банкротство... Живу машинально, не рассуждая.

Из Одессы выехал я не в понедельник, как обещал, а в субботу. <...> Без тебя жил я почти так же, как и при тебе. Вставал в 8–9 часов и шел с Правдиным купаться. <...> Потом кофе в буфете, что на берегу около каменной лестницы. В 12 ч. брал я Панову и вместе с ней шел к Замбрини есть мороженое (60 коп.), шлялся за нею к модисткам, в магазины за кружевами и проч. <...> В 5 у Каратыгиной чай, к<ото>рый всегда проходил особенно шумно и весело; в 8, кончив пить чай, шли в театр. Кулисы. Лечение кашляющих актрис и составление планов на завтрашний день. <...> После спектакля рюмка водки внизу в буфете и потом вино в погребке – это в ожидании, когда актрисы сойдутся у Каратыгиной пить чай. Пьем опять чай, пьем долго, часов до двух, и мелем языками всякую чертовщину. В 2 провожаю Панову до ее номера и иду к себе <...> Всё время я, подобно Петровскому, тяготел к женскому обществу, обабился окончательно, чуть юбок не носил... <...>»

18 июля 1889 г. – М.П.Чеховой. Ялта:

«Я живу в Ялте (дача Фарбштейн). (Дача находилась в Черноморском пер., д. 5. – А. Х.) Попросить тебя и Наталию Михайловну приехать сюда я не решаюсь, так как положительно не имею понятия о том, как долго я проживу здесь и куда поеду отсюда. Скука адская, и возможно, что я уеду отсюда завтра или послезавтра. Уеду в Сумы, а из Сум в Москву, не дожидаясь сентября. Лето мне опротивело, как редиска.

Живу я на очень приличной даче, плачу за 1½ комнаты 1 рубль в сутки. Море в двух шагах. Растительность в Ялте жалкая. Хваленые кипарисы не растут выше того тополя, который стоит в маленьком линтваревском саду <...> Женщины пахнут сливочным мороженым.

К сожалению, у меня много знакомых. Редко остаюсь один. <...>

Уехал бы за границу, но потерял из виду Суворина. <...>

В Ялте можно работать. Если б не хорошие люди, заботящиеся о том, чтобы мне не было скучно, то я написал бы много. <...>

Если можно, не скучай. Денег не жалеите, чёрт с ними.

Я здоров.

Твой А.Чехов. <...>»

3 августа 1889 г. – А.Н.Плещееву. Ялта:

«Милый и дорогой Алексей Николаевич, можете себе представить, я не за границей и не на Кавказе, а вот уж две недели одиноко сижу в полуторарублевом Номере, в татарско-парикмахерском городе Ялте. Ехал я за границу, но попал случайно в Одессу, прожил там дней десять, а оттуда, проев половину своего состояния на мороженом (было очень жарко), поехал в Ялту. Поехал зря и живу в ней зря. Утром купаюсь, днем умираю от жары, вечером пью вино, а ночью сплю. Море великолепно, растительность жалкая <...>

Несмотря на жару и на ялтинские искушения, я пишу. Написал уж на 200 целковых, т. е. целый печатный лист.

Пьесу начал было дома, но забросил. Надоели мне актеры. Ну их!

У меня сегодня радость. В купальне чуть было не убил меня мужик длинным тяжелым шестом. Спасся только благодаря тому, что голова моя отстояла от шеста на один сантиметр. Чудесное избавление от гибели наводит меня на разные, приличные случаю мысли.

В Ялте много барышень и ни одной хорошенькой. Много пишущих, но ни одного талантливового человека. Много вина, но ни одной капли порядочного. Хороши здесь только море да лошади-иноходцы. Едешь верхом на лошади и качаешься, как в люльке. Жизнь дешевая. Одинокий человек отлично может прожить здесь за 100 рублей в месяц. <...>

Если захотите подарить меня письмом, то адресуйте в Сумы, куда я вернусь не позже 10 августа.

Рассказ по случаю жары и скверного, меланхолического настроения выходит у меня скуchnоватый. Но мотив новый. Очень возможно, что прочтут с интересом. (Речь идёт о рассказе «Скучная история». – А. Х.).

13 августа 1889 г. – Н.А.Лейкину. Сумы:

«Из дальних странствий возвратясь, добрейший Николай Александрович, я нашел у себя Ваше письмо. Спасибо за память. Вот Вам мое curriculum vitae [жизнеописание]. Последние дни Николая, его страдания и похороны произвели на меня и на всю семью удручающее впечатление. На душе было так скверно, что опротивели и лето, и дача, и Псел. Единственным развлечением были только письма добрых людей, которые, узнав из газет о смерти Николая, поспешили посочувствовать моей особе. Конечно, письма пустое дело, но когда читаешь их, то не чувствуешь себя одиноким, а чувство одиночества самое паршивое и нудное чувство.

После похорон возил я всю семью в Ахтырку, потом неделю пожил с нею дома, дал ей время попривыкнуть и уехал за границу. На пути к Вене со станции Жмеринка я взял несколько в сторону и поехал в Одессу <...> В Одессе, благодаря кое-каким обстоятельствам, было прожито денег немало; пришлось насчет заграницы отложить всякое попечение и ограничиться одной только поездкой в Ялту. В сем татарско-дамском граде прожил я недели три, предаваясь кейфу и сладостной лени. Всё пущено в трубу, осталось только на обратный путь. В стране, где много хорошего вина и отличных коней, где на 20 женщин приходится один мужчина, трудно быть экономным. Наконец я дома, с 40 рублями. <...>»

До 5 сентября А.П.Чехов прожил в Сумах.

5 сентября 1889 г. – А.А.Майкову. Москва:

«Многоуважаемый Аполлон Александрович!

Сегодня я вернулся в Москву, о чем имею честь известить Вас на случай, если Вам угодно будет созвать Комитет. Адрес прежний, т. е. Кудринская Садовая, д. Корнеева.

С истинным почтением имею честь быть уважающий
А.Чехов».

Антон Павлович зиму провёл в Москве, а в апреле стал собираться на остров Сахалин.

15 апреля 1890 г. – А.С.Суворину. Москва:

«<...> У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никаких опасностей, кроме зубной боли, которая у меня непременно будет в дороге. Так как, если говорить о документах, я вооружен одним только паспортом и ничем другим, то возможны неприятные столкновения с предержажими властями, но это беда преходящая. Если мне чего-нибудь не покажут, то я просто напишу в своей книге, что мне не показали – и баста, а волноваться не буду. В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что всё, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги. <...>

Мать я беру с собой и высаживаю в Троицкой лавре, сестру тоже беру и высаживаю в Костроме. Вру им, что приеду в сентябре. <...>

Купил себе полушубок, офицерское непромокаемое пальто из кожи, большие сапоги и большой ножик для резания колбасы и охоты на тигров. Вооружен с головы до ног. <...>

Ваш А.Чехов».

6 октября 1890 г. – Е.Я.Чеховой. Пост Корсаковский (Ю.Сахалин):

«Здравствуйте, дорогая Мама! Пишу Вам это письмо почти накануне отъезда своего в Россию. Со дня на день ждем пароход Добровольного флота и уповаем, что придет он не позже 10 октября. Это письмо я посылаю в Японию, откуда оно пойдет к вам через Шанхай или Америку. Живу я в Корсаковском посту, где нет ни телеграфа, ни почты и куда заходят корабли не чаще одного раза в две недели. Вчера пришел пароход и привез мне с севера кучу писем и телеграмм. Из писем узнал я, что Маше понравился Крым; думаю, что Кавказ ей больше понравится <...>

Поклон папаше, братьям, Маше, тете с Алехой, Марьюшке, Иваненке и всем знакомым. Меха не привезу; нет их на Сахалине. Будьте здоровы, да хранит вас всех небо.

Ваш Anton. <...>»

16 октября 1890 г. – телеграмма М.П.Чехову. Владивосток:

«Будь Москве десятого декабря. Плыву Сингапур».

5 декабря 1890 г. – телеграмма М.П.Чехову. Ст. Раздельная:

«Приеду Москву субботу курьерским. Чехов».

6 декабря 1890 г. – телеграмма М.П.Чеховой со станции Ворожба:

«Завтра увидимся. Приходите все встречать. Очень много вещей. Приготовьте ужин. Антуан».

6 декабря 1890 г. – телеграмма М.П.Чехову. Фастов:

«Буду Москве пятницу курьерским. Антуан».

Пока А.П.Чехов был на Сахалине, его семья переселилась из дома Корнеева в дом Фирганг на Малой Дмитровке.

9 декабря 1890 г. – А.С.Суворину. Москва:

«Здравствуйте, мой драгоценный!

Ура! Ну вот, наконец, я опять сижу у себя за столом, молюсь своим линяющим пенатам и пишу к Вам. У меня теперь такое хорошее чувство, как будто я совсем не уезжал из дому. Здоров и благополучен до мозга костей. Вот Вам кратчайший отчет. Пробыл я на Сахалине не 2 месяца, как напечатано у Вас, а 3 плюс 2 дня. <...> (Полное письмо на трех страницах. – А. Х.)

Будьте хранимы небом.

Ваш А.Чехов».

10 декабря 1890 г. – Н.А.Лейкину. Москва:

«<...> Привез я с собою материала для разговоров видимо-невидимо, так что льщу себя надеждою, могу быть интересным собеседником в продолжение целого месяца. Я проехал на лошадях всю Сибирь, плыл 11 дней по Амуру, плавал по Татарскому проливу, видел китов, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, сделал перепись всему сахалинскому населению, чего ради исходил все тюрьмы, дома и избы <...> затем на обратном пути, минуя холерную Японию, я заезжал в Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт-Саид, и проч. и проч. <...>

Во всё время путешествия я был здоров, в Архипелаге, где подул вдруг холод, я простудился и теперь кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк. <...>

Сейчас принял касторки. – Бррр!

Мороз после тропиков кажется мне стоградусным. Зябну. <...>

Ну, будьте здоровы и благополучны, да хранят Вас небеса, не те серые, которые нависли теперь над Петербургской стороной, а настоящие, где живут святые угодники.

Ваш А.Чехов».

10 декабря 1890 г. – И.Л.Леонтьеву (Щеглову). Москва:

«Здравствуйте, милый Жан! Волею судеб скатившаяся звезда опять вернулась в Ваше созвездие. Опять я в Москве и пишу к Вам! Еще раз здравствуйте.

Описывать свое путешествие и пребывание на Сахалине не стану, ибо описание, даже кратчайшее, вышло бы в письме бесконечно длинным. <...> Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне. Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки! <...>

В Петербурге буду, должно быть, не раньше Нового года. Вашей жене мой душевный привет.

Ваш А.Чехов».

23 декабря 1890 г. – А.С.Суворину. Москва:

«<...> Я кашляю. Перебои сердца. Не понимаю, в чем дело. Состояние духа отменное. <...>

Ваш А.Чехов».

24 декабря 1890г. – А.С.Суворину. Москва:

«<...> Я верю и в Коха (антиту-беркулёзное средство Коха. – А. Х.) и в спермин и славлю Бога. Всё это, т. е. кохины, спермины и проч., кажется публике каким-то чудом, выскочившим неожиданно из чьей-то головы на манер Афины Паллады, но люди, близко стоящие к делу, видят во всем этом только естественный результат всего, что было сделано за последние 20 лет. Много сделано, голубчик! <...> Милый мой, если бы мне предложили на выбор что-нибудь из двух: «идеалы» ли знаменитых шестидесятих годов или самую плохую земскую больницу настоящего, то я, не задумываясь, взял бы вторую. <...>

Странная история. Пока ехал на Сахалин и обратно, чувствовал себя здоровым вполне, теперь же дома происходит во мне чёрт знает что. Голова побаливает, лень во всем теле, скорая утомляемость, равнодушные, а главное – перебои сердца. Каждую минуту сердце останавливается на несколько секунд и не стучит. <...>

В Москве в наших медицинских центрах к Коху относятся осторожно и ⁹/₁₀ врачей не верят в него.

Ну дай Бог Вам всего хорошего, а главное здоровья.
Ваш А.Чехов».

27 декабря 1890 г. – Н.А.Лейкину. Москва:

«И Вас тем же концом по боку (Лейкин поздравлял Чехова с праздником Рождества. – А. Х.), добрейший Николай Александрович: поздравляю и желаю еще 53 раза отпраздновать Рождество.

Отъезд мой в Петербург отложен на неопределенное время. Причина тому – скандал, происходящий в моем нутре. Со дня моего приезда домой у меня началась так называемая перемежающаяся деятельность сердца, или, как я привык называть сию болезнь, перебои сердца: каждую минуту сердце останавливается на несколько секунд, причем ощущается в груди присутствие резинового мячика; это бывает каждый вечер, по утрам легче. Стоять и лежать могу, сидеть неприятно. Обдумав зрело, решил: ехать на 5–7 дней в деревню, и как только мороз ослабеет, поеду. Мороз 22 градуса. <...>

Ваш А.Чехов».

Алексей Сергеевич Суворин – журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург

Пётр Ильич Чайковский.
Фотография из кабинета А.П.Чехова

29 декабря 1890 г. – Г.М.Чехову. Москва:

«Спасибо, дорогой мой, тебе и всем твоим за память обо мне. В Одессе я получил письмо от твоего папы (Митрофана Егоровича. – А.Х.), а по приезде в Москву от тебя. <...>

Ну-с, я жив и здоров; вернувшись, застал всех дома здоровыми. <...> Замечательно, что во всё время моего восьмимесячного путешествия, сопряженного с неизбежными лишениями, я ни разу не был болен и из вещей потерял один только ножичек.

Рассказать тебе о своем путешествии так же трудно, как сосчитать листья на дереве. <...>

Когда увижусь с П.И.Чайковским, то спрошу его о тебе. Что он делал у вас в Таганроге? Был ли он у вас в доме? В Питере и в Москве он составляет теперь знаменитость № 2. Номером первым считается Лев Толстой, а я № 877. <...>

Будь здоров, счастлив и мудр, а главное добр.

Вся семья тебе кланяется.
Твой А.Чехов».

5 января 1891 г. – А.С.Суворину. Москва:

«С Новым годом, с новым счастьем, драгоценный мой. Желаю Вам здоровья, покоя и 6 миллионов рублей. <...>

Праздники я провел безобразно. Во-первых, были перебои; во-вторых, брат Иван приехал погостить и, бедняга, заболел тифом; в-третьих, после сахалинских трудов и тропиков моя московская жизнь кажется мне теперь до такой степени мещанскою и скучною, что я готов кусаться; в-четвертых, работа ради куска хлеба мешает мне заниматься Сахалином; в-пятых, надоедают знакомые. И т. д. <...>

Был у меня два раза поэт Мережковский. Очень умный человек. Был писатель Виктор Бибииков.

Жду лета, чтобы побывать у Вас в Феодосии.

До приятного свидания!

Ваш А.Чехов».

11 января 1891 г. – Е.М.Шавровой. Петербург:

«Только что прочел Ваш рассказ в корректуре («Невесты». – А.Х.), Елена Михайловна, и паки нахожу, что он очень хорош. Прогресс большущий.

Еще год-два, и я не буду сметь прикасаться к Вашим рассказам и давать Вам советы. <...>

Сделаться опять таким, каким я был в Ялте? Да разве я другой? Я был скучен на ситцевом балу – это правда, но ведь ситцевый бал не Ялта, и Ялта не ситцевый бал. Я очень рад, что ситцевый бал дал чистого убытку 1500 р. Так Вам и нужно!

Ну, будьте здоровы и благополучны.

В Петербурге я пробуду, вероятно, до конца января. Если что напишете, то милости просим.

Искренно преданный

А. Чехов».

14 января 1891 г. – М.П.Чеховой. Петербург:

«Я утомлен, как балерина после пяти действий и восьми картин. Обеды, письма, на которые лень отвечать, разговоры и всякая чепуха. Сейчас надо ехать обедать на Васильевский остров, а мне скучно, и надо работать. Поживу еще три дня, посмотрю, если балет будет продолжаться, то уеду домой или к Ивану в Судорогу. (Шутка: И.П.Чехов учительствовал на стекольном заводе близ Судогды, Владимирской губернии. – А. Х.)

Меня окружает густая атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Чёрт их знает. <...> Всё это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плесень. <...>

Пришел Щеглов.

Вчера приходил Григорович; долго целовал меня, врал и всё просил рассказать ему про японок. <...>

Кланяюсь всем.

Твой А.Чехов».

18 января 1891 г. – Чеховым. Петербург:

«Вчера я был у Кони, говорил с ним о Сахалине; условились ехать вместе во вторник на будущей неделе к Нарышкиной (председательница Женского благотворительного попечительства о ссыльно-каторжных и Общества попечения о семьях ссыльных. – А. Х.) просить ее, чтобы она поговорила с государыней о сахалинских детях и насчет устройства приюта для детей. Поедем во вторник – стало быть, не ждите меня раньше четверга будущей недели.

Модест Чайковский уехал в Москву и зайдет к нам посмотреть мангусов (мангусты, которых А.П. привез с Цейлона. –А. Х.). Примите его получше, т. е. поласковой. <...>

Поздравительную телеграмму получил. Благодарю и Чеховых, и Лику, и Семашко, и Жана.

Вчера в "Малом Ярославце" кормили меня обедом. Сегодня я на вечере. Ем и пью без конца. Должно быть, лопну. <...>

Кланяюсь всем.

Вчера был именинник Александров сынишка Антон. Я купил ему игрушек.

Будьте здоровы.

А.Чехов».

26 января 1891 г. – А.Ф.Кони. Петербург:

«Милостивый государь
Анатолий Федорович!

<...> Я жалею, что не побывал у г-жи Нарышкиной, но мне кажется, лучше отложить визит к ней до выхода в свет моей книжки, когда я свободнее буду обращаться среди материала, который имею. <...>

Положение сахалинских детей и подростков я постараюсь описать подробно. Оно необычайно. Я видел голодных детей, видел тринадцатилетних содержанок, пятнадцатилетних беременных. <...> (В своих воспоминаниях, опубликованных в 1925 году, А.Ф.Кони сообщает, что дал Нарышкиной прочесть письмо Чехова и рассказал ей всё то, что слышал от Чехова о Сахалине. «Результатом всего этого, – писал Кони, – было распространение деятельности Общества на Сахалин, где им было открыто Отделение Общества, начавшее заведовать призреваемыми детьми в трех приютах, рассчитанных на 120 душ». – А.Х.).

Позвольте мне поблагодарить Вас за радушие и за обещание побывать у меня и пребыть искренно уважающим и преданным.

А. Чехов».

30 января 1891 г. – И.А.Бунину. Москва:

«Милостивый государь
Иван Алексеевич!

Простите, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Я был в Петербурге и только сегодня вернулся в Москву.

Очень рад служить Вам, хотя, предупреждаю, я плохой критик и всегда ошибался, особенно когда мне приходилось быть судьей начинающих авторов. Присылайте мне Ваши рассказы, но только не те, которые уже были напечатаны.

Готовый к услугам
А.Чехов».

6 февраля 1891 г. – А.С.Суворину. Москва:

«<...> Ваша статья о Толстом сплошная прелесть. Очень, очень хорошо. И сильно, и деликатно. Вообще какой-то особенно удачный номер: и Ваша статья, и «Франсуаза» (рассказ Мопассана «Порт» в свободном переводе Л.Толстого. – А.Х.). Прекрасный рассказ. Прибавка о сестре («она твоя сестра!»), сделанная Толстым, не так портит, как Вы боялись. Только от нее рассказ утерял как будто свою свежесть. Впрочем, всё равно. <...>

Я начинаю стареть; это я заключаю из того, что мне очень хочется "поговорить о литературе". Степенность. <...>

Ваш А.Чехов».

5 марта 1891 г. – А.С.Суворину. Москва:

«Едем!!! Я согласен, куда угодно и когда угодно. Душа моя прыгает от удовольствия. Не поехать было бы глупо с моей стороны, ибо когда еще представится случай? Но, голубчик, предоставляю Вам взвесить следующие обстоятельства:

1) У меня далеко еще не кончена моя работа. Если я ее отложу до мая, то сахалинскую работу придется начать не раньше июля, а это опасно, ибо

Мария Павловна Чехова

сахалинские впечатления у меня уже испаряются, и я рискую забыть многое.

2) У меня совсем нет денег.
<...>

Есть много и других обстоятельств, но всё мелко перед работой и деньгами. Итак, просмакуйте мои соображения, войдите на мгновение в мою шкуру и решите: не лучше ли мне остаться? Вы скажете, что всё это пустяки. Но Вы бросьте свою точку зрения, а станьте на мою.

Жду скорейшего ответа. <...>
Ваш А.Чехов».

13 марта 1891 г. – И.П.Чехову. Петербург:

«Кричи, Иван, караул. К тебе я не скоро приеду. Поездка за границу уже решена окончательно

и осуществится не позже 15-го марта. Едем в Вену, оттуда в Венецию и т. д. Вернемся к Пасхе.

Еду я, Алексей Сергеевич и Алексей Алексеевич. Втроем будет не скучно. Но скучно 72 часа ехать до Вены. <...>

Твой А.Чехов».

16 марта 1891 г. – М.П.Чеховой. Петербург:

«Благородная сестрица!

Отъезд за границу состоится в воскресенье. Едем в Вену, оттуда в Венецию и так далее по всей Италии. В Испанию, вероятно, не попадем <...>

Был я на передвижной выставке. Левитан празднует именины своей великолепной музы. Его картина производит фурор. По выставке чичеронствовал мне Григорович, объясняя достоинства и недостатки всякой картины; от левитановского пейзажа он в восторге. <...> Во всяком случае успех у Левитана не из обыкновенных. <...>

Будьте все здоровы и Богом хранимы. Не забывайте меня.

Весь ваш А.Чехов. <...>»

17 марта 1891 г. – М.П.Чеховой. Петербург:

«<...> Завтра в половину второго уезжаем в Варшаву. Оставайтесь все живы и здоровы. Кланяюсь всем, всем, даже мангуске, которая не стоит, чтобы ей кланялись. <...>

Всей душой

А.Чехов».

20 марта 1891 г. – Чеховым. Вена:

«Друзья мои чехи! Пишу вам из Вены, куда я приехал вчера в 4 часа пополудни. <...>

Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видел в своей жизни. <...> Особенно хороши собор св. Стефана и Votiv-Kirche. Это не постройки, а печенья к чаю. Великолепны парламент, дума, университет... всё великолепно, и я только вчера и сегодня как следует понял, что архитектура в самом деле искусство. И здесь это искусство попадает не кусочками, как у нас, а тянется полосами в несколько верст. <...> Странно, что здесь можно всё читать и говорить, о чем хочешь. <...>

Обеды хорошие. Водки нет, а пьют пиво и недурное вино. <...>

Женщины красивы и изящны. Да вообще всё чертовски изящно. <...>

Папа, будьте добры, купите мне у Сытина или где хотите лубочное изображение св. Варлаама: святой Варлаам изображен едущим на санях, вдали на балкончике стоит архиерей, а внизу под рисунком житие св. Варлаама. Купите и положите мне на стол.

В Испанию, вероятно, не поедем. В Бухаре будем. <...> (Шутка.– А. Х.)

Желаю всего хорошего. Не забывайте меня, многогрешного. Всем низко кланяюсь, обнимаю, благословляю и пребываю любящим

А.Чеховым.

Все встречные узнают в нас русских и смотрят мне не в лицо, а на мою шапку с проседью. Глядя на шапку, вероятно, думают, что я очень богатый русский граф. <...>

Поклон красивому Левитану».

24 марта 1891 г. – И.П.Чехову. Венеция:

«Я теперь в Венеции, куда приехал третьего дня из Вены. Одно могу сказать: замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни. <...>

А вечер! Боже ты мой Господи! Вечером с непривычки можно умереть. Едешь ты на гондоле... Тепло, тихо, звезды... <...>

Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга. Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться, а когда стоишь в церкви и слушаешь орган, то хочется принять католичество. <...>

Буду еще писать, а пока до свиданья.

Твой А.Чехов».

4 апреля 1891 г. – Чеховым. Неаполь:

«Приехал в Неаполь, пошел на почту и нашел от вас пять писем, за которые очень вам всем благодарен. Ай да родственники! Даже Везувий потух от умиления. <...>

Ваш А.Чехов.

К Пасхе вернусь. Выходите встречать на вокзал».

15 апреля 1891 г. – Чеховым. Ницца:

«<...> Живем в Ницце, на берегу моря. Солнце светит, тепло, зелено, пахнет, но ветер. На расстоянии одного часа езды от Ниццы находится знаменитое Монако; здесь есть местечко Монте-Карло, в котором играют в рулетку. <...> Вы, конечно, скажете: "Какая подлость! Мы бедствуем, а он

там в рулетку играет". Совершенно справедливо, и я разрешаю Вам зарезать меня. Но я лично очень доволен собой. По крайней мере я могу теперь говорить своим внукам, что я в рулетку играл и знаком с тем чувством, какое возбуждается этой игрою. <...>

Был я вчера в воскресенье в здешней русской церкви. Особенности: вместо вербы – пальмовые ветви, вместо мальчиков в хоре поют дамы, отчего пение приобретает оперный оттенок <...>

Из всех мест, в каких я был доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция. Рим похож в общем на Харьков, а Неаполь грязен. <...> Antonio. <...>»

17 апреля 1891 г. – Чеховым. Ницца:

«Итак, значит, я не попаду в Москву к празднику (Пасха приходилась в 1891 году на 21 апреля. – А. Х.). Досадно. Завтра мы едем в Россию; на пути заедем в Милан, на итальянские озера (Комо, Лаго-Маджоре), потом в Берлин; стало быть, буду я в Москве раньше Фоминой недели. <...>

Христос воскрес! Со всеми христоюсь и прошу прощения, что не успел домой к празднику. Воображаю, как скучно пройдет для меня пасхальная ночь. <...>

Ваш А.Чехов.

Мне ужасно надоело завтракать, обедать и спать. На всё это за границей тратится очень много времени. Сибирь, где путешественники не завтракают, не обедают и не спят, в этом отношении гораздо лучше. Там не ешь и потому чувствуешь себя как на крыльях».

21 апреля 1891 г. – Чеховым. Париж:

«Сегодня Пасха. Стало быть, Христос воскрес! Это первая Пасха, которую провожу я не дома.

Приехал я в Париж в пятницу утром и тотчас же поехал на выставку (Всемирная выставка. – А. Х.). Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальные выставочные постройки я видел только снаружи, так как внутри находилась кавалерия, приготовленная на случай беспорядков. В пятницу ожидалось волнения (речь идет о демонстрации 1 мая (н. ст.). – А. Х.). <...> В один из натисков и я сподобился: полицейский схватил меня за лопатку и стал толкать вперед себя.

Масса движения. Улицы роятся и кипят. Что ни улица, то Терек бурный. Шум, гвалт. Тротуары заняты столиками, за столиками – французы, которые на улице чувствуют себя, как дома. Превосходный народ. <...>

Заутреню слушал в посольской церкви. <...>

Был на картинной выставке (Salon) и половины не видел благодаря близорукости. Кстати сказать, русские художники гораздо серьезнее французских. В сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан король. <...>

Желаю здравия.

Ваш А.Чехов».

27 апреля 1891 г. – И. П. Чехову. Суббота на Св. неделе. Париж:

«<...> Сегодня я еду в Россию. В Москве буду в среду. <...> Было бы желательнее скорее повидаться и поговорить о виденном и слышанном. <...>

Надоело путешествовать. Хочется работать.
Ну, будь здрав. До свиданья.
Твой Antoine».

После пребывания на даче в Алексине и Богимово Чехов возвращается в Москву 5 сентября 1891 года.

16 декабря 1891 г. – А.И. Смагину. Москва:

«<...> Если я в этом году не переберусь в провинцию и если покупка хутора почему-либо не удастся, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется, что я разохся, как старый шкаф, и что если в будущий сезон я буду жить в Москве и предаваться бумаго-марательным излишествам, то Гиляровский прочтет прекрасное стихотворение, приветствуя вхождение мое в тот хутор, где тебе ни посидеть, ни встать, ни чихнуть, а только лежи и больше ничего. Уехать из Москвы мне необходимо. <...>

Ваш А.Чехов».

22 февраля 1892 г. – В.В. Билибину. Москва:

«<...> Волею судеб покупаю себе угол не в Малороссии, а в холодном Серпуховском уезде <...> Хочу быть герцогом. <...> Не хотите ли в подарок сажень дров? <...>

В свое монрепо переезжаю 1 марта. В деревне засяду за работу и буду писать с ожесточением, ибо денег у меня – увы и ах! <...>

Ваш А.Чехов».

23 февраля 1892 г. – Ал. П. Чехову. Москва:

«<...> Теперь внимай. Я изменил Хохландии, ее песням и ракам. Именье куплено в Серпуховском уезде, в 9 верстах от станции Лопасни. <...> Погасить долги постараюсь в 4 года. <...>

Помещик А.Чехов. <...>»

28 февраля 1892 г. – А.С. Суворину. Москва:

«Третьего дня я был в имении, которое покупаю. Впечатление ничего себе. Дорога от станции до имения всё время идет лесом. Расстояние такое, как от Боброва до Коршева. Само имение симпатично. Дом новый, крепкий, с затеями. Мой кабинет прекрасно освещен сплошными итальянскими окнами и просторнее московского. Но в общем будет тесно. Амбары и проч<ие> постройки новы. Сад и парк хороши. Инвентарь, если не считать рояля, никуда не годен. Парники хороши. Оранжереи нет. <...>

Ваш А.Чехов. <...>»

28 февраля 1892 г. – Ал. П. Чехову. Москва:

«Литературный брендмайор! (Шутка, связанная с тем, что Ал. П. Чехов редактировал журнал «Пожарный». – А. Х.) Возьми раскаленное железо и выжги им на своей груди мои адреса. Простые письма и "Пожарного" адресуй в Ст. Лопасня, Моск.-Курск. дор. Страховые и заказные письма, равно как и посылки, в г. Серпухов, село Мелихово. Пожалуйста, не потеряй сих адресов и не смешай их. На станции мы будем бывать ежедневно, а в Серпухове только раз в неделю. <...>

Твой А.Чехов».

**6–7 марта 1892 г. – А.С.Суворину.
Мелихово:**

«Я уже в ссылке. Сажу в своем кабинете с тремя большими окнами и благодушствую. Раз пять в день выхожу в сад и кидаю снег в пруд. С крыш каплет, пахнет весной, по ночам же бывает мороз в 12–13 градусов.

Настроение пока хорошее. <...>
Ваш А.Чехов».

**23 февраля 1894 г. – В.А.Тихонову.
Мелихово:**

«Драгоценный Владимир Алексеевич! <...>

Я живу хорошо, но так как человек никогда не бывает доволен тем, что он имеет, то уезжаю в Крым 1-го марта. Возвращусь за два дня до Пасхи. Хочется, подобно пожарной команде, прискакавшей на пожар за полчаса, увидеть весну за месяц до установленного срока. К тому же небольшой кашель и прочее. <...>

Мой крымский адрес до Пасхи: Гурзуф, А.П.Чехову. Приезжайте в Крым. <...>
Ваш А.Чехов. <...>»

6 марта 1894 г. – Г.М.Чехову. Ялта:

«Милый Жоржик, прости, я обманул тебя невольно. Помнится, я обещал приехать весной в Таганрог – но человек предполагает, а Бог располагает, – я попал в Ялту, где намерен прожить до Пасхи. Мой адрес: Ялта, гостиница «Россия». <...>

Здесь настоящая весна. Кругом зелено, и поют птицы. Днем хожу в летнем пальто, а вечером в зимнем. <...>

Сейчас отошел в Севастополь пароход «Ольга». Я плыл сюда на «Цесаревне», в туман, так что ничего не было видно, и свисток работал почти не переставая. К счастью, во время своего путешествия из Сахалина я достаточно привык и к туманам и к свежим ветрам и потому смотрю теперь на Черное море свысока и во время качки обедаю ничтоже сумняся.

Пиши же. Сердечный привет и низкий поклон дяде, тете и сестрам. <...>
Будь здоров и благополучен.
Твой А.Чехов. <...>»

6 или 7 марта 1894 г. – М.П.Чеховой. Ялта:

«<...> Погода сносная. Часто голова болит.
По утрам не кашляю, но кашель все-таки есть. <...>
В Ялте я проживу до апреля. <...>
Твой А.Чехов. <...>»

А.П.Чехов. 1894 г.

Ялта. Гостиница «Россия»

18 марта 1894 г. – Ж. Легра. Ялта:

«Многоуважаемый Юлий Антонович!

Я кашляю и потому живу в Крыму, в Ялте. Погода холодная, на море буря... Бррр!! <...>

Я буду жить в Ялте до 15 апреля <...> а потом уеду в Мелихово. Мой адрес: Ялта, А.П.Чехову. <...>

Ваш А.Чехов».

27 марта 1894 г. – Я.А.Корнееву. Ялта:

«<...> С 5-го марта живу я в Ялте, откуда хочу в начале апреля бежать домой. Поехал я в Крым только для того, чтобы хотя немножко удовлетворить свою страсть к передвижениям. Тут уже весна, тепло, но скучно; люди нудные, скучные, природа кладбищенская. Да и есть нечего. <...>

Ваш А.Чехов».

27 марта 1894 г. – Л.С. Мизиновой. Ялта:

«<...> Я в Ялте, и мне скучно, даже весьма скучно. Здешняя, так сказать, аристократия ставит "Фауста", и я бываю на репетициях и наслаждаюсь там созерцанием целой клумбы черных, рыжих, льняных и русых головок, слушаю пение и кушаю; у начальницы женской гимназии я кушаю чебуреки и бараний бок с кашей; в благородных семействах я кушаю зеленые щи; в кондитерской я кушаю, в гостинице у себя тоже. <...> Не потому скучно, что около меня нет "моих дам", а потому, что северная весна лучше здешней и что ни на одну минуту меня не покидает мысль, что я должен, обязан писать. Писать, писать и писать. <...> Я до такой степени измочалился постоянными мыслями об обязательной, неизбежной работе, что вот уже

неделя, как меня безостановочно мучают перебои сердца. Отвратительное ощущение. <...>

Крыжовник здесь еще не поспел, но тепло, светло, деревья распускаются, море смотрит по-летнему, девушки жаждут чувств, но север все-таки лучше русского юга, по крайней мере весною. У нас природа грустнее, лиричнее, левитанистее, здесь же она – ни то ни сё, точно хорошие, звучные, но холодные стихи. Благодаря перебоям, я уже неделю не пью вина, и от этого здешняя обстановка кажется мне еще беднее. <...>

Ваш А.Чехов. <...>»

27 марта 1894 г. – А.С.Суворину. Ялта:

«Здравствуйте!! Вот уж почти месяц, как я живу в Ялте, в скучнейшей Ялте, в гостинице "Россия" <...> Погода весенняя, тепло и светло, море как море, но люди в высочайшей степени нудные, мутные, тусклые. <...>

Кашель у меня не прошел, но 5 апреля я все-таки двину на север к пенатам. <...>

После того, как я совершенно бросил курить, у меня уже не бывает мрачного и тревожного настроения. <...>

Ваш А.Чехов».

27 марта 1894 г. – М.П.Чеховой. Ялта:

«Так как мне здесь скучно, то приеду домой, вероятно, раньше, чем в пятницу на Страстной.

5-го апреля я выеду отсюда в имение Кузнецова "Форос", оттуда в Георгиевский монастырь дня на два, а оттуда домой. <...> Но задержка едва ли будет, так как оставаться здесь мне нельзя уже потому, что денег нет. <...> Видел скворцов, которые летели к нам в Мелихово.

Поклон всему дому. До свиданья!

А.Чехов.

Море прекрасно. Прекрасны пароходы. Но публика некультурная, нудная. Привезу маслин, которые здесь очень хороши».

2 апреля 1894 г. – М.П.Чеховой. Ялта:

«Завтра в воскресенье утром я покидаю Ялту. <...>

Холодноватисто. Только 6° тепла.

Поклон всем.

А.Чехов».

10 апреля 1894 г. – А.С.Суворину. Мелихово:

«<...> Пьесы в Крыму я не писал, хотя и намерен был; не хотелось. В той же гостинице, где и я, жила наша московская Н.М. Медведева, простая, купчихообразная, напуганная жупелами, но милейшая старуха. Даже ее соседство и ежедневные разговоры о театре не склонили меня к драматургии. А прозу писал. (В Ялте в 1894 году А.П.Чехов написал рассказ «Студент». – А. Х.)

Видел в Ялте бурю. Пароходы выкидывали такие курбеты, что мое почтение. Работала спасательная лодка. Люблю я море и чувствую себя до глупости счастливым, когда хожу по палубе парохода или обедаю в кают-компани. <...>

Ваш А.Чехов».

**Владимир Иванович Немирович-Данченко –
театральный режиссёр, драматург, писатель**

**25 ноября 1897 г. – М.П.Чеховой.
Ницца:**

«Chère Marie <...>

Я здоров. Работаю, к великой своей досаде, недостаточно много и недостаточно хорошо, ибо работать на чужой стороне за чужим столом неудобно; чувствуешь себя так, точно повешен за одну ногу вниз головой. <...>

Твой А.Чехов. <...>»

**14 декабря 1897 г. – М.П.Чеховой.
Ницца:**

«<...> Много сюжетов, которые киснут в мозгу, хочется писать, но писать не дома – сущая каторга, точно на чужой швейной машине шьешь. <...>

Твой А.Чехов».

**15 декабря 1897 г. – Ф.Д.Батюш-
кову. Ницца:**

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич <...>

Вы выразили желание *в одном из Ваших писем*, чтобы я прислал ин-

тернациональный рассказ, взявши сюжетом что-нибудь из местной жизни. Такой рассказ я могу написать только в России, по воспоминаниям. Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично».

25 апреля 1898 года Владимир Иванович Немирович-Данченко пишет Антону Павловичу Чехову о создании Художественного театра в Москве и просит разрешения на постановку «Чайки» в этом театре. Разрешение на постановку Чехов не дал.

2 мая А.П.Чехов из Парижа уехал в Петербург.

5 мая вернулся в Мелихово.

12 мая В.И.Немирович-Данченко вторично обращается к Чехову: «Если ты не дашь, то зарежешь меня, так как "Чайка" единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра».

16 мая 1898 г. – Вл.И.Немировичу-Данченко. Мелихово:

«Милый Владимир Иванович, ловлю тебя на слове. Ты пишешь: "я до репетиций приеду к тебе переговорить". Так вот приезжай, пожалуйста! Приезжай, сделай милость! Мне так хочется повидать тебя, что ты и представить не можешь, и за удовольствие повидаться с тобой и потолковать я готов отдать тебе все свои пьесы.

Итак, приезжай. <...>

Твой А.Чехов. <...>»

8 сентября 1898 г. – Вл.И.Немировичу-Данченко. Мелихово:

«Милый Владимир Иванович, я приеду в среду в полдень! <...> Собрался в Крым. <...> Твой А.Чехов. <...>»

9 сентября 1898 г. – Н.М.Линтваревой. Мелихово:

«Многоуважаемая Наталия Михайловна, сегодня 9 сент<ября> уезжаю в Москву, а оттуда в Ялту. <...> Ваш А.Чехов».

9 сентября вечером Чехов присутствует на репетиции «Чайки».

11 сентября присутствует на второй репетиции «Чайки».

14 сентября был на репетиции пьесы «Царь Фёдор Иоаннович» в Московском Художественном театре.

14 сентября 1898 г. – М.П.Чеховой. Москва:

«<...> В 6 час. найдешь меня на Курском вокзале. В 6½ уезжаю в Ялту с курьерским.

Будь здорова.

Твой Antonio».

15 сентября Чехов уехал в Ялту.

19 сентября 1898 г. – И.П.Чехову. Ялта:

«Море тихое. Погода в Ялте очаровательная; тепло и тихо, как в июне. Всё обстоит благополучно. Квартира у меня в две комнаты, очень хорошая, с садом и роскошным входом. <...>

Здесь Мирон, поэт Бальмонт и Шаляпин.

Адрес: Ялта, д. Бушева.

Твой Antonio».

На даче Бушева Антон Павлович встречался с Фёдором Ивановичем Шаляпиным и Сергеем Васильевичем Рахманиновым.

8 октября 1898 г. – А.С.Суворину. Ялта:

«<...> Погода здесь теплая, совершенно летняя; сегодня дует ветер, но вчера и третьего дня было так хорошо <...> Крымское побережье красиво, уютно и нравится мне больше, чем Ривьера; только вот беда – культуры нет. <...>

Перед отъездом, кстати сказать, я был на репетиции "Фед<ора> Иоан<овича>". Меня приятно тронула интеллигентность тона, и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты. Ирина, по-моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность – так хорошо, что даже в горле чешется. Федор показался мне плоховатым; Годунов и Шуйский хороши, а старик (секиры) чудесен. Но лучше всех Ирина. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину. (Роль Ирины исполняла О.Л.Книппер. – А. Х.) <...>

Ваш А.Чехов. <...>»

Ялта. Дача «Омиюр»

Открытие памятной доски на набережной (бывш. дача Бушева), посвящённой переезду А.П.Чехова в 1898 году в Ялту на постоянное место жительства. Слева направо: С.С.Цыганков, А.В.Ханило, мэр Ялты С.Ф.Илаш. 2013 г.

12 октября умер отец Антона Павловича – Павел Егорович.

Около середины октября Чехов переехал с дачи Бушева на дачу Иванова (Пушкинский бульвар, 31).

23 октября писатель переехал с дачи Иванова на дачу Иловой-ской «Омюр».

30 октября 1898 г. – И.П.Чехову. Ялта:

«<...> Участок куплен, купчая совершена, приступаем к постройке, и Маша уже чертит план. Мы решили так: лето будем проводить в Мелихове, как всегда, зимовать же – я и мать – будем в Ялте, где зимою так удобно жить. <...>

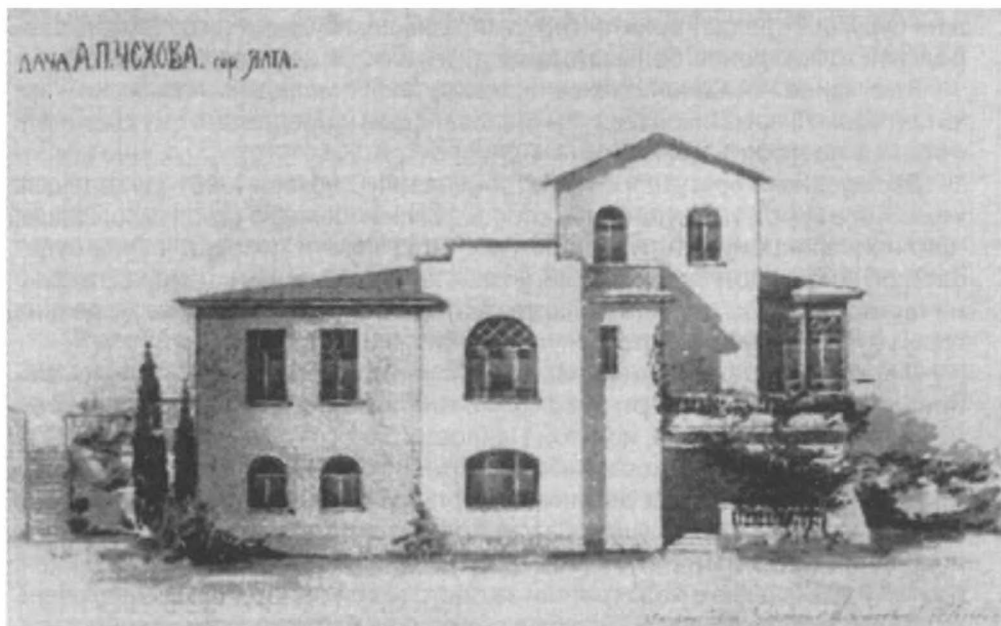
Будь здоров и благополучен. Не приедешь ли в Ялту на Рождество?*
Твой Antoine.

* Здесь в декабре бывают теплые дни, иногда совсем без морозов.
Маша кланяется».

«Ялтинский дом очень хорош. Лучше и не надо»

В статье приведена переписка А.П.Чехова с сестрой с октября 1898 года по 28 июня 1904 года – о строительстве дома и последующих ремонтных работах. Впервые публикуются выдержки из писем М.П.Чеховой к О.Л.Книппер-Чеховой после 1904 года (письма хранятся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки). Публикуются воспоминания А.В.Ханило с 1946 по 2006 год.

18 сентября 1898 года А.П.Чехов приехал в Ялту с намерением провести здесь только зиму. Врачи запретили ему зимовать в Москве. Но уже 9 октября он пишет сестре: «<...> местные доктора настойчиво советуют завести себе маленький домик и в Ялте. Такой домик, чтобы, уезжая, можно было запирать его и брать с собой ключ. Здешний банк дает деньги на дом, и я уже подглядел землю <...> с превосходным видом на море и горы <...>

Л.Н.Шаповалов. Проект дома А.П.Чехова в Ялте

Визитная карточка А.П.Чехова

Если бы мне через 10–15 лет иметь дом в Ялте и маленький хутор в окрестностях, то я бы ничего больше не хотел для своей старости. <...>»

Брату Ивану Павловичу 20 октября сообщает: «<...> Я, кажется, уже купил участок. После совершения купчей напишу подробности. Участок очень хороший, все хвалят <...>

Напрягусь, соберу все силы, и авось удастся устроиться по-человечески. <...>»

Крым всё больше нравится Чехову – мягкая осень, всё ещё зелено,

цветут розы. Об этом он с восторгом писал В.М.Лаврову (24 октября 1898 г.): «<...> в Ялте великолепная, совершенно летняя погода, никуда не хочется уезжать. Крым очень хорош. Никогда раньше он мне так не нравился, как теперь. Зимовать, должно быть, я останусь в Ялте, и если поеду куда-нибудь отсюда, то недалеко и не надолго. <...>»

Брату Михаилу Павловичу в эти же дни (26 октября) писал: «<...> Я покупаю в Ялте участок и буду строиться, чтобы иметь место, где зимовать. Перспектива постоянного скитанья, с номерами, швейцарами, случайной кухней и проч. и проч. пугает мое воображение. Со мной зимовала бы и мать. Здесь зимы нет; конец октября, а розы и прочие цветы цветут взапуски, деревья зелены и тепло. <...> Вблизи булочная, базар. <...> Кстати же, в лесничестве всю осень собирают рыжики и маслята – и это развлечет нашу мать. Строить сам я не буду, всё сделает архитектор. К апрелю дом будет готов. Участок, с городской точки зрения, большой; поместится и сад, и цветник, и огород. <...>»

В магазине И.А.Синани Чехов познакомился с молодым московским архитектором Львом Николаевичем Шаповаловым и предложил ему составить проект и построить дом.

Двоюродному брату Георгию Митрофановичу 2 ноября 1898 года сообщал: «<...> Тут в Ялте я уже купил себе клочок земли и начинаю строить логовище, приличное нашему чину и званию. Рассчитываю, что зимовать в Ялте будет со мной и мать. Дом будет теплый, хозяйственный, и жизнь здешняя похожа на таганрогскую <...> надо полагать, матери понравится. Вид на море и на горы изумительный. Участок я купил по случаю, дешево <...>».

Марии Павловне написал 8 ноября: «Копию с фасадов пришлю, Шаповалов уже кончает чертить. <...>» В планировке дома участие принимали и Мария Павловна, и Антон Павлович, многое в доме было сделано по желанию и вкусу Чехова. Рабочий проект был закончен только в феврале 1899 года. Ещё в середине ноября 1898 года Чехов писал сестре: «<...> вчера 14-го было у меня заседание насчет постройки (архитектор, подрядчик, Синани и я) <...> Архитектор наш немножко вял и меланхоличен; поэтому приглашаю в надзиратели за постройкой одного человека, очень опытного и бойкого. <...>» Это был подрядчик Бабакий Осипович Кальфа. Ещё до этого Чехов писал: «<...> Постройка (Буюрнус) еще не началась;

Шаповалов занят приютом и медлит, так что меня уже начинает разбирать досада. Обещает на сих днях составить смету. <...>» (от 13 ноября 1898 г.).

Антон Павлович всегда очень заботился о матери, не забывал об этом и при строительстве дома. Сестре писал: «<...> Я думаю, что в Ялте никому не будет так удобно, как мамаше. Кухня будет великолепная, удобства американские, вода, подвал, сушильня, звонки, телефон. В Аутской церкви звонят к обедне в 10-м часу. Возле нашей дачи живет извозчик, который будет возить по утрам очень дешево. <...>» (от 15 ноября 1898 г.).

Близость церкви Святого Фёдора Тирона к дому была важна для Чехова. Ведь мать Евгения Яковлевна, живя в Таганроге, ежедневно посещала церковные службы, и в Мелихове церковь была рядом с домом.

Брату Ивану Павловичу писал 16 ноября 1898 года: «<...> Дача будет готова к маю. В саду на даче предполагается фонтан и бассейн с золотыми рыбками. <...>»

22 ноября Чехов писал сестре: «<...> Вчера я был на постройке. Кучи черного песка, яма для известки, ломают плетень, турки ничего не понижают, дым; грязь липнет к ногам, сосед Мандраджи, турок <...> пристает с разговорами; я махнул рукой и пошел домой. Архитектор не попадает мне на глаза, у него не всё еще готово. Недоразумение с водопроводом. Одним словом, построить везде скучно. Но зато вид с нашего участка! Это не вид, а рахат-лукум. <...>»

Посетители мне мешают работать. <...> Как хорошо, что я купил землю не в Ялте, а в Аутке. <...>»

Через неделю сообщает сестре: «<...> Постройка подвигается. Никаких недоразумений. Всё тихо, мирно; Синани каждый день ходит на участок и собирается сажать деревья. Чистят колодезь. <...>»

Как только возведут фундамент, сниму фотографию и пришлю. <...>»

Через несколько дней снова в письме к сестре (от 4 декабря 1898 г.): «<...> Насчет постройки не беспокоюсь, никаких беспокойств нет и не может быть, потому что на постройке я бываю очень редко, и то в качестве не хозяина, а почетного гостя. Забор делаем каменный; вообще всё делаем так, чтобы потом сто лет не понадобилось ремонта. <...>» Так мечтал Чехов, но, увы, этого не получилось. Проблем с домом после окончания строительства было достаточно; и всё это ляжет на плечи Марии Павловны и при жизни Антона Павловича – до июля 1904 года, и позже – до последних дней жизни Марии Павловны – январь 1957 года.

13 декабря 1898 года по случаю сильных морозов постройка в Аутке была приостановлена. Участок земли Чехов купил в долг, а для постройки дачи был вынужден продать право на издание своих произведений издателю Адольфу Марксу.

17 декабря 1898 года Чехов писал сестре: «<...> Когда я затеял покупку участка на Аутке, то выписал аванс в 5 тыс. в счет книг. Одну тысячу отдал в уплату за землю (которая стоит 4 тыс.), тысячу в счет работы, две тысячи за Кучукой, 500 пошли на купчие, на аванс архитектору <...>»

В Аутке уже готов каменный забор. Стало уютно. Работа еще на точке замерзания, ибо водопровод еще не готов, без воды же нельзя работать. Колодезь весь вычерпали. <...>»

Строительство дома А.П.Чехова в Ялте

4 января 1899 года пишет Ивану Павловичу Чехову: «<...> Сегодня пойду в Аутку на постройку, уже делают фундамент. <...>»

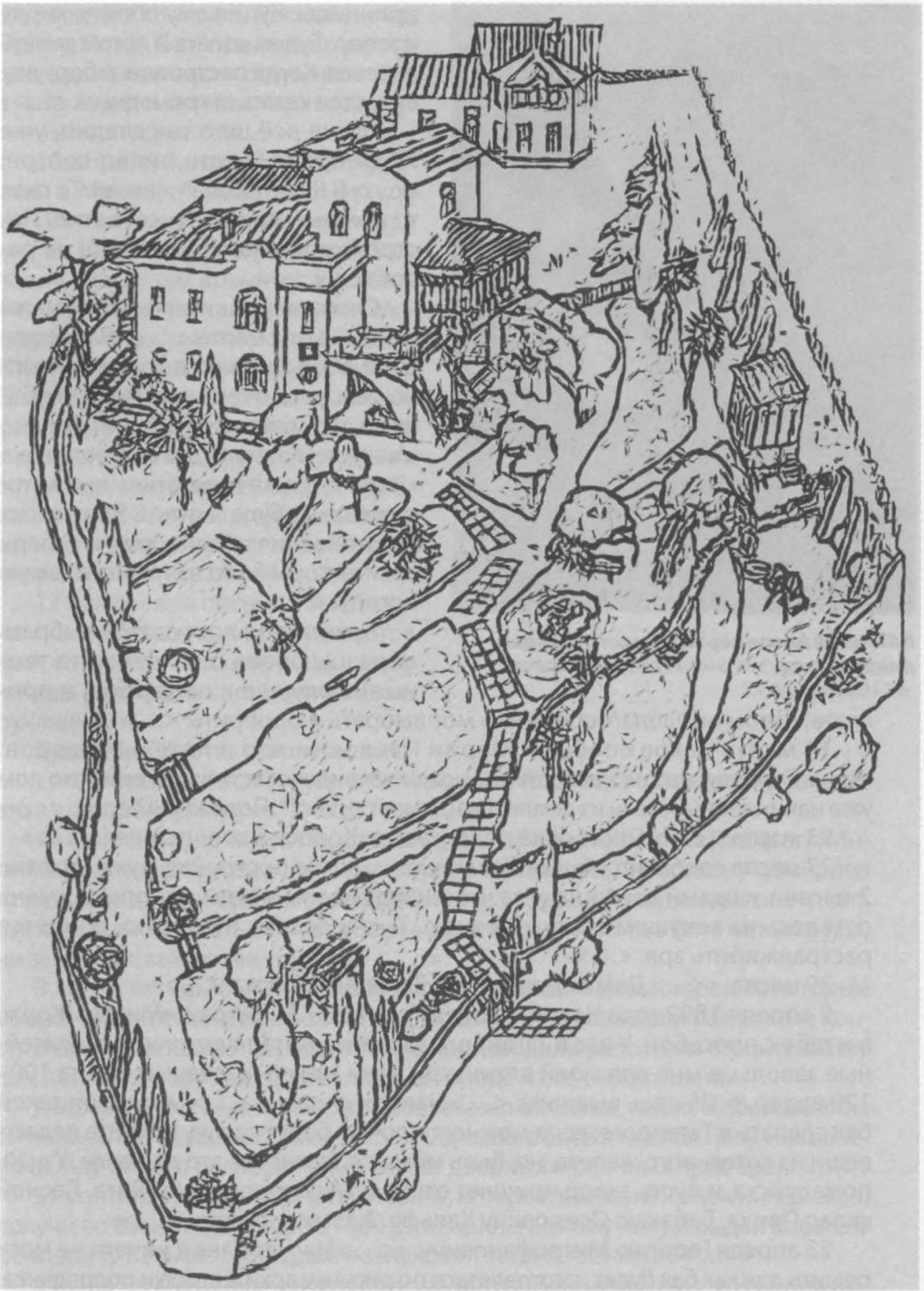
9 января Марии Павловне: «<...> Развлечение у меня только одно – постройка, да и на той я бываю очень редко, так как на участке грязно, вязнут калоши. В снег и в дождь строиться нельзя, и потому постройка подвигается еле-еле, чуть-чуть. Архитектор рисует внутренность кабинета, камин, окна. Выходит ничего себе. <...>»

4 февраля пишет Марии Павловне: «<...> В доме, в верхнем этаже, будет паркетный пол. Дом немножко увеличен, так что комната мамы и столовая будут шире и длиннее на 1 арш<ин> или несколько даже более. В нижнем этаже целая квартира. Делать ли у тебя в башне паркетный пол? <...>» В этом же письме он сообщает, что уже подписал договор с Марксом. Если бы это случилось несколько раньше, то площадь дома можно было бы увеличить и сделать просторнее комнаты. Но фундамент уже был готов, и расширять его было невозможно.

«<...> Для аутской дачи я нанял турка, – писал Чехов сестре 9 февраля, – который будет копать, сажать, сторожить, ходить по делам. Турки честные, преданные люди – такими, по крайней мере, их здесь считают. <...>»

Из письма к сестре от 10 февраля 1899 года: «<...> Аутская дача будет и красива, и удобна. Тебе и мамаше очень понравится, к твоему приезду, т. е. к июню, будет уже всё готово. <...>»

Я нанял турку, его зовут Мустафа. Очень старается. Спит в сараишке. Физиономия добрая, силища громадная, нищета, трезвость и благородные

План участка А.П.Чехова в Ялте

А.П.Чехов возле керамического сосуда для воды

принципы. Купил ему лопату, кирку и топор. Будем копать и потом сажать деревья. Когда построили забор, участок стал казаться громадным. <...>»

Но не всё шло так гладко, уже 19 февраля Чехов писал сестре: «<...> В Ялте погода ужасная. То снег, то дождь – при сильном ветре. Постройку занесло, давно уже не работают. <...>»

Снова неутешительные новости в письме от 2 марта: «<...> Ялтинская дача обойдется не дороже 10 тыс., но увы, увы! вчера архитектор объявил, что готова она будет только в августе. К лету будет готова только кухня с тремя комнатками, в которых можно будет жить. В Ялте на сих днях обвалился один дом, и теперь архитекторы боятся строить в сырую погоду. <...>»

Архитектор просит тебя выбрать образцы обоев (для кабинета темные), получше и подороже, и при-

слать, чтобы он заблаговременно мог выбрать и одобрить. <...>»

14 марта Чехов сообщал Марии Павловне, что в Ялте В.М.Лавров: «<...> Он был у нас на постройке и может засвидетельствовать тебе, что дом уже начинает вылезать из земли. Фундамент est fini*. Положены балки. <...>»

23 марта: «<...> Постройка подвигается. Коробов кое-что снял. <...>»

27 марта сообщает Марии Павловне: «<...> За постройку я уже уплатил 2 тысячи, каждый день плачу за что-нибудь кому-нибудь, и сколько у меня осталось на текущем счету – не знаю. Тысяч десять, вероятно, придется растратить зря. <...>»

29 марта: «<...> Дом поднимается. Закипела работа. <...>»

9 апреля 1899 года Чехов пишет в Таганрог Г.М.Чехову: «Милый Жорж, я к тебе с просьбой. У вас в Таганроге завелись металлургические и литейные заводы, а мне для моей ялтинской дачи нужен железный бак на 100–120 ведер, в 1½ арш. вышины. <...> наведи справку <...> можно ли такой бак сделать в Таганроге; если можно, то почем берут за пуд. И в Ялте делают вещи из котельного железа, но, быть может, в Таганроге это дешевле. Узнай, пожалуйста, и пусть завод пришлет ответ моему подрядчику: Ялта, Лесной склад Прика, Бабакаю Осиповичу Кальфе. А ты мне ответ. <...>»

23 апреля Георгию Митрофановичу: «<...> Насчет бака я ничего не могу решить, так как бак будет изготавливаться по рисунку архитектора и подрядчика, на которых возложена вся постройка. Нужно, чтобы завод послал смету под-

* Окончен (франц.). – Прим. сост.

рядчику (Б.О.Кальфа, Лесной склад Прика, Ялта). Бак предназначается для воды, как часть водопровода; в него будет накачиваться вода (суточный запас). <...>»

10 апреля Антон Павлович выехал в Москву. 1 мая писал оттуда И.А.Синани: «<...> Мне не пишут ни Лев Николаевич, ни Бабакай Осипович, между тем время уходит и может случиться, что я скоро покину Москву. Будьте добры, попросите Л<ьва> Н<иколаевича> или Б<абака> О<сиповича> написать мне поскорее, какие приборы нужны для окон и дверей, сколько, у кого купить их в Москве; попросите, чтобы сообщили мне размеры стен в комнатах верхнего этажа, чтобы я заблаговременно мог купить обоев. <...>»

12 мая снова в письме к И.А.Синани: «<...> Напишите, когда будет готов дом, когда (приблизительно) я могу начать высылать свою домашнюю рухлядь.

Будьте добры, по прилагаемому чеку получите две тысячи рублей и передайте их Бабакаю Осиповичу Кальфе; это за постройку. <...>»

19 мая 1899 года Чехов писал своему двоюродному брату в Таганрог: «Милый Жорж, ваша приазовская металлургия осрамилась. В Ростове у Немирова за решетку для забора с меня запросили в 1½ раза больше, чем она стоит, бак же взялись делать в Ялте за более дешевую цену, хотя в Ялте нет ни руды, ни заводов с высокими трубами. <...>»

В Ялте в те годы было большое количество частных мастерских, которые обеспечивали строительными материалами и изготавливали различные конструкции из металла и дерева, а также производили работы по строительству дач, коих в ту пору много появилось в городе и его окрестностях.

Дверные и оконные приборы Чехов заказал в Москве, там же и обои, об этом он написал И.А.Синани 25 мая: «<...> Образцы обоев я послал Льву Николаевичу. Жду от него распоряжения насчет дверных и оконных приборов. <...>»

31 мая пишет брату Ивану Павловичу, который выехал в Ялту: «Милый Жан, получи во Взаимном кредите 1000 р. по прилагаемому чеку и выдай Бабакаю Осиповичу Кальфе, с которым познакомит тебя И.А.Синани. <...>»

2 июня из Мелихова писал Георгию Митрофановичу: «<...> Из Ялты пишут, что дом подвигается, уже кладут крышу <...> Пишут, что вид с верхних балконов чудесный. <...>»

А.В.Ханило
возле керамического сосуда для воды.
29 января 2017 г.

20 июля Антон Павлович возвратился в Ялту и на другой день сообщал Марии Павловне: «<...> Ялтинский дом очень хорош. Лучше и не надо. Комнаты малы, но это не бросается резко в глаза. Виды со всех сторон замечательные, а из твоей комнаты такие виды, что остается пожалеть, что этого дома у нас не было раньше. Флигель готов совершенно. Уютно и мило. <...>»

За месяц до этого 21 июня 1899 года Чехов писал из Мелихова в Таганрог Павлу Фёдоровичу Иорданову: «<...> В июле я, вероятно, уеду в Ялту, где у меня строится дача. Маленькая, тесная дача, похожая на коробку из-под сардин. Беда в том, что план был начерчен раньше переговоров с Марксом, а потом уже поздно было переделывать. <...>»

В письме Марии Павловне (от 21 июля 1899 г.): «<...> Комната для ма-маши тоже очень хорошая. Одним словом, не дом, а волшебство. <...>» В следующем письме к Марии Павловне: «<...> Твоя комната очень нравится Книппер. Это не комната, а волшебство. <...>»

22 июля Чехов писал Ивану Павловичу: «Я в Ялте. <...> Перебираюсь к себе во флигель. Дом вышел великолепный. <...>»

5 августа А.И.Синани: «<...> Передайте Л.Н.Шаповалову, что приборы на окна Киров обещал приготовить только через 3 недели. Говорят, что это такой заказ, который следовало бы сделать заранее: работы много. Я стал просить, нельзя ли поскорее, и он, пожав плечами, сказал, что "может быть" успеет послать заказ и через 2 недели.

Итак, очевидно, в своем доме я буду еще не скоро жить. <...>»

28 августа 1899 года Чехов выехал в Москву и в тот же день писал Ивану Павловичу: «Керосинка нашлась и два подсвечника тоже. Пишу про это вечером, сидя у себя на Аутке. Кухня уже готова, к приезду наших дом примет более или менее жилой вид. <...>»

На следующий день писал Марии Павловне: «Милая Маша, вот подробности. Кухня уже готова, комната для Марьюшки тоже. В твоей комнате настилают паркет; хотели оклеить обоями, но я остановил, сказав, чтобы подождали твоего приезда. Комнаты моя и мамы будут готовы к первому сентября совершенно, т. е. будет и пол, и обои, и оконные приборы. Внизу готовят одну комнату для Куркина. Я живу во флигеле, устроился уютно. Тесно от вещей, и большую услугу оказал мне твой шкаф, куда я прячу белье. <...>

В передней тоже не будут трогать стен до твоего приезда. Обои будут только у меня и у мамы. Ватерпруф спешат кончить. В колодезе вода хорошая. <...>

На сих днях поставлю телефон. <...>»

31 августа сообщает Марии Павловне: «<...> Меня водят за нос. Полы и ватерпруф всё еще не готовы, и не знаю, когда будут готовы, – и воображаю, какая чепуха будет, когда вы приедете. Кухня и комната для Марьюшки готовы совершенно. <...>»

1 сентября 1899 года в письме Марии Павловне: «Полы настилают и торопятся с ватерпруфом, но вот беда: кровати еще не пришли. <...> Спать не на чем. Есть кровать только для Марьюшки, есть диван – и больше ничего. Обои придут из Одессы через неделю.

Вы приедете как раз во-время: начинаются лунные вечера. <...>»

9 сентября 1899 года в письме к О.Л.Книппер: «<...> Наши приехали. Помаленьку размещаемся в большом доме. Становится сносно.

Телефон. От скуки звоню каждый час. <...>»

В тот же день Ивану Павловичу: «Милый Иван, наши доехали благополучно. Бабушку укачало, а мать – ничего. Живем в большом доме, помещения достаточно. <...>

Я надеюсь сильно, что к Рождеству ты приедешь в Ялту. Для тебя будет приготовлено всё: и комната, и постель, и все удобства. <...>»

22 сентября Чехов писал Ивану Павловичу: «Киров до сих пор не прислал дверных приборов, нет даже накладной – и мы сидим в доме без дверей. Если будешь на Мясницкой, то, пожалуйста, побывай у Кирова и скажи, что он обманывает меня с 9-го августа, когда я уплатил ему по счету более 500 р., и, очевидно, будет обманывать без конца; и спроси, угодно ли ему будет возратить мне деньги, или же я должен подать <на> него в суд. <...>» Мария Павловна вспоминала, что почти три недели жили в доме без дверей, двери были изготовлены, но их нельзя было поставить и укрепить, так как не было петель и навесов, и дверные проёмы закрывали газетными листами, прикалывая их кнопками.

А.П.Чехов получил письмо от 23 сентября 1899 года на бланке: «Иван Григорьевич Киров в Москве. Паровая фабрика специально по выработке высшего качества оконных, дверных, печных и вентиляционных приборов». Поверенный Кирова посылал дубликат накладной и просил извинения за задержку, вызванную пожаром на фабрике. 27 сентября, после того как в магазине побывал И.П.Чехов, была послана телеграмма: «Приборы посланы дубликат почтой Киров».

26 сентября Чехов посылает письмо А.Н.Говалло: «Милостивый государь Анастасий Николаевич!

Приношу мою искреннюю благодарность Аутскому обществу за воду, которою я пользовался во время постройки, и прошу Вас передать мое пожертвование в пользу Аутской мечети 25 р.

Имею честь быть с почтением.

А.Чехов».

27 сентября пишет В.А.Гольцеву: «<...> У меня уже всё готово, могу работать. <...>»

29 сентября Антон Павлович пишет Ольге Леонардовне: «<...> Живем мы теперь в доме, обедаем в столовой; есть пианино. <...>» В тот же день писал Б.А.Лазаревскому: «<...> у меня стучат плотники, очень шумно, писать негде, и я поневоле должен быть краток. <...> И постройка еще не кончена <...> отложу продолжение этого письма до того благополучного времени, когда уйдут плотники и маляры. <...>»

2 октября пишет М.О.Меньшикову: «<...> Теперь у меня перестали стучать, стол мой на своем месте – и я могу работать. <...>»

26 октября пишет Марии Павловне: «<...> В нижней двери уже всё приспособлено, вчера весь нижний этаж был заперт наглухо, и турки там не ночевали. <...>»

30 октября посылает В.А.Гольцеву рассказ для «Русской мысли» – «Дама с собачкой». Он был опубликован в декабрьской книжке журнала. А 1 ноября пишет Марии Павловне: «<...> Плотники всё еще работают внизу <...> После того как ушли турки, Мустафа стал проявлять необыкновенное усердие и сделал уже все дорожки. <...>»

8 ноября ей же: «<...> Решетку наконец поставили на заборе. Я ожидал, что будет безобразно, но вышло ничего себе. Внизу комната всё еще не готова, плотники возятся и делают что-то. Балкон всё еще не готов. <...>»

11 ноября Чехов сообщил сестре: «<...> Мустафа ушел, и на его место приглашен Арсений <...>».

14 ноября снова пишет Марии Павловне: «<...> Ручки и задвижки очень нужны; плотники скоро уходят, ждать не станут. <...>»

19 ноября – Марии Павловне: «<...> Ноябрьские ветры дуют неистово, свистят, рвут крыши. Я сплю в шапочке, в туфлях, под двумя одеялами, с закрытыми ставнями <...>».

2 декабря 1899 года Чехов писал сестре: «<...> В пространстве, где лестница, в этом высоком ущелье, не согретом ни одной печью, холодно. Не поставить ли здесь 2 керосиновые печи – около ванной и против аптечного шкафа? Хорошо бы купить у Мюра <...>». На это письмо Мария Павловна ответила 7 декабря: «Керосиновую печь куплю, постараюсь заплатить как можно дороже».

7 марта 1900 года Чехов – сестре: «<...> Шоссе уже готово, но – увы!.. стена после дождей наклонилась к нам в сад, грозила падением, и теперь ее разбирают, чтобы опять начать строить. В ней вышины больше трех сажен. <...>»

22 декабря 1900 года Чехов писал Марии Павловне из Ниццы: «Милая Маша, пока ты в Ялте, распорядись, чтобы тот печник, который делал печи, осмотрел бы, во-первых, печь в гостиной (бывшей столовой) и, если можно, сделал бы так, чтобы часть тепла шла в кабинет, и, во-вторых, починил бы изразцы в ватере, исправив сначала там печь, т. е. сделав так, чтобы тепло шло не в ватер, а в переднюю. <...>» На это письмо Мария Павловна ответила 31 декабря: «Вчера был печник, осмотрел печи и нашел, что провести тепло из бывшей столовой к тебе в кабинет опасно, т. к. при разборе стены можно повредить какие-то основы. Но посоветовал топить печи внизу углем. И действительно, стало очень тепло, когда затопили углем и в коридоре».

3 января 1901 года Мария Павловна снова писала Чехову: «О печах и печниках я тебе писала. Печник болен ревматизмом и сам пока работать не может. В Ялте погода плохая, был сильный ветер с морозом, земля замерзла, как на севере. Топим все печи, но не чувствуем особенного тепла».

15 февраля Мария Павловна писала Чехову: «Если в доме у нас холодно, то позови Шаповалова, он советовал поставить в коридоре печку Гелиос, внизу около дверей выходных наружу. Насчет печника я тебе тоже писала».

28 мая 1901 года Мария Павловна писала брату: «Розы и глицинии тянутся по стене все кверху и уже начинают закрывать дом, его совсем не нужно будет штукатурить <...> Завтра у меня рабочие будут кое-что ремонтировать в доме. Был Бабакай, и мы с ним советовались».

Кабинет дома А.П.Чехова в Ялте

**А.В.Средин. Кабинет дома А.П.Чехова в Ялте.
Работа сделана при жизни писателя по просьбе О.Л.Книппер-Чеховой**

Дом А.П.Чехова в Ялте. Открытка начала XX в.

6 июня 1901 года Мария Павловна писала Антону Павловичу: «Теперь комната, где была Мария Федоровна, будет суха. Я сделала воздушное пространство снаружи той стены, которая уже почернела от сырости внутри. Делала по совету Бабакая и Шаповалова».

В письме к жене Ольге Леонардовне 24 августа 1901 года Чехов сообщает: «<...> Будут переделывать печи. <...>» 27 августа ей же: «<...> В гостиной ломают печь. <...>»

Чехов несколько раз писал Ольге Леонардовне, что у него в кабинете температура 13 и 14 градусов – это по Реомюру, что в переводе на шкалу Цельсия составляет 16,5 и 17,5 градусов. Но уже 11 ноября 1901 года писал Ольге Леонардовне: «<...> Забыл я вчера написать Маше насчет печей. Скажи ей, что судить еще рано, но если судить по тем топкам, какие были в эту осень, то печи не стали лучше, чем были в прошлом году. Наш печник, очевидно, человек малоспособный, хотя и благочестивый. Нижняя чугунная печь высушила стену и значительно согревает и низы, и лестницу, и даже коридор у входа в мой кабинет. По крайней мере, когда отворяешь из кабинета дверь, то там тепло. В передней (где дверь в W.W.) холодно, стало холодней, чем было в прошлом году, а в самом W.W. – тепло, даже жарко. <...>»

16 января 1902 года Чехов писал сестре: «<...> был печник, осматривал твою печь; он сказал, что она, т. е. печь, не повалится, что всё благополучно, а щели можно замазать.

Печник предлагает оштукатурить дом. Как ты думаешь насчет этого? Напиши. <...>»

Вход в ялтинский дом А.П.Чехова

● Мария Павловна ответила 20 января 1902 года: «Пожалуй, если оштукатурить дом, то он будет красивее и теплее».

При строительстве дома планировали оштукатурить наружные стены, поэтому из крупных тёсаных каменных блоков были сложены только углы дома и оконные и дверные проёмы, а все плоскости между ними – из мелких необработанных камней на известковом растворе. Чехов писал, что архитектор «вял и меланхоличен», главное же было в том, что ещё малоопытен и достаточно молод – 27 лет. К тому же архитектор житель Москвы, а не Ялты, он не учитывал особенностей ялтинского климата с осенними и зимними ураганными ветрами, во время которых срывало крыши с домов и выворачивало с корнями деревья до 80–90 см в диаметре. При такой силе ветра со стороны Ай-Петри и сильных северо-восточных ветров раствор, на котором были сложены стены дома, постепенно выветривался, а вот слой штукатурки в 4–5 см защищал бы стены.

12 июля 1902 года Мария Павловна писала Чехову: «По совету печника я хочу сделать трубы железные и окрасить их охрой, как водосточные, чтобы они не давали ржавой течи по стене и сохранились бы дольше – это я говорю о той печке, которая находится в коридоре, иначе никак нельзя».

2 декабря 1902 года Мария Павловна в письме из Москвы спрашивает брата: «Тепло ли в доме?», ведь 30 ноября 1902 года Чехов писал Марии Павловне: «<...> От печей идет жар, и все-таки не тепло; в вашей квартире гораздо теплей. <...>»

Кабинет А.П.Чехова

17 декабря Чехов писал Ольге Леонардовне: «<...> Сломались трубы в водопроводе, воды нет. Починяют. Идет дождь. Холодно. И в комнатах не тепло. <...>»

17 февраля 1903 года Чехов пишет Марии Павловне: «Милая Маша, у нас всё благополучно, погода хорошая, теплая, в комнатах не холодно. <...>» В начале марта 1903 года Мария Павловна написала брату: «Печь купила, накладную привезу сама».

30 марта 1903 года Мария Павловна пишет брату из Ялты: «Низ нашего дома я уже отремонтировала. Штукатуры замазали все трещины, которые произошли от осадки дома, а маляры выбелили стены. Теперь устраивают печь, которую я привезла. За этой работой наблюдает Шаповалов. Будет очень хорошо. Хотелось бы мне очень обновить твой кабинет, замазать бы трещины и переменить бы надо обои, уж очень они плохи. Если ты найдешь это удобным, то я с удовольствием сделаю».

7 июня 1903 года Чехов писал сестре: «<...> За ремонт, который ты произвела в доме, большое спасибо; что же касается моего кабинета, то надо погодить, пока не выберем обоев в Москве. <...>»

Мария Павловна не только сделала ремонт, но и установила дополнительно печь в коридоре нижнего этажа. По этому поводу Чехов писал Марии Павловне 18 октября 1903 года из Ялты: «Милая Маша, мы уже затопили новую печь, что внизу; пока она очень хороша, и около нее чисто, приятно. <...>»

28 октября Антон Павлович сообщил Ольге Леонардовне: «<...> У нас в доме затоплены почти все печи. <...>» Через два дня ей же в письме: «<...> Погода пасмурная, холодно, в комнатах чувство печей... <...>»

2 ноября 1903 года Чехов писал Марии Павловне: «<...> Топим уже все печи. Нижняя печь, чугунная, очень хороша. <...>»

Ремонтные работы в ялтинском доме по устранению всяких недоделок проводила Мария Павловна летом 1903 года и летом 1904-го. Получив от брата деньги в конце июня 1904 года, писала ему: «За 400 рублей большое мерси. <...> заплачу по счетам Янаки и Бабакаю». И в тот же день ответила на его просьбу: «Форточку сделаю непременно». Это было последнее письмо Марии Павловны к брату. 2 июля 1904 года Чехова не стало.

Постройка ялтинского дома обошлась в 20 тысяч рублей. Все счета, накладные и другие документы по его строительству сохранены Антоном Павловичем и находятся в фондах Дома-музея в Ялте.

В мае – июне 1904 года Мария Павловна провела большие работы по ремонту канализации и водопровода. Отремонтировала и кабинет Чехова, были заделаны все трещины, поклеены новые обои, которые Антон Павлович вместе с сестрой выбрал зимой в Москве. Мария Павловна спешила закончить этот ремонт, так как Чехов писал, что приедет в Ялту в августе или даже раньше. Но в Ялту Чехов уже не вернулся...

Зимой 1904–1905 годов Мария Павловна вместе с матерью жили в Москве. В Ялту приехали в апреле 1905-го. За это время от сырости почернели северные стены дома первого этажа, особенно под прихожей. Марии Павловне снова пришлось заниматься ремонтом. Уже 12 июня она пишет

Ольге Леонардовне: «Развалили всё парадное крыльцо и начали копать под домом, для сушки стен, красить всё тоже начали».

Марии Павловне почти никогда не доводилось просто отдохнуть летом в Ялте, так как всегда надо было что-то ремонтировать, укреплять, красить и ликвидировать все недоделки, возникшие при строительстве дома.

Свидетельством тому являются выдержки из писем Марии Павловны к Ольге Леонардовне.

13 апреля 1909 года: «Красят крышу на доме».

13 сентября 1911 года: «Воды нет. Собираюсь копать колодезь».

7 октября 1911 года: «Выкопала колодезь, чтобы спасти сад, вода есть, но ее надо доставать – для этого необходима хорошая, дорогая помпа».

В начале 1912 года Мария Павловна пристраивает новую галерею для матери, рядом со своей комнатой. 12 апреля 1912 года: «Мать ходит по лесенке в новую галерею».

4 апреля 1916 года: «Паша замазала потолок в кабинете, и я всё устроила по-прежнему. Опять уютно».

11 апреля 1916 года: «Паша замазала потолок в кабинете, и стало очень прилично. Образец ковра я отрежу внизу занавески и пришлю тебе почтой».

11 мая 1916 года: «Милая Оля, вчера начали ремонт кабинета и спальни. Маляр Василий очищает окна и двери. В субботу начнут штукатурные работы. В кабинете пусто и светло, комната стала большая. Очень прошу тебя, поспеши с занавесью. Если нельзя найти в Москве, то скорее напиши, я попробую поискать здесь».

12 июня 1916 года: «Кабинет и спальня приведены в порядок. Занавесь я купила здесь, хотя она и не имеет ничего общего со старой <...> Ну, да со временем что-нибудь изобретем. Старую спрячу, и будем вешать в торжественных случаях».

5 сентября 1916 года: «"Кому повем печаль мою" – так могла бы я начать письмо, говоря о нашей ялтинской даче. Дом наш садится на юго-запад, углом, где спальня Антона Павловича, трещины по потолку и новым обоям. Вернувшись из Мисхора, я не могла открыть окон в спальне – их придавило. Моя дверь наверху тоже не открывалась. Карниз выпер, того и гляди упадет! Теперь уж я не знаю, что делать. Положение серьезное, отремонтировать нельзя, да и не знаю как. Ожидаю г. Шаповалова, что он скажет. А ремонт производить все-таки немислимо».

Небольшой ремонт Марией Павловной всё же был сделан, и об этом она сообщила Ольге Леонардовне – 29 мая 1917 года писала ей: «Милая Оля, мне бы очень хотелось, чтобы ты, Владимир Леонардович и Габриэль Ричардовна побывали в доме А.П., пока я не уехала в Мисхор и [пока] кабинет в таком же виде, как был при жизни А.П.».

Но через несколько месяцев снова неполадки в доме. 29 августа 1917 года Ольге Леонардовне: «В кабинете большая течь, залило весь диван, в спальне продолжается оползень, трещина увеличилась, наклейка разорвалась».

5 сентября 1917 года: «Сегодня у нас на даче заседание Чеховского комитета по поводу основания фонда на содержание дачи и на случай всяких

случайностей. Председательствует Елпатьевский».

18 сентября 1925 года: «Ремонт всё еще продолжается, начали красить крышу в белый цвет, как было при Антоше».

3 октября 1925 года: «Когда же от издания или спектакля будут доходы, не забудь о занавеси в кабинете».

«2 октября 1927 года, 6 часов утра. Милая Оля, сегодня 20[-й] день, как мы трясемся (речь идет о землетрясении 1927 года. – А. Х.), правда, не сильно, но все-таки жуткое ожидание вышибло нас из колеи настолько, что достаточно мухе удариться о стекло, как уже сердце заколотится и хочется бежать... Вчера сказали, что развалился на Боткинской дом Капниста, это был великолепный дом. Дом-музей Чехова, этот, по-видимому, дорогой для нас всех памятник, остался забытым. Если бы не моя настойчивость, то комиссия, по всей вероятности, не пришла бы до сих пор. Теперь уже было две, но я всё еще не получила резолюций, которые должна послать в Москву. Радостного мало. Дом признан в 3-й категории, это значит, нужен капитальный ремонт и жить в нем нельзя. Мишу (Михаил Павлович Чехов. – А. Х.) я считаю большим образцом, что он ночует у себя в прежней комнате, но мне кажется, что храбрости его хватит ненадолго.

Ты только подумай, где взять пять тысяч (так определила комиссия) на ремонт дома? Правда, ОНО назначило 1.500 руб., да 500 руб. Библиотека. Где же взять остальные 3.000? Скоро наступит холодное время, а мы ночуем в фанерном шалаше. Можно бы починить флигель и там перезимовать, но пока что-нибудь добьешься, пожалуй, и жить не будешь. Надо бы построить хороший дощатый барак и перенести туда все вещи музейные. Дом такой же можно построить, а экспонатов не найдешь – они могут все погибнуть под развалинами... Но что я могу сделать одна?»

7 октября 1927 года: «Дом, в котором мы запирались наглухо, закладывали щитами двери и окна, пили, ели и мирно спали, стал нам страшен! Моя комната необитаема, оттуда кое-что вынесли, но кровать, кушетка и шкафы остались там.

Я тебе, кажется, писала, что надеялась на 1.500 руб. от ОНО, но это оказалось пуфом. Публичная библиотека прислала 800 руб. на ремонт, но это далеко до 5.000 <...> Меня поражает равнодушие Ялты к Чеховскому музею

А.П.Чехов у окна дома в Ялте

и особенно равнодушие г. Шаповалова, он даже не приехал с комиссией от Гостехбюро, которому я заплатила 20 р. и за извозчика».

13 октября 1927 года. После очередного толчка Мария Павловна пишет Ольге Леонардовне: «На письменном столе повалились только свечи и бронзовый мальчик».

14 октября 1927 года: «Пришли кончать свою работу плотники и слесаря с бетонщиками, делают балкончик, который из спальни Антоши».

12 ноября 1927 года: «Живу я теперь на большой террасе, сплю в углу на кривой тахте и занимаюсь за большим зеленым столом».

28 января 1928 года: «На сей раз я пробуду в Москве недолго. Нужно еще протянуть ручку в Госиздате и купить обои».

Мария Павловна готовилась начинать ремонт дома после землетрясения. 15 апреля 1928 года: «Дом наш весь в лесах, окна вынуты, смертельный холод... Моя комната, кабинет, спальня, комната мамы эвакуированы совершенно. Я с Полей пока в столовой (гостиная на втором этаже. – А. Х.). Внизу свалка мебели... Молясь, я только говорю: Господи, пошли мне сил, и больше ничего не надо. Ведь я начала ремонт с негодными средствами, и у меня нет даже десятника... Приходится выклянчивать материалы и беззумно торговаться с рабочими. На три с половиной тысячи далеко не уедешь, тогда как на другие подобные дома назначены десятки тысяч».

28 апреля 1928 года: «Стараюсь быть терпеливой и радуюсь, что успешно приобретаю материал и на платоническое сочувствие Чеховскому Дому».

14 октября 1928 года: «Я никому не пи... [сала] Не дописав "не писала", пришлось от страха удирать вниз по лестнице – опять землетрясение. Довольно сильный короткий толчок, всё затряслось и зазвенело. Михаил Павлович тоже выбежал. С сжатым сердцем я опять поднялась к себе наверх и вот продолжаю мое послание».

Землетрясение в Ялте было 9-балльное, началось в сентябре 1927 года и продолжалось больше года.

4 декабря 1929 года: «Подпорные стены валяются, и их надо укреплять. Ремонт ограды входит в пятилетку, и я должна стараться».

25 апреля 1930 года: «Прислали из Главнауки 2.400 руб. на устройство контрфорсов, и работу надо исполнять в боевом порядке!»

10 октября 1932 года: «Передай Вешневскому, что телефон вчера у нас повесили, иначе сказать нельзя, т. к. он висит и дрыгается в передней, самой допотопной системы. Ал. Леонидович очень хлопотал и просил сообщить ему об этом. Прибавь мое большое спасибо! Моим ногам теперь будет легче».

14 ноября 1934 года: «Сейчас у меня идут работы по оползням, изрыли весь сад и за оградой на кладбище теперь роют, по причине осадки дома всё еще не можем выяснить».

Письмо после ремонта 1939 года. 12 января 1940 года: «Много труда было с расстановкой вещей. Теперь столовая приняла такой вид, как был при Ант. Павл. Всё лишнее перенесено в комнату матери, а из этой последней, находящейся еще в работе, получается интересный биографический музей, начиная с детства А. П. и кончая смертью... Откроем эту комнату только к годовщине рождения, т. е. к 29 января. Кабинет от обоев вышел мрачноват».

13 октября 1940 года: «<...> присоединяют дом к городской канализации <...> ибо наши поглощающие колодцы "не способствуют в самый раз"».

20 апреля 1944 года: «Янова всё время была со мной и сейчас хлопочет о восстановлении музея».

12 мая 1944 года: «Мой музей изрядно пострадал от бомб, особенно сад. Чудом живы остались».

20 апреля 1945 года: «Сегодня закончили ремонт нижнего этажа <...> В твоей комнатке переменили обои».

С октября 1946 года и до последних дней жизни Марии Павловны все ремонтные работы по дому проходили на моей памяти. Марии Павловне было уже 83 года, она необыкновенно внимательно относилась к дому,

как к живому организму, знала все его слабые стороны и постоянно за ним следила. Если где-то на стенах или на потолке появлялись трещины, сразу же приглашали мастера. Не ждали, пока по плану будет ремонт.

В первые послевоенные годы небольшие ремонтные работы Мария Павловна оплачивала из своей зарплаты. В те годы в музее никогда не было завхоза, вообще в штате музея не было мужчины, который мог бы этим заниматься, даже садовником работала пожилая женщина. Помощница Марии Павловны Е.Ф.Янова ходила в банк и другие организации, проводила экскурсии по музею, она же ходила в хозяйственный магазин, который тогда в Ялте был один, на центральном рынке, да и материалов строительных в нём почти не было. Даже краску иногда присылали из Москвы, из Библиотеки им. Ленина (филиалом которой был Дом-музей Чехова).

В ялтинском хозяйственном магазине старались доставать для чеховского дома всё необходимое. Когда нужно было менять обои, в магазине разрешали для музея отрезать по небольшому куску обоев от рулона, и Янова приносила их Марии Павловне, которая старалась подбирать, по возможности, как можно ближе к тем, что были у Чехова. В музее хранилось несколько рулонов подлинных обоев, которыми были оклеены при жизни Чехова его спальня и ниша. Мария Павловна – художница, она подбирала общий тон, цвет, рисунок для каждой комнаты. На отобранных образцах она писала название комнаты и ставила свою подпись (несколько таких образцов с её подписью и сейчас хранятся в музее). Обои в кабинете Чехова и в других музейных комнатах меняли в 1949, в 1953 и в 1956 годах. И всегда для кабинета Мария Павловна выбирала коричневые обои, для спальни очень светлые, для гостиной серовато-серебристые и для своей комнаты тоже коричневые с разным рисунком и орнаментом.

**М.П.Чехова и А.В.Ханило
в саду у дома А.П.Чехова в Ялте**

А.П.Чехов на скамейке

Все ремонтные работы она проверяла сама, объясняла рабочим, как и что нужно сделать. Мастеров и рабочих всегда удивляла её эрудиция и доброжелательное отношение к ним. Очень точно подбирался цвет краски для стен коридора, оконных рам и дверей.

В начале 50-х годов уже в третий раз Мария Павловна проводила работы по осушке северных стен первого этажа дома, куда выходило окно кладовой и туалета. Воздушное пространство было увеличено от парадного крыльца до угла дома. Она исправила то, что должен был сделать архитектор ещё при строительстве дома.

В 1952 году на территории сада, что за ручьём, появились подпочвенные воды и стали затопливать чеховский сад. Мария Павловна обратилась в Оползневое управление, пригласила комиссию. Государственная библиотека отпустила значительные средства на эту дорогостоящую работу, и выше дома Чехова, на склоне, в парке, над дорогой сделали большие дренажные галереи и колодцы, и подпочвенные воды были отведены от чеховского участка. Хорошо помню, когда приехал директор Библиотеки П.М.Богачев, Мария Павловна сама провела его по парку и показала эту дренажную систему, а ей тогда уже исполнилось 90 лет. Было интересно наблюдать, как Павел Михайлович очень осторожно старался поддерживать под руку Марию Павловну, а она, стройная и хрупкая, только слегка опираясь на тонкую палочку, с которой когда-то ходила мать, Евгения Яковлевна, легко шла по неухоженным тогда ещё дорожкам парка (который по-

Горьковская скамейка. 1954 г.

том назовут её именем). В 90 лет Мария Павловна танцевала вальс с Иваном Семёновичем Козловским и вообще производила впечатление совсем не старого человека.

Не буду подробно рассказывать о многих ремонтных работах, производимых под руководством Марии Павловны. Хотелось бы вспомнить и мастеров, и рабочих, которые удивительно трогательно и осторожно относились и к порученным работам, и к чеховскому дому, и к самой Марии Павловне.

Последний при её жизни капитальный ремонт музейных комнат второго этажа был проведён в 1956 году. На следующий, 1957 год был запланирован ремонт её комнаты, она сама заранее выбрала обои. Но оклеивать этими обоями комнату пришлось уже после смерти Марии Павловны.

Ремонт дома проводился регулярно и после Марии Павловны. Ведь нагрузка на дом была очень большая. Дом строился на одну семью, а в летние месяцы количество посетителей доходило до 1000 человек в день. Музей работал с 8 утра до 10 вечера – 14 часов был открыт для осмотра, каждые 15 минут входила экскурсионная группа в 23–24 человека. В начале 1970-х, в отдельные годы, количество посетителей чеховского дома достигало 270 тысяч человек.

В 1974 году было решено закрыть Дом-музей на капитальный ремонт и реставрацию. Планировали на два года, а получилось шесть с половиной лет. Предполагалось укрепить фундамент, но, когда начались работы, стали рушиться стены. Пришлось разрабатывать новый вариант укрепления фундамента.

Я в те годы была Главным хранителем музея. Позвонила директору Библиотеки Сикорскому, он позвонил главному инженеру по капитальному ремонту Библиотеки. Инженер приказал мне вынести все вещи за один день в новое здание, а на втором этаже чтобы остались только два человека – самые худенькие.

К сожалению, в музее руководство не сохранило документацию проведённых работ, не осталось и тех специалистов, которые этим занимались. Осталось это только в моей памяти, не хочу утруждать читателей специальными терминами и методами той работы – всё это уже для другой статьи. Хочу только назвать несколько имён людей, которые в буквальном смысле слова спасли чеховский дом.

Когда стали рушиться стены, из Москвы приехали два инженера: Л.А.Каплин и Н.А.Карев, они приняли решение проинъектировать все капитальные стены дома. В Москве в этот момент шло укрепление стен Кремля, с этих работ снимают самую лучшую бригаду «белокаменщиков» под руководством заслуженного строителя Виктора Головина. Они приезжают в Ялту и за месяц работы (с 6 часов утра и до 8–9 часов вечера, без выходных) укрепляют стены дома. Такое трогательное отношение к чеховскому дому было в те годы. На московской фабрике по подлинным образцам были заказаны обои, но, к сожалению, тогда в стране не было качественной бумаги для обоев и хороших красителей, поэтому обои кабинета получились темнее, чем были у Чехова. Библиотека им. В.И.Ленина приложила все силы, средства и старание для спасения дома. Она сделала очень разумно: оплатила заказанные валики, по которым можно было всегда заказывать новые обои, валики должны были храниться в музее. Но музейный директор по непонятным причинам оставил валики на фабрике.

Что ещё очень важного было сделано для музея – это калориферное отопление, когда во всех музейных комнатах и коридорах была нормальная температура и её можно было регулировать.

Хочется добрым словом вспомнить всех, кто был причастен за эти шесть с половиной лет к капитальному ремонту и реставрации: прораб, проводивший работы, – инженер Н.В.Ломакин, инженер областного управления Укрреставрации В.Ф.Крылов и архитектор проекта реставрации О.А.Граужис. И руководство Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина – Н.М.Сикорский и Н.Н.Соловьёва.

По распоряжению главного инженера В.Ф.Крылова (Симферополь) мне было поручено руководить отделочными работами в музее.

В мае 1980 года ремонт и реставрация были окончены. После этого музей уже не находился под управлением Библиотеки, и 27 лет в нём не производился капитальный ремонт.

Православие в жизни Чехова

Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своей совестью...

А. Чехов

Известно, что А.П.Чехов вырос в очень религиозной семье. Отец его Павел Егорович был глубоко верующим человеком, любил церковные службы, церковное пение. Своих старших сыновей: Александра, Николая и Антона воспитывал в строгом религиозном духе с обязательным посещением церкви. Чехов с братьями с детства пел в церковном хоре, хорошо знал все службы.

В доме отца было большое количество книг религиозного содержания. По этим книгам обучались грамоте все дети Павла Егоровича, в том числе и Антон.

Будущего писателя с юных лет окружали предметы церковного обихода: иконы, кресты, лампады. Они сопровождали А.П.Чехова всю его жизнь. Они были в Таганроге, в Москве, в Мелихове, их перевезли позже в ялтинский дом. В комнате отца писателя в Мелихове, где совершались молитвенные бдения, находилось большое количество икон. После его смерти несколько икон было передано в Мелиховскую церковь, остальные перевезли в Ялту.

Каждая икона имела свою историю, а с некоторыми были связаны семейные предания.

Об этом вспоминала сестра писателя Мария Павловна. Эти иконы очень берегли в семье. К ним особенно бережно относился и Антон Павлович. Во всех комнатах ялтинского дома висели иконы. Некоторые из них сохранились до сегодняшнего дня. В гостиной чеховского дома в Ялте висела икона с изображением Святителя Николая Чудотворца, одна из первых в чеховской семье.

Икона принадлежала родителям матери писателя – Евгении Яковлевны Морозовой. Этой иконой благословили Евгению Яковлевну на брак с Павлом Егоровичем Чеховым в октябре 1854 года. Икона начала XVIII века в серебряной ризе. В левой руке святого Николая Чудотворца скрижали с текстом: «Во время оно, стал Иисус на месте ровном, и народ ученик Его, и множество людей от всея Иудеи и Иерусалима» (См.: Лк. 6,17).

Кроме Николая Чудотворца, на иконе изображены Иисус Христос, Богородица и святые: преподобный Онуфрий – целитель, преподобный Симеон, справа – преподобные Пётр и Пафнутий.

По семейному преданию считается, что именно эта икона Николая Чудотворца спасла таганрогский дом Чеховых. Во время Крымской войны

Святитель Николай Чудотворец

летом 1855 года английские военные корабли вели обстрел Таганрога. Евгения Яковлевна была в положении, ожидая первенца. Когда началась бомбардировка, Павел Егорович вывез жену и ее сестру – Федосью Яковлевну из города в слободу Крепкую, где и родился сын Александр. Перед тем как покинуть дом, Павел Егорович снял со стены икону, поставил её на стол и помолился перед ней.

Когда после обстрела города семья вернулась, дом их оказался цел, хотя рядом несколько домов были разрушены.

В комнате Марии Павловны в ялтинском доме висит Шуйская-Смоленская икона Пресвятой Богородицы с Младенцем на ле-

вой руке. Этот образ приобретён отцом Чехова в Таганроге в 1862 году, и тогда же он заказал на него серебряный оклад, на котором указаны дата – 1862 год, и проба – 84. Эта икона тоже имеет свою историю. У Павла Егоровича к тому времени было уже четверо сыновей, но ему и Евгении Яковлевне хотелось иметь девочку. Он постоянно об этом молился. Шуйскую икону приобрел потому, что Евгения Яковлевна маленькой девочкой вместе с матерью и сестрой некоторое время жила в г. Шуе Владимирской губернии. 31 июля (12 августа) 1863 года, на следующий год после приобретения иконы, в семье Чеховых родилась девочка, которой дали имя Мария, именинницей она была в день Успения Пресвятой Богородицы 15 (28) августа.

В 1862 году Павел Егорович заказывает ещё одну семейную икону – «Господь Вседержитель», на которой изображены все святые, имена которых носили члены его семьи: Павел, Евгения, Александр, Антон, Иван. На иконе в центре во весь рост изображён сидящий Иисус Христос, в Его левой руке – скрижали с надписью: *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня»* (Мф. 11, 28–29).

С двух сторон от Иисуса Христа симметрично расположены шестеро святых, по три с каждой стороны. Слева Богородица. Над Ней – преподобный Антоний, рядом с ним – святой благоверный князь Александр Невский. Справа – преподобный святой Иоанн, в руках он держит свиток со словами: *«Сей Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира, покаятесь»* (См.: Ин. 1, 29). Над ним изображены апостол Павел и преподобная Евгения. Среди этих святых нет святого, в честь которого дадут имя сыну Михаилу по той причине, что Михаила ещё не было, он родился в 1865 году.

Эту икону как семейную реликвию Антон Павлович бережно хранил. После смерти отца она находилась в спальне писателя в ялтинском доме и сейчас хранится там же.

В комнате матери писателя Евгении Яковлевны находится икона начала XVIII века, старая доска без оклада. На ней изображены три святых мученика – покровители супружеской жизни. В центре во весь рост изображён святой мученик Гурий с крестом в правой руке и с двумя гусиными перьями в левой. Справа от него – святой мученик Самон с теми же атрибутами в руках, а слева – святой мученик Авив с кадилом в правой руке. Над Гурием, в верхней части иконы, изображение Иисуса Христа.

В ялтинском доме хранится икона, которая была в семье Чеховых ещё в Таганроге, – доска без оклада начала XVIII века. Икона называется «Ключи от Рая», на ней изображены апостолы Пётр и Павел. Апостол Пётр держит в руке ключи, рядом с ним апостол Павел, в правой руке у него Евангелие, в левой – посох. Эта икона при жизни Евгении Яковлевны в Ялте находилась в её комнате, у неё же висели иконы, которые были в комнате Павла Егоровича в Мелихове.

После смерти Евгении Яковлевны иконы оставались в её комнате, в которой до 1940 года жила сиделка Пелагея Павловна Диева, ухаживавшая за матерью Чехова с 1910 года.

В 1940 году Мария Павловна разместила в комнате матери музейную экспозицию. П.П.Диева переселилась жить в одну из комнат первого этажа и прожила там до своей смерти в 1955 году. У неё все эти годы висели чеховские иконы, их было около десяти. После смерти Диевой иконы были переданы М.П.Чеховой в церковь Святого Великомученика Феодора Тирона, находившуюся недалеко от чеховского дома, в Аутке. В начале 1960-х годов церковь была закрыта, и след икон затерялся.

В Ялту из Мелихова А.П.Чехов привёз икону, которую ему подарили крестьяне в благодарность за постройку школы для их детей. Икона второй половины XIX века «Господь Вседержитель» с изображением Иисуса Христа. В левой руке Спасителя книга с надписью на церковнославянском языке: «Заповедь новую даю Вам: да любите друг друга», правая рука в благословляющем жесте.

Икона в художественно выполненном серебряном с позолотой окладе, украшена цветной эмалью и финифтью. На обратной стороне её укреплен бронзовая пластинка с выгравированной надписью: «От благодарных крестьян села Новоселки и деревень Лютарецкой, Курниковой и Кузьминой Благотворителю Антону Павловичу Чехову. 29 июня 1897 года». Эта икона-складень в ореховом футляре. При жизни писателя она находилась в ялтинском кабинете на небольшом столике между книжным шкафом и камином, сейчас хранится в его спальне в шкафу.

В доме Чехова хранятся ещё маленькие нательные иконки:

1. «Мать Божия с Иисусом Христом». Богородица изображена с короной на голове. На левой руке Её Младенец, тоже в короне. Иконка на красной ленточке.

2. Икона «Всех скорбящих Радосте» в медной оправе, фарфоровая, с изображением Богородицы с поднятыми вверх руками. Над Её ладонями зелё-

А.Ханило рассказывает о кресте, висевшем в спальне писателя

ные листья, над Ней – изображение Иисуса Христа, по бокам от Богородицы – архангелы и святые.

3. Икона «Святой великомученик и целитель Пантелеимон» в серебряной оправе на красной ленточке. Святой Пантелеимон был врачом. Он исцелял людей физически и духовно. Эта иконка принадлежала лично А.П.Чехову, подарена ему отцом.

4. Икона «Святая великомученица Варвара». Фарфоровая, овальной формы, в серебряной оправе.

Такие иконы из своих поездок по монастырям Антон Павлович часто привозил матери, сестре и тётке Федосье. Летом 1888 года из Феодосии Чехов поехал на Кавказ, по дороге заезжал в монастырь Новый Афон. Домой своим близким писал: «<...> Ночь ночевал в монастыре "Новый Афон" <...> познакомился с архиереем Геннадием <...> Любопытная личность.

Купил матери образок, который привезу <...>»

Из Нового Афона Чехов послал иконку и своей тётке Федосье Яковлевне, о чём она сообщала в Сумы Евгении Яковлевне: «Я удостоилась получить великое милосердие Божие с Новой Афонской горы, икону Пресвятой Богородицы. Милый мой племянничек Антон Палыч и там про меня не забыл».

5. Чехову принадлежала ещё одна маленькая иконка с изображением Иисуса Христа, Его правая рука в благословляющем жесте, в левой – скрижали с надписью: «*Заповедь новую даю*». Эта иконка на зелёной ленточке была подарена писателю женой А.С.Суворина – Анной Ивановной в 1890 году, перед отъездом Чехова на Сахалин, и сопровождала его в поездке на остров.

Все эти маленькие иконки многие годы находились в комнате Марии Павловны. Подвешенные к изголовью спинки её кровати, они не были видны постороннему глазу, даже тем, кто бывал в её комнате: Мария Павловна очень искусно покрывала шёлковой накидкой подушку и спинку кровати, на которой висели иконки. Сейчас они хранятся в шкафу её комнаты.

До 1957 года на первом этаже в комнате Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой висела небольшая икона Святителя Николая Чудотворца. Это о ней писала Мария Павловна в своём письме к Ольге Леонардовне во время

войны 25 ноября 1944 года: «Пошла в твою комнату, приложилась к образу Н. Ч. и хотелось заплакать».

В ялтинском доме хранятся и кресты, принадлежавшие Антону Павловичу. Один из них при жизни писателя висел в его спальне. Висел он многие годы и после смерти писателя, вплоть до начала 1950-х годов, когда Н.А.Сысоев, сотрудник чеховского дома, решил убрать иконы из всех музейных комнат, но коллеги его не поддержали. Мария Павловна была очень расстроена и не позволила снять иконы. Согласилась снять только крест из спальни писателя.

По поводу этого Мария Павловна писала Ольге Леонардовне: «Мои сотрудники оказались на высоте, они не поддержали Сысоева», – и далее она подробно описывает, что очень расстроилась, и от этого у неё получилось небольшое кровоизлияние – полопались сосуды на руках.

Этот кипарисовый крест с изображением распятого Иисуса Христа А.П.Чехову подарил священник Аутской церкви Святого Великомученика Феодора Тирона отец Василий Феодори, с которым писатель познакомился вскоре после начала постройки своего ялтинского дома. Такие кресты из кипарисового дерева были распространены в Крыму, и особенно среди священнослужителей-греков. Аутская церковь называлась греческой, её настоятелем был грек, но службы проводились на церковнославянском языке, так как в деревне Аутке жили и русские, и греки.

А.П.Чехов принимал горячее участие в судьбе этой церкви. Священник Василий Феодори часто бывал в доме Чеховых. Антон Павлович подарил ему свою фотографию с надписью: «Отцу Василию Феодори на добрую память. Антон Чехов. 1900.V.24.» Крест и фотография хранятся в ялтинском музее Чехова.

Сохранился и нательный крест Антона Павловича. Маленький золотой крестик был заказан Павлом Егоровичем специально для сына, собиравшегося в поездку на Сахалин.

Вероятно, ещё следует вспомнить картину «Святой Евангелист Иоанн», написанную Павлом Егоровичем Чеховым. Она находится в кабинете писателя. А.П.Чехов очень дорожил этой картиной. По этому поводу он писал своему брату Ивану Павловичу 2 мая 1899 года: «<...> Когда поедешь в Ялту, то возьми с собой Иоанна Богослова, написанного отцом, оставь у Синани. Всё ценное мы свезем в ялтинский каменный дом. <...>»

Особое отношение у Чехова было не только к церковным святыням. Очень уважительно относился он и к священнослужителям, часто встречался с ними, с некоторыми вёл переписку и хранил у себя их фотографии: отца Василия Бандакова – таганрогского священника, петербургского епископа Сергия (Григория Спиридоновича Петрова), ялтинского священника Сергия (Сергея Николаевича Щукина). Общался Чехов и со священником Василием Дмитриевичем Бреневым, мужем своей двоюродной сестры Александры Митрофановны. 28 апреля 1903 года он писал матери из Москвы в Ялту: «<...> Вчера у нас был отец Василий, муж Сани, зять Людмилы Павловны; произвел очень хорошее впечатление. <...>» Чехов помог ему получить место священника. 21 августа 1903 года Антону Павловичу сообщал его

двоюродный брат Владимир Митрофанович: «С легкой твоей руки наш Василий Дмитриевич получил назначение в Закаспийский край, в г. Мерв, военным священником».

У Чехова в кабинете хранится ещё одна оригинальная фотография, на ней изображён архиерей со своей матерью. Это Владыка Михаил (Грибановский), епископ Таврический, с которым Чехов знаком не был – он умер ещё до переезда писателя в Ялту.

Фотографию эту Чехов увидел и приобрёл у одного ялтинского фотографа, его поразило лицо и удивительные глаза священника, прильнувшего к старенькой матери.

По просьбе Чехова подробности о нём ему рассказал отец Сергей (С.Н.Щукин), он же принес ему книгу М.Грибановского «Над Евангелием».

Для Чехова эта фотография явилась как бы иллюстрацией к ещё не написанному, но уже задуманному рассказу «Архиерей». Отец Сергей считает, что именно фотография послужила толчком к созданию рассказа: «<...> Мысль об архиерее, очевидно, стала занимать А.П-ча.

Вот, – сказал он как-то, – прекрасная тема для рассказа. Архиерей служит утрению в Великий Четверг. Он болен. Церковь полна народом. Певчие поют. Архиерей читает Евангелие страстей. Он проникается тем, что читает, душу охватывает жалость ко Христу, к людям, к самому себе. Он чувствует вдруг, что ему тяжело, что он может скоро умереть, что может умереть сейчас. И это его чувство – звуками ли голоса, общей ли напряженностью чувства, другими ли, невидными и непонятными путями – передается тем, кто с ним служит, потом молящимся, одному, другому, всем. Чувствуя приближение смерти, плачет архиерей, плачет и вся церковь.

И вся церковь вместе с ним проникается ощущением смерти, неотвратимой, уже идущей. <...>»

А в письме к Ольге Леонардовне Книппер 16 марта 1901 года Чехов общал: «<...> Пишу теперь рассказ под названием "Архиерей" – на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать. <...>»

В ялтинском доме в кабинете писателя находится фотография мелиховской церкви. По просьбе крестьян Чехов помог пристроить к этой церкви колокольню, на которой был установлен зеркальный крест, ярко сверкавший при солнечном и лунном освещении, он был виден за несколько вёрст. Родители Чехова постоянно ходили в эту церковь, а вместе с ними братья Чехова, его сестра и сам Антон Павлович тоже бывали на богослужениях.

Известно, что Чехов посещал храмы. Упоминания об этом мы находим в его письмах. Вот примеры только нескольких посещений храмов Москвы и Ялты. 25 (или 24) апреля 1888 года он писал из Москвы брату Михаилу Павловичу: «<...> Ходили мы на Каменный мост слушать звон: хорошо! В вечерне были в Храме Спасителя: тоже хорошо! <...>»

В марте 1899 года Чехов присутствовал на отпевании доктора А.И.Кольцова в Аутской Успенской церкви. В пасхальные дни этого же года он уже в Москве и 27 апреля пишет Капитолине Михайловне Иловайской: «<...> В Москве великолепный, изумительный звон. Я получил письмо от архиерея – просит мою фотографию. <...>» Это письмо от Владыки Сергия.

Ялта. Церковь Святого Великомученика Феодора Тирона в Верхней Аутке

Весной 1901 года Чехов снова в Москве, и на этот раз в церкви Воздвижения на Овражке, в Воздвиженском переулке на Плющихе. Здесь 25 мая состоялось венчание Антона Павловича с Ольгой Леонардовной Книппер. В 1902 году было окончено строительство Александро-Невского собора в Ялте. По этому поводу Чехов писал жене 1 декабря 1902 года: «<...> Здесь, в Ялте, новая церковь, звонят в большие колокола, приятно слушать, ибо похоже на Россию. <...>» Подробно об освящении собора он писал ей же 4 декабря: «<...> Сегодня в Ялте происходило освящение новой церкви, мать была там и вернулась веселая, жизнерадостная, очень довольная, что видела царя и всё торжество; ее впустили по билету. Колокола в новой церкви гудят *basso profundo**, приятно слушать. <...>»

На освящении новой церкви в Ялте присутствовали император Николай II и императрица Александра Фёдоровна.

По воспоминаниям сестры писателя Марии Павловны, вся чеховская семья и Антон Павлович чаще всего бывали в Аутской церкви Святого Великомученика Феодора Тирона, о которой упоминалось выше. Писатель был членом попечительского совета Аутского училища, находившегося при этой церкви. Священник отец Василий Феодори по многим вопросам, когда возникали какие-то сложности, обращался за помощью к А.П.Чехову.

* Глубоким басом (итал.) – Прим. сост. ПССП.

Известно, что и Чехов по просьбе священника обращался к архиерею. Об этом также в своих воспоминаниях писал отец Сергей (С.Н.Щукин).

В ялтинском доме-музее хранится фотография отца Василия Феодори, которую мы когда-то попросили у родственников священника. Видимо, не случайно именно в этой церкви была отслужена первая панихида после кончины Антона Павловича. Чехов умер в Германии, на курорте в Баден-вейлере, 2 июля 1904 года, а на второй день в Ялте были развешаны отпечатанные в типографии объявления:

«Сегодня, в субботу, 3 июля 1904 года, в 8 часов вечера в церкви Св. Феодора Тирона в Верхней Аутке будет отслужена панихида по скончавшемся писателе Антоне Павловиче Чехове». Долгие годы, пока здесь был отец Василий Феодори, в день кончины Антона Павловича он ежегодно служил панихиду. 8 июля 1905 года Мария Павловна сообщала в письме к Ольге Леонардовне: «Печаль наша не проходит. Чем дальше, всё как будто хуже. <...> Отслужили обедню и панихиду в греческой церкви. Было очень симпатично. Неожиданно для нас пел хор любителей, народу было много, всё больше молодежь. Были Средины с Зинаидой Сергеевной. Многие плакали, мамашу еле доволокли до дому. Батюшка сказал милую речь. Вообще было очень трогательно».

Аутскую греческую церковь закрыли в 1930-х годах.

Долгие годы в некоторых работах и статьях Чехова называли атеистом. Но этот термин к нему не подходит. Это сложный вопрос, на который ответить довольно трудно, но вышеизложенные факты приоткрывают ещё одну страницу в жизни писателя, помогают лучше понять его духовный мир и его творчество.

В 1975 году в Ялту на Чеховские чтения приехал актёр Московского Художественного театра Иннокентий Михайлович Смоктуновский. В те годы он начинал свою работу над образом Иванова из одноимённой пьесы Чехова. Увидев в книжном шкафу писателя несколько молитвенников, Псалтырь, Новый Завет и другие книги религиозного содержания, он тут же задал чеховедам вопрос, был ли Чехов верующим, и получил стереотипный ответ о его отрицательном отношении к религии. Он объяснил, что ему трудно играть в пьесе, если он не понимает и не познаёт душу автора.

Тогда я решила показать ему иконы и кресты Чехова. Увидев всё, он сказал, что это очень для него важно, и сам «за доверие» показал мне свой натальный крест.

Спустя три года мы встретились в Московском Художественном театре на пьесе «Иванов», и Смоктуновский на театральной программке написал мне такие слова: «Милый, милый друг, никогда не забуду Вашего доверия ко мне, связанного с А.П.Чеховым. И.Смоктуновский. 78».

Любимая сестра Антона Павловича

к 150-летию со дня рождения Марии Павловны Чеховой

*Она ничем не хуже теперь любой
тургеневской героини...*

А. Чехов

В семье Павла Егоровича Чехова уже было четверо сыновей – Александр, Николай, Антон, Иван, когда 31 июля (12 августа) 1863 года родилась первая любимая «дочечка», как отец называл единственную девочку, Машу.

В 1865 году родился младший брат Михаил, в 1869-м ещё одна девочка, Евгения, которая прожила всего два года. Любимица отца, помощница матери, Маша росла с пятью братьями. Но так сложилось, что с самого раннего детства она больше всех дружила с братом Антошей, любила его за мягкий характер и весёлый нрав.

В 1874 году Маша поступила в таганрогскую гимназию, однако через два года, в связи с разорением отца, учёбу пришлось прервать. Отец был вынужден, спасаясь от долговой тюрьмы, уехать в Москву. Через некоторое время вместе с матерью и младшим братом переехала в Москву и Маша.

Павел Егорович долго не мог устроиться на работу. Семья терпела большую нужду, Маша взяла для продажи шерстяные платки и помогала матери по хозяйству. Только через год она смогла продолжить учение: поступила в Московское Филаретовское епархиальное женское училище.

С приездом в Москву Антона Павловича жизнь начала постепенно улучшаться. Брат зарабатывал литературным трудом, Маша вела домашнее хозяйство. В общих заботах о семье они ещё больше сдружились.

Окончив училище, Мария Павловна получила право быть домашней учительницей, однако решила продолжить образование. Она поступила на Высшие женские курсы

**Семья Чеховых. Москва.
Дом на Садово-Кудринской**

М.П. Чехова. Начало 1870-х гг.

профессора Герье. Лекции читали профессор Ключевский, Лопатин и другие видные представители русской науки.

Антон Павлович внимательно относился к занятиям сестры, старался развить в ней самостоятельность. Брату Александру, который всё ещё продолжал считать сестру маленькой девочкой, он писал: «<...> Ей целуют руку Пальмины, Кругловы, Немировичи-Данченко, все те, коим молятся в Таганроге. Она умнеет с каждым днем. <...>» (письмо от 25 января 1883 г.). И в другом письме: «Она <...> на курсах, засела за серьезную науку, стала серьезной <...> Она ничем не хуже теперь любовью тургеневской героини... <...>» (20-е числа февраля 1883 г.).

В годы учёбы Мария Павловна подружилась со многими курсистками. Молодёжь часто собиралась у Чеховых: девушки-курсистки, студенты, друзья Чехова – медики и юристы. Они читали, спорили, обсуждали ре-

фераты, пели и танцевали. Некоторые из этих девушек остались друзьями Чеховых на всю жизнь: Эфрос, Кундасова. Позже Мария Павловна познакомилась с Ликой Мизиновой, художницей Дроздовой и Хотяинцевой.

После окончания курсов Мария Павловна поступила преподавательницей истории и географии в частную гимназию Ржевской.

С детства М.П. Чехова проявляла склонность к рисованию. А в эти годы стала серьёзно заниматься живописью, посещала вечерние классы Строгановского училища. У неё были незаурядные способности, её становлению как художницы помогали известные мастера живописи К.Коровин и В.Серов. Антон Павлович всячески поощрял занятия сестры живописью. Часто вместе они бывали на выставках.

О живописных работах Марии Павловны художник И.И.Левитан писал Антону Павловичу: «Мария Павловна сделала огромные успехи в живописи! Экие вы, Чеховы, талантливые!»

Мария Павловна всегда старалась создать благоприятную обстановку для работы брата, всячески помогала ему: ходила с поручениями по редакциям, приносила корректуры, книги из библиотеки. Антон Павлович полностью доверял ей решение всех хозяйственных вопросов. Если в семье возникал вопрос о снятии новой квартиры, о переезде на дачу, решающее слово было за Марией Павловной.

Большую помощь брату оказала Мария Павловна при подготовке к поездке на Сахалин. В Румянцевской библиотеке она делала выписки из книг по различным вопросам, интересовавшим Чехова.

Её очень тревожила предстоящая разлука с братом. Чехов писал А.С.Суворину: «<...> Я еще не уехал, а сестра уже начала скучать. Без меня ей придется плохо. Посылаю ее недели на две в Крым. <...>» (от 11 апреля 1890 г.).

Почти все письма Чехова родным адресованы Марии Павловне. «<...> Письма, адресуемые на имя Маши, могут быть читаемы всею семьей, – писал он, – если случится писать секрет, то на адресе будет написано "ее высокоблагородию". Это помните. Всякое письмо с ее высокоблагородием может быть распечатано только одною Машею <...>» (от 28 мая 1890 г.).

Путешествие было трудным, даже опасным для жизни. Зная это, писатель сообщал А.С.Суворину: «<...> В случае утонутья или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что всё, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги. <...>» (от 15 апреля 1890 г.).

Вернувшись с Сахалина, А.П.Чехов организовал сбор учебников и учебных пособий для сахалинских школ и книг для библиотек. Большую помощь ему оказывала сестра, она собирала книги среди учителей гимназии, своих знакомых и подруг. Всего на Сахалин было послано более четырёх тысяч книг.

Однажды, когда Мария Павловна уехала в Сумы к Линтваревым, Антон Павлович в шутовском тоне писал: «<...> Возьмите длинную хворостину и погоните Машу домой. <...> ибо Маша нужна, и отъезд ее произвел такой же беспорядок, как если бы с неба вдруг исчезли все звезды. <...>» (от 5 июля 1891 г.).

В письме А.И.Смагину, помогавшему Чехову в поиске имения, он общал: «<...> Марья Павловна у нас главная, и без нее каша не варится. Я полагаюсь во всем на нее; как она захочет, так пускай и будет. <...>» (от 21 ноября 1891 г.).

В Мелихове Мария Павловна разбила большой цветник, выращивала рассаду в парниках, следила за порядком. Едва она уезжала, Чехов с юмором писал: «<...> Когда вернется Маша? Без нее на огороде творятся ужасные беспорядки. Телушки и гуси съели половину огорода. Цыплята помогают им. <...>» (от 22 июля 1892 г.).

А.П.Чехов перед отъездом на Сахалин

Много сил было положено для приведения в порядок мелиховского хозяйства. «<...> Мелихово своим ростом обязано главным образом тебе <...>», – говорил сестре Чехов в письме от 9 января 1899 года.

Мария Павловна занималась не только хозяйством. Она помогала брату и в его общественной работе: принимала активное участие в постройке школ в Талеже и Новосёлках. По её плану была построена школа в Мелихове. Чтобы собрать деньги на постройку школы, она продала урожай яблок из мелиховского сада, выпросила у И.И.Левитана два этюда и разыграла их в лотерее, устраивала благотворительные концерты и спектакли. Тысячу рублей на школу дал ей Антон Павлович. В 1899 году школа была построена.

Живя в Мелихове, Чехов лечил крестьян, Мария Павловна и здесь помогала ему: заменяла медицинскую сестру при приёме больных и несложных хирургических операциях, заведовала домашней аптекой.

Когда в Ялте был куплен участок земли, Мария Павловна приняла участие в составлении плана дома. О постройке ялтинского дома Чехов сообщал сестре в письме от 10 февраля 1899 года: «<...> Аутская дача будет и красива, и удобна. Тебе и мамаше очень понравится. <...>»

В начале сентября 1899 года Мария Павловна вместе с матерью Евгенией Яковлевной приехала в Ялту. Она приводила в порядок и обставляла комнаты, вместе с братом благоустраивала участок, сажала деревья в саду, ухаживала за цветами.

Антон Павлович в это время много помогал туберкулёзным больным, приезжавшим в Ялту. Не осталась в стороне от этих забот и его сестра. Из Москвы она писала брату: «Я собираю на чахоточных больных в Ялте. Мне помогают Ольга Леонардовна, Хотяинцева и Коновицер. Елпатьевский говорил, что у тебя есть печатное воззвание. Не пришлешь ли ты? Тогда совсем легко будет собирать. Все-таки я тебе порядочно привезу. На это дают охотно».

По совету брата Мария Павловна не оставила педагогическую деятельность и продолжала преподавать в московской гимназии. В Доме-музее Чехова в Ялте хранятся уникальные документы, свидетельствующие о высокой оценке преподавательской деятельности Марии Павловны: «Педагогическое общество, состоящее при Императорском Университете, в заседании 14-го января 1899 года избрало Марью Павловну Чехову своим Действительным членом». Второй документ: «Свидетельство. На основании Высочайшего Повеления <...> выдано сие свидетельство <...> преподавательнице частной женской гимназии Л.Ф.Ржевской в Москве, Марии Чеховой, в том, что ей пожалована Высочайше учрежденная в память Священного Коронования Государя Императора Николая II серебряная медаль для ношения в петлице на Андреевской ленте. Марта 5 дня 1902 года».

И через год ещё одна награда: «Председатель Педагогического совета женской гимназии <...>: позвольте поздравить Вас до некоторой степени "Кавалерственной дамой": 6 мая Вы Высочайше награждены за труды по образованию золотой на Станиславской ленте медалью для ношения на груди».

Летние и зимние каникулы Мария Павловна неизменно проводила в Ялте. О приобретении маленького домика на берегу моря в Гурзуфе Чехов с радостью сообщал сестре (в письме от 15 января 1900 г.):

«<...> Я купил кусочек берега с купаньем и с Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер. Дом паршивенький, но крытый черепицей, четыре комнаты, большие сени. <...>»

Мария Павловна очень обрадовалась этому известию: «Дорогой Антоша, я бесконечно рада, что ты купил берег моря, – писала она. – Мое удовольствие по этому поводу разделяет Книппер. Жду с нетерпением лета <...> переедем в Гурзуф и будем тихо и мирно жить, и, кроме Ольги Леонардовны, никого не пустим».

К сестре Чехов всегда относился особенно заботливо. О его чуткости говорит письмо, присланное через несколько дней после женитьбы (от 2 июня 1901 г.): «Здравствуй, милая Маша! <...> О том, что я женился,

**А.П.Чехов, Е.Я.Чехова,
М.П.Чехова, О.Л.Книппер-Чехова**

**К.Я.Мелбарздис.
Дача А.П.Чехова в Гурзуфе. 1954 г.**

**А.П.Чехов и М.П.Чехова
у дверей дома в Ялте**

ты уже знаешь. Думаю, что сей мой поступок нисколько не изменит моей жизни и той обстановки, в какой я до сих пор пребывал. <...> всё останется по-старому. Буду жить так, как жил до сих пор, и мать тоже; и к тебе у меня останутся отношения неизменно теплыми и хорошими, какими были до сих пор. <...>»

В июле 1901 года Антон Павлович с Ольгой Леонардовной приехали в Ялту, лето провели с Марией Павловной и матерью. Позже в Москве Мария Павловна и Ольга Леонардовна жили вместе, изредка из Ялты к ним приезжал Антон Павлович. Летние месяцы проводили в Ялте и в Гурзуфе.

3 августа 1901 года Чехов написал свое завещательное письмо. Оно было адресовано сестре: «Милая Маша, завещаю тебе в твоё пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений, а жене моей Ольге Леонардовне – дачу в Гурзуфе и пять

тысяч рублей. <...> После твоей смерти и смерти матери всё <...> поступает в распоряжение таганрогского городского управления на нужды народного образования <...> Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно. <...>»

После смерти брата М.П.Чехова сохранила его комнаты в неприкосновенности для себя и своих близких, ей не хотелось нарушать покой в комнатах Антона Павловича, там так всё напоминало о нём, что казалось, будто и он находится где-то рядом.

Но к дому Чехова стало приходиться большое количество людей, им хотелось посмотреть, где были созданы «Дама с собачкой», «Три сестры», «Вишнёвый сад» и другие известные произведения Чехова.

Ещё при жизни Антона Павловича в Ялте почитателей и поклонников таланта писателя привлекал его дом – «Белая дача». Сюда приезжали учителя, врачи, студенты, не надеясь на встречу с Чеховым, они хотели хотя бы посмотреть его дом.

27 мая 1904 года Мария Павловна писала брату в Москву: «Сегодня приходили два студента и курсистка и просили позволения осмотреть сад и дом твой. Сад я показала и надела их розами, но в дом не пустила. Они с благоговением ходили по дорожкам, и курсистка целовала розы. Было странно и мило».

Приходившие к дому почитатели всё чаще и чаще просили разрешения осмотреть комнаты писателя. Тогда Мария Павловна поняла, что Антон

Павлович близок и дорог не только ей, но и многим людям, ценившим его талант. Вскоре доступной для осмотра становится и третья комната – столовая. Через некоторое время появилась книга для записи впечатлений. Первую запись сделала М.Г.Савина – артистка Александринского театра: «Поклонилась уголочку незабвенного Антона Павловича. М.Савина, Ялта, 3 июня 1911».

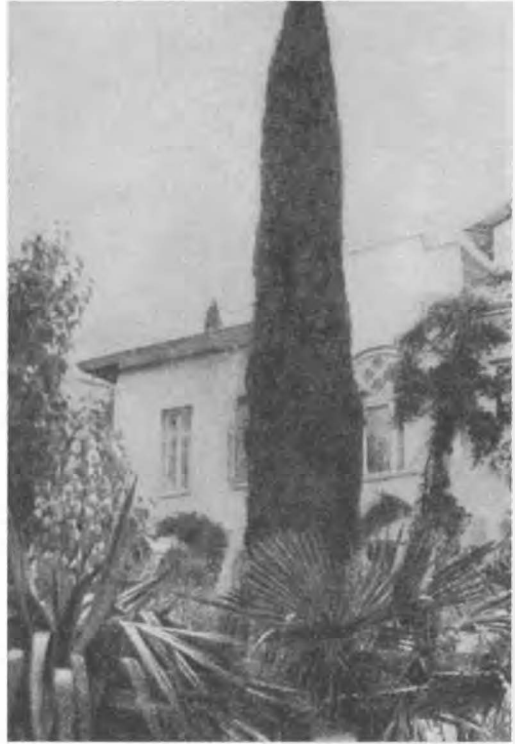
В эти же годы Мария Павловна разбирает архив писателя, его рукописи передаёт на хранение в Румянцевскую библиотеку. Кроме рукописей, она передаёт большое количество фотографий, документов – это положило начало в 1912 году Чеховскому фонду при библиотеке и позже послужило основанием для создания в Москве Литературного музея.

Колоссальную работу проделаала Мария Павловна по сбору писем Антона Павловича. В 1912–1916 годы она издаёт шесть томов писем Чехова. В общей сложности ею было опубликовано более четырёх тысяч его писем и ею же составлены комментарии к ним.

В одной из своих записных книжек Чехов отметил: «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья». Делу служения общему благу всю свою жизнь следовал Антон Павлович, это же стало главным и в жизни его сестры. Мария Павловна продолжала заботу о неимущих туберкулёзных больных. В 1905 году она пожертвовала 2000 рублей на постройку в пансионе «Яузлар» комнаты имени А.П.Чехова. А в 1910 году она жертвует деньги для женской гимназии для учреждения стипендии имени Чехова в связи с 50-летием со дня рождения писателя, где он был членом попечительского совета.

Но главным для Марии Павловны оставалось создание чеховского музея в Ялте и сохранение комнат писателя. Для содержания дома нужны были средства, дом давал усадку, на стенах и потолках появились трещины. Для поддержания его в надлежащем состоянии нужно было проводить ремонтные работы, всё это требовало больших затрат. Мария Павловна обращалась за помощью в редакции журналов «Русская мысль» и другие, но они только обещали, а реальной помощи она так и не получила.

Так продолжалось до апреля 1921 года. После окончательного установления в Крыму советской власти чеховский дом официально стал

Кипарис, посаженный Марией Павловной у ялтинского дома в год смерти брата

**Путеводитель по экспозиции музея
1937 года**

Михаилом Павловичем подготовила мемуарный каталог-путеводитель, который был издан в 1937 году и потом постоянно переиздавался вплоть до 1963 года.

В 1940 году, к 80-летию со дня рождения писателя, Мария Павловна создаёт ещё одну музейную комнату – в бывшей комнате матери, она была названа музейно-биографической. С открытием этой комнаты весь второй этаж чеховского дома становится музейным.

Наступает 1941 год – самое тяжёлое время, началась война. Марии Павловне было предложено уехать в эвакуацию. Но когда она выяснила, что музейные ценности не будут вывезены, она решила остаться и разделить свою судьбу с судьбой чеховского дома.

Мария Павловна тяжело перенесла два с половиной года оккупации – голод, холодные зимы, болезни, постоянные бомбёжки, она переболела тифом. Перед самым освобождением Ялты в чеховский сад попали четыре бомбы. И наконец долгожданный день – 16 апреля 1944 года.

В первый же день в музей пришли советские воины. Под ногами хрустели осколки от разбитых при бомбёжке окон. Бойцы где-то раздобыли стёкла и вставили их в окна кабинета писателя, его спальни и большой галереи. В июле того же года Мария Павловна была награждена орденом Трудового Красного Знамени за 40-летнее хранение литературного наследия Чехова.

музеем, Марии Павловне была выдана «Охранная грамота», и она назначается хранителем музея. Но и здесь были сложности. Организация, занимавшаяся музеями, почти никакими средствами не располагала. Мария Павловна ездила в Москву, была на приёме у наркома просвещения А.В.Луначарского, а позже, в 1926 году, добилась передачи Дома-музея А.П.Чехова в ведение Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Казалось бы, что-то стало налаживаться, но тут – новая катастрофа – землетрясение 1927 года. Чеховский дом сильно пострадал, нужны были большие средства на его восстановление. Весь 1928 год дом ремонтировался и открылся для посетителей лишь в следующем году.

Посещаемость музея росла с каждым годом. Мария Павловна сама водила большое количество экскурсий и продолжала заниматься литературной работой. Вместе с братом

**М.П.Чехова на балконе своей комнаты
в ялтинском доме. 1950-е гг.**

В послевоенное время популярность чеховского музея возрастала ещё больше. Мемориальный музей, в котором Мария Павловна всё сохранила, как было при жизни писателя, стал широко известен во многих странах мира. Экскурсантов привлекали подлинные фотографии Антона Павловича, а также фотографии с дарственными надписями его друзей и знакомых: Толстого, Бунина, Горького, Леонида Андреева, Чайковского, Шаляпина, Немировича-Данченко, Станиславского, Качалова, Комиссаржевской, подлинные картины И.И.Левитана, картины Николая Павловича Чехова и много других интересных и ценных экспонатов.

В 1953 году Марии Павловне было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. В 1954-м в музее прошли первые Чеховские чтения, инициатором которых стала Мария Павловна. Она очень хотела, чтобы здесь, в этом доме, всегда сохранялись те же традиции, что были при Чехове: чтобы дом оставался живым, чтобы здесь звучало чеховское пианино, были слышны голоса артистов. При М.П.Чехове сюда приезжали И.С.Козловский, Святослав Рихтер и многие, многие другие. Эти традиции, заложенные Марией Павловной и завещанные нам, мы продолжаем и сегодня.

Письма Марии Павловны Чеховой к Ольге Леонардовне Книппер (в отрывках)

17 июня 1899 г.

«Забыть так скоро, Боже мой...» – есть, кажется, романс такой? Я всё ждала, что Вы что-нибудь напишете, но, конечно, потеряла терпение и вот пишу сама. Как Вы поживаете? Вероятно, Вам весело, что Вы не вспоминаете медвежьего уголка на севере. У нас лето еще не начиналось, идут дожди – холодно и потому – пусто, пусто, пусто... Хандрим, особенно иногда писатель. Он собирается в половине июля в Ялту, надеюсь, что оттуда он привезет Вас к нам непременно. Наша дача в Ялте будет готова только в половине сентября, так что раньше уехать из Москвы не придется. С каждым днем наше Мелихово пустеет – Антон сдирает все со стен и посылает в Ялту. Удобное кресло с балкона уже уехало. Одну из чайкиных групп брат подарил мне, и я, конечно, торжествую, она будет у меня в Москве, другая пошла в Крым.

Поделитесь Вашими кавказскими впечатлениями и напишите хотя несколько строк. Будьте здоровы. Не забывайте нас. Целую. Ваша М.Чехова».

(К этому письму приписка рукой А.П.Чехова: «Здравствуйте, последняя страница моей жизни, великая артистка земли русской. Я завидую черкесам, которые видят Вас каждый день». – А.Х.)

12 сентября 1899 г.

Клянись, что Ваши каникулы Вы проведете у нас. Да? Комнат много и все миленькие, обстановку Чехов завел богатую!

15 декабря 1899 г. Ялта.

На балкон двери открыты! В тени +14 градусов. Ходила с Левитаном в горы в белой косынке на голове и в расстегнутом пальто... Вчера приехал пылкий Левитан. Путь к нам теперь невозможен, поднимают шоссе.

27 января 1900 г.

Вчера целый день была у нас жизнерадостная бабушка Надежда Ивановна (мать доктора Л.В.Средина. – А.Х.). Порхала по всем трем этажам, играла на пианино, много говорила о тебе.

Негодяй Бунин не приехал. Комнату ему приготовили и ждем каждый день.

28 мая 1900 г.

«Подлый немец, не ропщи прежде времени, наши письма, по-видимому, разошлись – 29, вчера, проводили Антошу на Кавказ, он поехал в компании

с Срединым, Горьким, Алексиним и Васнецовым художником. Они сговорились насчет этой поездки как-то быстро, быстро и собрались. Маршрут их след. Новороссийск, Владикавказ, Военно-грузинская дорога, Тифлис, Батум и обратно Ялта. Уехал Антон больше оттого, что нагрянули, совершенно неожиданно, не предупредивши, родственники – Миша с женой, ребенком и нянькой. Шумно и неинтересно. На днях приезжает Ваня, тоже с семейством. Мишу спроваживаем в Гурзуф до 20 июня.

В свою комнату не пускаю никого, и внизу твою комнату никто не смеет занять по приказанию писателя, но я все-таки надеюсь, что ты будешь у меня. Сегодня получила анонимное письмо, открытое, с карточкой Курского вокзала, думаю, от мужчины, дурак не подписался – я бы ему ответила.

12 июня 1900 г.

Сегодня проводили Мишу с семьей, было грустно, я успела привязаться к ним и полюбила свою маленькую племянницу (Евгению Михайловну Чехову. – А. Х.). Приехала Мария Федоровна.

9 января 1901 г.

Завтра еду туда (в Кучукой. – А. Х.). Еду с Синани и Буниным. О Бунине расскажу по приезде. Он остановился у нас и состоит моим кавалером... О Левитане очень вспоминаю.

Новый Год я встречала у Елпатьевских с Буниным.

29 февраля 1901 г.

Какая-то девица Матвеева привезла мне подарок от Антоши из Ниццы – бювар.

25 февраля 1901 г.

Мой брат прислал мне целую кучу подарков: массу платков, плед, ножницы, мыла и пр.

3 марта 1901 г.

В Москве беспокойно. Говорят много о Толстом. Что-то будет? Странное время.

30 мая 1901 г.

Ну, милая моя Олечка, тебе только одной удалось окрутить моего брата! Уж как крепился, не поддавался человек, но судьба пришла – и кончено! Тебя конем трудно было объехать. Больше всего болтают (о женитьбе. – А. Х.) Бонье и Синани. Первая даже плачет.

На днях с Синани и Куприным собираюсь пешедралом в горы.

12 июня 1901 г.

...Если тебя не устраивает жить со мной (до моего замужества), я решила выйти замуж – добрые люди уже ищут мне жениха.

2 июня 1902 г.

Я купила тебе большой таз, кувшин и ведро эмалированное. Воды в кувшин влезает целое ведро. Закажу еще ширмы и обобью их пока ситцем, комната, пожалуй, будет поуютней.

1 июля 1902 г.

Зацвели лилии и благоухают на весь сад. Розы по стенам тоже цветут.

2 июля 1902 г.

Куприн с молодой женой в Ялте, завтра я завтракаю с ними у Елпатьевских.

М.П.Чехова. Ялта. 1900-е гг.

20 декабря 1902 г.

В саду у нас цветут ноготки и левкои. Вообще во всем доме тепло благодаря железной печке внизу в коридоре поставленной. В кабинете висячая лампа придает уютность и настроение.

21 декабря 1902 г.

Вчера перед ужином появилась целая компания – Горький, Средин, Алексин и еще один доктор, очень интересный человек, читал восхитительно Антошины рассказы, он из Питера прислан на чуму в Ялту... Горький остался ночевать. Обедает сегодня у нас Орленев.

Третье слово у моей матери «Олечка», даже противно!

30 декабря 1902 г.

Сегодня я вешала занавес – большой белый с бахромой в столовой, чтобы солнышко не мешало твоему супругу по утрам кушать яички... Кроме обыкновенной дневной еды, он выпивает: две рюмки рыбьего жира, два стакана молока и съедает пять яиц всмятку!!!

Апрель 1903 г.

Положительно все литераторы в Ялте, на днях приехал Андреев с супругой и матерью. Вчера я ездила на целый день в Алупку с Шехтелем и Маклаковым.

18 мая 1903 г.

Передай Антоше, что китайская розовая редька вышла на редкость удачна, лучше, чем в Мелихове. Каждый день едим, сочная и вкусная.

27 июня 1903 г.

Все зелено как никогда. Персиками и сливами объедаемся... от деревьев в саду уже есть тень.

Много шила, теперь начала писать кузину... Мамаша очень благодарит за письмо. Она сейчас шьет то платье, которое ты ей подарила, – сатиновое синее.

23 августа 1903 г.

...Очень утомились гостями. С 3 до 6 сидела Ф.К.Татаринова со своим адъютантом Яковлевым и с моряком Лазаревским. С ними Ваш супруг, а мой братец отправились в город, позднее я поехала на линейке и вернулась к 8 часам, застала Бонье. Во время ужина приехали молодые Средины (брат доктора Средина Ал. Л. и его жена М.Г. – А.Х.).

Сегодня был Шаповалов, говорили насчет печей, этому разговору помешал Дорошевич, с которым Ваш супруг уехал в город.

Вчера приехал Арсений. Завтра будем постилать ковры у Вашего мужа в кабинете. Пришла Надежда Ивановна, а вслед за ней М-т Коновицер с Мамуной и не дают писать.

25 декабря 1903 г.

В доме тепло, уютно и светло.

20 марта 1904 г.

Приехала в Ялту поздно. В доме очень уютно, тепло и светло. Встретили меня два брата Антон и Александр. Мамаша благодарит за рамки и за письмо. Шнап радостно приветствовал меня.

19 апреля 1904 г.

Привези мне что-нибудь из Питера, хотя бы, например, сумочку, только не черную.

28 июня 1904 г.

С страшным шумом шла вода через наш сад, унесла с собой плети арбузов и дынь... Персики на наших деревьях крупные, красные и, вероятно, скоро поспеют.

Приехал, наконец, Ваня, давно ожидаемый матерью.

Куприн уехал. Бонье тоже.

Подозреваем, что у них романчик.

18 августа 1904 г.

...Сегодня начала уборку – собрала посуду, вычистили с Онуфрием (Онуфрий – садовник в доме Чеховых. – А. Х.) ковры, завтра будем укладывать в сундук. Одеяльце Антошино проветривается – завтра тоже уложу.

Евочка и Милечка (Евгения Яковлевна и Людмила Павловна, жена Митрофана Егоровича Чехова. – А. Х.) тебя целуют и кланяются.

24 августа 1904 г.

Пошили чехлы на стулья и кресла, и занавесила уже почти все картины. Немного осталось, сделала чехол и на лампу, теперь как будто люстра висит.

...Народ у нас бывает часто, после твоего отъезда Маскота была два раза, она подружилась с Найденовым, который тоже бывает.

Онуфрий по-прежнему старателен, сад не узнаваем.

14 апреля 1905 г.

Дома прислуги нет, ничего не устроено, грязно, есть нечего, мамаша устала, я совершенно больная, кое-как приготовила себе ночлег. О том, как было грустно входить в дом, ты поймешь.

В кабинет я до сих пор не могу войти – чтобы убрать по-прежнему.

Два дня стряпал Ваня, сегодня наняла кухарку.

Здесь Бунин и Федоров. В Чукурларе живет Горький с Марией Федоровной и с ними ее сын Юрий. Екатерина Павловна бежит по Набережной с самым веселым видом... Ничего не понимаю!

23 мая 1905 г.

...Хорошо бы ты сделала, если бы приехала в Ялту, кабинет и спальня Антошины всегда в твоём распоряжении, будет тебе покойно, и я буду за твоей ногой ухаживать.

Ялтинцев ты не увидишь, они не бывают у нас. Онуфрий запил запоем, заболел психически, и мне пришлось его отправить на свой счет на родину. Наняли нового дворника – хохла.

30 мая 1905 г.

Оля, откуда это, что я продаю дом? Кто говорит? Я положительно ничего не знаю! Даже плакать хочется! Правда, я давно хочу продать «дом Антона» в Гурзуфе, но о ялтинском я даже не помышляла, неужели это предсказание?

1 июня 1905 г.

Приехал матрос Николай, такой жалкий, рваный... Вчера был Найденов с женой. Оба поражены поступком Горького и Марии Федоровны. Поражены внезапной переменой убеждений относительно Художественного театра.

12 июня 1905 г.

Развалили все парадное крыльцо и начали копать под домом, для осушки стен, красить все тоже начали.

8 июля 1905 г.

...Печаль наша не проходит. Чем дальше, всё как будто хуже, опять газеты, опять вздор и вранье... Написал хорошо только Куприн.

Отслужили обедню и панихиду в греческой церкви. Было очень симпатично. Неожиданно для нас пелхор любителей, народу было много, всё больше молодежь. Были Средины с Зинаидой Сергеевной (Зинаида Сергеевна – сестра К.С.Станиславского. – А. Х.). Много плакали, мамашу еле доволокли до дому. Батюшка сказал милую речь. Вообще было очень трогательно.

1 августа 1905 г.

Когда будешь оклеивать свою квартиру, переклей мамашину комнату, ей голубые обои не нравятся. Купи, пожалуйста, недорогих светленьких обоев на свой вкус.

На газеты наплюй. Об нас меньше всего думают, когда занимаются словесными состязаниями на могиле нашего Антоши...

4 мая 1906 г.

Наш покой был нарушен смертью Марьюшки. Есть еще новость – женится Жорж. Невеста мила, похожа на божью коровку. Приехала кузина Леля и скоро приезжает Бунин. Дом наполнился опять. Был Куприн, я с ним очень подружилась, пили вместе шампанское и занимались флиртом.

Сад наш великолепен – зелен и густ. Скоро поспеют черешни.

10 мая 1906 г.

Приехала кузина Леля и поселилась у нас.

30 сентября 1906 г.

Говорят, приехал Куприн – жду его, живет в Алушке. Хотяинцева всё еще в Мисхоре.

3 апреля 1908 г.

(Письмо написано в поезде. – А. Х.)

Мамаша на боль не жалуется, по натуре она путешественница большая!!

4 апреля 1908 г.

Доехали благополучно, мамаша бодрится, погода великолепная, весна в полном разгаре! Тепло, деревья в цвету.

Ходить по лестницам мамаша не может, перенесли столовую наверх, внизу пианино и проч. Довольно уютно (написано на фотооткрытке: «Окно комнаты матери и балкон спальни Чехова». – А. Х.). Увит глицинией с левой стороны и стоит олеандр (на балконе, похоже, деревянный пол. – А. Х.).

16 апреля 1908 г.

Дня три тому назад приезжали на автомобиле Коровин и Надина Комаровская, переночевали у меня одну ночь и уехали обратно в Воронеж, где она играет.

Вчера посетили меня пять знаменитых писателей: Арцыбашев, Башкин, Муйжель, Найденов с женой и Белоусов, обедали.

30 апреля 1908 г.

Был у меня Андреев с женой. Более очаровательной женщины я никогда не видела <...> Если нехорошо говорят про нее женщины, – значит, они завидуют ее красоте, если мужчины, – значит, они жалеют, что она не принадлежит им. Я любовалась, глядя на нее. Сам был очень мил. О тебе он говорил с нежностью.

11 мая 1908 г.

Милая Оля, если ты не придумаешь ничего интересного на лето, то приезжай, проведем вместе июнь и июль в Мисхоре у меня на новой даче.

19 июня 1908 г.

Был нахальный Ходотов со своей еще более нахальной женой, везде хвастает, что был большим другом Антоши и даже печатал об этом в местной газете. Возмутительно...

8 сентября 1908 г.

На моем горизонте опять появился Николай. Выпросил денег на поездку в Сибирь и обещал больше никогда не показываться в Ялту.

2 октября 1908 г.

Только недавно Эфрос принес мамаше карты и твое письмо от 22 августа. За карты мамаша очень, очень благодарит и кланяется.

Все опять зазеленело от дождей и снова весна... Я влюблена... Предмет мой женат и имеет много детей.

12 ноября 1908 г.

Если всё будет благополучно... думаем выехать в среду 19. С ужасом думаю, как поволочу мамашу... Не встретишь ли ты нас по примеру прежних лет, быть может, не будешь занята...

Должно быть, пора уже прекратить это кочевание с больными. Если бы не было этого длинного переезда до Севастополя. Автомобиль стоит очень дорого. 75 руб. без багажа.

13 апреля 1909 г.

Красят крышу на доме.

3 мая 1909 г.

Езда на автомобиле мамаше очень понравилась.

28 июня 1909 г.

У нас большое горе, Володя заболел. У него отнялись руки и ноги, и язык плохо работает. Раздражен сильно, нервы никуда не годятся.

О.Л.Книппер. 1898 г.

27 октября 1909 г.

Живем мы неважно, боимся холеры, которая, кажется, свила себе здесь прочное гнездо. Уже целый месяц косит она повсюду и особенно сильно в Дерекое... Отъезд зависит от Вани, который должен купить негораемый шкаф, чтобы я могла переслать весь Антошин архив в Москву, т. к. дальнейшее его пребывание здесь бесполезно. Кланяется новая сестра.

23 мая 1910 г.

Мамаша ходить уже совсем не может, мне пришлось купить ей кресло на колесах, и теперь Тоня возит ее по комнатам, распухла нога в колене – новая болезнь!

Тоня ничего себе, работает и любит мамашу. Не капризна и хочет быть хорошей, хотя часто врет и берет тихонько почтовую бумагу и лакомства – от молодости, должно быть.

Я усиленно работаю и думаю, что сумею и одна управиться, письма всё прибывают.

12 апреля 1911 г.

Мамаша здорова, гуляет по саду, но говорит иногда Бог знает что!

Вчера я устраивала пикник у себя для молодежи. Было 8 человек – моя Зоя, две девочки Татариновы, трое мальчиков Альтшуллерят, Ив Зевакин и Таня Киселева, родственница Ясюнинских. Было очень занятно на них смотреть. Они остались довольны, говорили, что это лучший день их жизни!

4 мая 1911 г.

Мишу ожидаю, пусть приедет, найдет квартиру напротив и будет навещать.

3 августа 1911 г.

Объявился Николай, я рыдала, потому что мне его жаль.

13 сентября 1911 г.

Воды нет. Собираюсь копать колодезь.

7 октября 1911 г.

Выкопала колодезь, чтобы спасти сад, вода есть, но ее надо доставать – для этого необходима хорошая, дорогая помпа.

27 февраля 1912 г.

(М.П.Чехова в Венеции. – А. Х.)

Говорю по-французски и по-немецки. Спутником я очень, очень довольна.

12 апреля 1912 г.

Мать – теперь уже опять молодцом, ходит даже по лесенке в новую галерею.

Разбираю и датирую письма к брату Александру. Трудно, но работа очень интересна, и письма чрезвычайно хорошие, но нецензурны и интимны!

Повидай В.Н.Ладыженского – маленького поэта, – помнишь? Попроси у него письма Антоши, он обещал, и теперь он в СПб. В этом деле тебе может помочь Радаков (Виктор Николаевич Радаков – земский деятель. – А. Х.).

Вот только часто бывает и уже надоел мне барон Стюарт, он разошелся с женой и теперь ищет на свободе другую «художественную натуру, но не актерку». Вообще странен! Приходит он в 8 ½ утра, когда я еще сплю, и сидит в саду.

27 апреля 1912 г.

Поеду в Сумы к Линтваревым. Кстати, поставлю памятник на могилке брата Николая. Приехал Миша, и мы наладили III том. Работаю до одурения. II том посылаю завтра. Я мечтаю третий том работать вместе с тобой. Возможно, это будет, как думаешь?

2 мая 1912 г.

Чудные левкой покрадены сегодня ночью. Об этом было в газетах.

27 апреля 1913 г.

Наша улица освещена электричеством.

17 мая 1913 г.

Милая Оля, сегодня мы получили две телеграммы весьма печальные – скончался брат Александр! Скорбим сильно, мать плачет и по сто раз переспрашивает... Сожалею, что не могу поехать в Питер, т. к. всё равно не поспею и не увижу брата! Никого из родных не будет на похоронах – это ужасно! Всегда у нас случаются несчастья, когда мы бываем в разных концах России.

Даже Михаил Павлович с сыном Сережей сейчас у нас... Послала телеграмму Сашиной жене и Ольге Германовне, которую прошу возложить венки на гроб от меня и матери. Вот и всё, что я смогла сделать.

20 мая 1913 г.

Станиславский хотел немного пожить в доме Чехова. Я его помещу в Пушкинской комнате, кормить буду хорошо. Миша во второй раз уезжает в Петербург. Его сынишка – прелестный мальчуга!

Мы очень все грустим по Саше. Я прямо совсем изныла – так мне его жалко. Жалко, что я его не видела. На похоронах был Ваня.

В кухарках у меня теперь Миша, очень вкусно готовит, прямо объедаемся. (Соня, Ваня и Володя почти каждый год в Ялте и в Мисхоре. – А. Х.).

28 июня 1913 г.

В Эссенуках Ваня. Поселился он из экономии у черта на куличках и, вероятно, питается скверно. Обрати внимание, и если нужны деньги, то я вышлю.

Приехал Станиславский, был очень приятен! Это тебе не Немирович.

Володя (Чехов. – А. Х.) очень весел, жизнерадостность прет из него.

Олечка (племянница О.Л.Книппер-Чеховой. – А. Х.) и Володя на даче в Мисхоре.

7 сентября 1913 г.

Я очень боюсь за нашего Володьку, влюбится, негодяй, окончательно.

30 сентября 1913 г.

Генуэзскую крепость и бывшую дачу Выгожевой купил Шаляпин, теперь он твой сосед (в Гурзуфе. – А.Х.).

21 апреля 1914 г.

Прошу, ответь искренно и решительно, на чистоту, пришлешь ты мне письма Антоши за 99-й год? Мое мнение, что их печатать можно. Про дальнейшие письма я не могла бы сказать так смело, но за эти могу.

17 мая 1914 г.

Только сегодня получила письма, милая Оля. Напрасно ты волнуешься, ничего в них нет такого, за что бы их нельзя было печатать. Да и вопрос я ставила так: «Если хочешь». Теперь буду вставлять твои письма. Неужели я кого-нибудь обижаю?

27 сентября 1914 г.

Я очень, очень виню Мишу и никогда не прощу ему этой женитьбы. Не по себе он рубил дерево.

26 июня 1915 г.

(Зовет в Мисхор Ольгу Леонардовну. – А.Х.)

Будем вместе работать над VI томом. (Каждый год в Мисхоре Соня, Володя и И.П. – А.Х.)

4 апреля 1916 г.

Паша замазала потолок в кабинете, и я все устроила по-прежнему. Опять уютно! Кусок занавеси пришлю.

11 апреля 1916 г.

В саду у нас весеннее великолепие: поют соловьи, деревья всё еще цветут. Цветов Иван развел много... Сирень цветет. Белая, которую подарила тебе 12 лет назад Ф.К.Татарина и которую я высадила в грунт, зацвела величаво, крупными цветами. Это теперь огромный куст!

Сегодня завтракали у нас Елпатьевский и Митя Эфрос, он очень богат и живет в Гурзуфе. Дал мне 100 руб. на стипендию имени А.П. при Яузларе.

27 апреля 1916 г.

Вместе с этим письмом пойдет образец занавеси. Нужно 33–35 аршин. Хотелось бы неяркого цвета. Пожалуй, яркую можно положить на солнце – пусть выгорает, больше будет иллюзии.

11 мая 1916 г.

Милая Оля, вчера начали ремонт кабинета и спальни. Маляр Василий очищает окна и двери. В субботу начнут штукатурные работы. В кабинете пусто и светло, комната стала большая. Очень прошу тебя, поспеши с занавесью. Если нельзя найти в Москве, то скорее напиши, я попробую поискать здесь. Деньги возьми у Вани или истрать свои – я вышлю, сколько надо.

На днях был сильный ветер, сломал ренклюд, хурму и одну шелковицу, очень жалко!

12 июня 1916 г.

Кабинет и спальня приведены в полный порядок. Занавесь я купила здесь, хотя она и не имеет ничего общего со старой. Ты не объяснила ни

цену, ни количество арш. в куске. Ну, да со временем что-нибудь изобретем. Старую спрячу и будем вешать в торжественных случаях.

Вчера у меня была т-т Шаляпина с дочерьми, за старшей усиленно ухаживает наш Володя.

5 июля 1916 г.

Очень жаль, что ты не приедешь! Это так необычно! А я уже приготовила комнату для тебя и все твои вещи выложила (О.Л. не приехала 2 июля – день ежегодной панихиды. – А. Х.).

26 августа 1916 г.

Моя мать чувствует себя хорошо, здорова и даже как будто пришла в память. Ехала из Мисхора в экипаже чудесно, совершенно не боялась и наслаждалась природой. Вообще мне кажется, что она поправляется.

5 сентября 1916 г.

Поздравляю с новым титулом – бабушки. Я думаю, ты мне не раз завидовала, ведь я уже давно бабушка благодаря Тоське! Миша (Михаил Александрович Чехов. – А. Х.) прислал телеграмму о рождении дочери.

Прилагаю письмо некоего старого литератора Сысоева, о котором я никогда не слыхала. Я ему написала, чтобы он обратился к тебе за разрешением поставить на экране «Черного монаха» и «Дуэль».

Во-первых, ты скажи ему, что раньше, чем не посмотришь ты сама и Иван Павлович, разрешения не получит.

«Кому повем печаль мою» – так могла бы я начать письмо, говоря о нашей ялтинской даче. Дом наш садится на юго-запад, углом, где спальня Антона Павловича, трещины по потолку и новым обоям. Вернувшись из Мисхора, я не могла открыть окон в спальне – их придавило. Моя дверь наверху тоже не открывалась. Карниз выпер, того и гляди упадет!

Теперь уже я не знаю, что делать! Положение серьезное, отремонтировать нельзя, да и не знаю как. Ожидаю г. Шаповалова, что он скажет. А ремонт производить все-таки немисливо.

7 октября 1916 г.

Бонье живет недалеко от нас. Аутская, 56, дом Говалло. Только сейчас ушли князья Шаховские, сидели с трех часов, такая милая барышня – Антошина крестница! Я очень рада, что опять увидела эту милую семью (Михаил с Сергеем гостили в апреле 1917 г. – А. Х.).

15 апреля 1917 г.

Городским головой выбрали Елпатьевского, чему я страшно рада... Очень горжусь своим плебейским происхождением и умалчиваю о чешском графе. Теперь уж я больше не графиня, передай это своему зятю Михаилу.

12 мая 1917 г.

Я теперь ведь дружу с политическими, они меня очень бодрят. Живут они недалеко от нас в «Гнездышке», водим знакомство. Были у меня, пили чай. Оказывается, самый близкий писатель для них – это Чехов. Цитируют из его пьес, знают все рассказы. Потребовали у меня «Сахалин».

В Ливадии, в Свитском доме, тоже живут больные политические, поменялись местами!!!

**Ольга Леонардовна и Мария Павловна.
1953 г.**

26 августа 1917 г.

В кабинете большая течь, залило весь диван, в спальне продолжается оползень, трещина увеличилась, наклейка разорвалась.

Думаю не переезжать в Москву с семейством, а приехать самой раз-два в зиму по делам.

5 сентября 1917 г.

Буду ждать тебя зимой отдохнуть, тебе понадобится, наверное. Затопим камин.

22 сентября 1917 г.

Комнаты почти все заняты, кроватей нет, а их трое (Хотяинцевы. – А. Х.). Надо подумать, где кого положить. Очень это противно. Внизу у меня жильцы Ананьина, Кузина и один господин.

2 ноября 1917 г.

(Из Мисхора ОЛ. в Москву. – А. Х.)

Поля принесла дивных роз и хризантем из нашего сада, и я пожалела, что это не для тебя!

Меня беспокоит здоровье Володи Чехова, ничего не едят.

Рассчитывала я очень, что ты поможешь мне красить перила и стулья. Дача и обстановка вышли очень стильны.

Альтшуллер приказал ему (Михаилу Павловичу. – А. Х.) жить на юге, и вот он уехал недели полторы назад, чтобы ликвидировать свое дело, хотя на время, и переехать в Ялту. Конечно, мне это весьма тяжело, куда я их дену? Миша и Сережа еще ничего, а вот дамы для меня не очень желательны. Значит, внизу у меня будут помещаться 7 человек! Мисхор же, вероятно, лопнет от населения! Мамаша буянит по-прежнему, даже еще хуже.

29 мая 1917 г.

Милая Оля, твои апартаменты, т. е. спальня и кабинет твоего супруга, ожидают только тебя.

15 июля 1918 г.

(Письмо из Ялты в Гурзуф. – А. Х.)

Милая Оля, мне бы очень хотелось, чтобы ты, Владимир Леонардович и Габриэль Ричардовна побывали в доме А.П., пока я не уехала в Мисхор, и кабинет в таком же виде как был при жизни А.П.

...Хочется отдать тебе тарелки, которые были когда-то в Гурзуфе.

20 января 1918 г.

Я так огорчена смертью Володи... Дорогой мой юноша, мой сын, зачем он погиб так рано? Ему тяжело было жить, он был очень самолюбив и правдив бесконечно. Я нежно его любила. Ирина Шаляпина ходит ко мне и тоже плачет, что-то между ними было.

За сейф у Дзамгаровых тоже очень беспокоюсь, там у меня золотые медали и прочие мои и Антошины драгоценности.

23 августа / 5 сентября 1918 г.

...Опять пользуюсь случаем, чтобы послать тебе письмецо и лимончики с нашего деревца. Кушай и вспоминай нашу дачку и садик.

Здесь в Ялте образовался довольно солидный Чеховский кружок, работают серьезно. Устраивают вечера литературные. Я с Иваном Павловичем была на вечере в память Чехова. Очень трогательны были воспоминания о Сергия, хорошо говорил Елпатьевский... Сегодня у нас на даче заседание Чеховского комитета по поводу основания фонда на содержание дачи и на случай всяких случайностей. Председательствует Елпатьевский.

3 апреля 1919 г.

Поля была весела (когда ехала). Иван заболел и довольно тяжело, Маша раскисла – ходила в ситцевом платье на базар... Паша занимается любовью. Соня целый день в саду. Вчера приехал Ваня.

10 октября 1924 г.

Полинька – моя сотрудница, и мы обе скорбим, что в кабинете пахнет потом и плохими духами.

1925 г.

(Софья Владимировна живет у Ольги Леонардовны, с 1923 г. не встречается с Марией Павловной – какая-то обида. – А.Х.)

...Твердость ее я знаю, прощать она не умеет.

18 сентября 1925 г.

Ремонт всё еще продолжается, начали красить крышу в белый цвет, как было при Антоше.

3 ноября 1925 г.

Когда же от издания или спектакля будут доходы, не забудь о занавесе в кабинете и о добавочных сторожу-садовнику.

1927 г.

(Появился М.И.Крутицкий – главный бухгалтер библиотеки им. Ленина. – А.Х.)

Колпак на письменный стол сделан, говорят, очень замечательный, но я его уже ненавижу, этого ты, конечно, не говори Мих. Ив.

Апрель 1927 г.

Мы с ним (Львом Книппер. – А.Х.) хорошо прожили с месяц вдвоем – я работала наверху, а он в двух этажах, бегал к пианино и опять вниз к письменному столу. Работал усердно.

4 мая 1927 г.

Первые три дня праздников он (Лев Книппер. – А.Х.) хандрил в Гурзуфе, вероятно, потому, что слишком много женщин бросаются к нему в объятия... Мих. Павл. и Женя с супругом поехали в Гурзуф.

1 октября 1927 г. 6 ч. утра.

Милая Оля, сегодня 20-й день, как мы трясемся, правда не сильно, но все-таки жуткое ожидание вышибло нас из колеи настолько, что достаточно мухе удариться о стекло, как уже сердце заколотится и хочется бежать... Вчера сказали, что развалился на Боткинской дом Капниста, это был великолепный дом.

Дом-музей Чехова, этот, по-видимому, дорогой для нас всех памятник, остался забытым. Если бы не моя настойчивость, то комиссия, по всей вероятности, не пришла бы до сих пор. Теперь уже было две, но я всё еще не получила резолюций, которые я должна послать в Москву. Радостного мало. Дом признан в 3-й категории, это значит, нужен капитальный ремонт, и жить в нем нельзя...

Мишу я считаю большим образцом, что он ночует у себя в прежней комнате, но мне кажется, что храбрости его хватит ненадолго. Ты только подумай – где взять пять тысяч (так определила комиссия) на ремонт дома? Правда, ОНО назначило 1.500 руб. да 500 руб. Библиотека. Где же взять остальные 3.000? Скоро наступит холодное время, а мы ночуем в фанерном шалаше. Можно бы починить флигель и там перезимовать, но пока что-нибудь добьешься, пожалуй, и жить не будешь... Надо бы построить хороший дощатый барак и перенести туда все вещи музейные. Дом такой же можно построить, а экспонатов не найдешь, они могут все погибнуть под развалинами... Но что я могу сделать одна?

Говорят, большинство домов в Гурзуфе превратились в порошок. Очень пострадал дом на мысу. Твоим арендаторам большой убыток! Думаю, что руб. 150 тебе хватит на ремонт, постарайся их заработать. На твоём домике Божье благословение!

7 октября 1927 г.

Дом, в котором мы запирались наглухо, закладывали щитами двери и окна, пили, ели и мирно спали, стал нам страшен! Моя комната необитаема, оттуда кое-что вынесли, но кровать, кушетка и шкафы остались там.

Я тебе, кажется, писала, что надеялась на 1.500 руб. от ОНО, но это оказалось пухом. Публичная библиотека прислала 800 руб. на ремонт, но это далеко до 5.000.

Дача Коровина (в Гурзуфе. – А. Х.) осталась невредима, даже волосяных трещин нет. Честь и слава строителю Браиловскому.

Твоя мимоза пропала (в Гурзуфе. – А. Х.).

Меня поражает равнодушие Ялты к Чеховскому музею и особенно равнодушие г. Шаповалова, он даже не приехал с комиссией от Гостехбюро, которому я заплатила 20 руб., и за извозчика.

13 октября 1927 г.

На письменном столе повалились только свечи и бронзовый мальчик.

14 октября 1927 г.

Пришли кончать свою работу плотники и слесаря с бетонщиками, делают балкончик, который из спальни Антоши.

12 ноября 1927 г.

Живу я теперь на большой террасе, сплю в углу на кривой тахте и занимаюсь за большим зеленым столом.

Прочла «Идиота» и только расстроилась, не могу читать Достоевского. Вот бы моя Дездемона прислала бы Отелле что-нибудь почитать?

27 ноября 1927 г.

В Гурзуфе поселились Роман Корнеевич Трегубов и его жена Капитолина. Сергей вернулся (священник Сергей Николаевич Щукин. – А. Х.), но храмы все закрыты.

В четверг приезжает Мих. Павл.

28 января 1928 г.

На сей раз я пробуду в Москве недолго. Нужно еще протянуть ручку в госиздате и купить обои.

20 марта 1928 г.

У нас стоят морозы, и всё потонуло в снегу, попорчены пальмы и вечнозеленые бордюры. Небывалая погода в такую пору у нас в Крыму!

15 апреля 1928 г.

Только что кончила принимать визитеров, был даже Ив. Ал. Белоусов.

Дом наш весь в лесах, окна вынуты, смертельный холод... Моя комната, кабинет, спальня, комната матери эвакуированы совершенно. Я с Полей пока в столовой. Внизу свалка мебели. Клянущую Шаляпинскую рухлядь, которая утомила меня даже до бесконечности... Молясь, я только говорю: Господи, пошли мне сил, и больше мне ничего не надо. Ведь я начала ремонт с негодными средствами, и у меня нет даже десятника... Приходится выклянчивать материалы и безумно торговаться с рабочими... На три с половиной тысячи далеко не уедешь, тогда как на другие подобные дома назначены десятки тысяч.

Я натерпелась горя с бедным Мих. Павл. У него был сильный приступ грудной жабы, едва спасли. Доктора два дня не выходили из нашего дома. Я обливалась слезами.

28 апреля 1928 г.

Стараюсь быть терпеливой и радуюсь, что успешно приобретаю материал, и на платоническое сочувствие Чеховскому Дому.

14 октября 1928 г.

Я никому не пи... Не дописав «не писала», пришлось от страха удирать вниз по лестнице – опять землетрясение...

Довольно сильный короткий толчок, всё затряслось и зазвенело. Мих. Павл. тоже выбежал. С сжатым сердцем я опять поднялась к себе наверх и вот продолжаю мое послание.

28 октября 1928 г.

Милая Оля, позволь поздравить тебя со званием Народной артистки.

10 мая 1929 г.

Ох, как мне не хочется чеховских юбилейных празднований! Когда много пишут и говорят об А. П., я испытываю тоску и хочется уехать куда-нибудь подальше... Получила протокол комитета организации чествований. К чему вся эта шумиха? Читала глупую статью в «Огоньке» о гостинице в Баденвейлере? С одной стороны реклама, а с другой издевательство... Шут знает, что такое!

10 октября 1929 г.

За 1928–29 гг. прошло по коврам кабинета 16.498 ног от 8.249 посетителей (речь идет о посещаемости музея. – А. Х.).

Всё ждала, что мне увеличат жалование или дадут пенсию, но ни того, ни другого не слышно. Как тут на 95 руб. прокормиться со всеми и с индустриализацией?

4 декабря 1929 г.

Подпорные стены валяются, и их надо укреплять. Ремонт ограды входит в пятилетку, и я должна стараться.

Сегодня Варварин день, и я навестила бывшую начальницу. Как ужасно она живет! Ее лишили квартиры, в которой она прожила 36 лет. Теперь у нее холодно, как на дворе, если бы не Манефа, то она погибла бы... Это обстоятельство наводит на весьма грустные мысли...

25 апреля 1930 г.

Прислали из Главнауки 2.400 руб. на устройство контрфорсов, и работу надо исполнить в боевом порядке!

Нашла твой портрет, писанный Сашей Срединым. Очень недурно, свежо, и ты такая молоденькая. Холст несколько потрескался – плохо натянут, но так как это историческая вещь, то это ничего. Сохраню его до твоего приезда, а там обсудим, куда его поместить. Думаю, лучше в Московский музей, или ты захочешь оставить его у себя. Хорошо было бы отремонтировать и повесить в Ялтинской столовой. Конечно, на твое усмотрение.

29 ноября 1930 г.

В моей комнате живет прелестная кошечка – еще котенок, беленький с серыми пятнами и с коралловым ротиком. Я назвала ее «Минуш». Мне с ней веселей.

22 октября 1933 г.

[В Ялте получили телеграмму] след. содержания: «Убит автомобилем Сергей Николаевич. Похороны понедельник. Щукина».

4 июня 1932 г.

О перенесении памятника Ант. Павл. ничего не могу тебе посоветовать – до жути жаль праха отца!

13 июня 1932 г.

Получила прибавку к жалованию, я получаю 160 руб. (Мих. Львов. и Поля – 75. – А. Х.).

10 октября 1932 г.

...чудесный виноград – белый продолговатый мускат. У нас 5 кустов его там, где огород.

Передай Вишневному, что телефон вчера у нас повесили, иначе сказать нельзя, т. е. он висит и дрыгается в передней, самой допотопной системы. Ал. Леонидович очень хлопотал и просил сообщить ему об этом. Прибавь мое большое спасибо!

Моим ногам теперь будет полегче.

7 ноября 1933 г.

Поздравляю тебя с наградой.

Сегодня я спокойно сижу дома, все ушли, кроме, конечно, Мих. Павл., в процессию.

7 февраля 1934 г.

Был писатель Тихонов Влад. Алекс., с которым Ант. Павл. в юности был знаком, он умер очень давно и был гораздо старше Ант. Павл. Уж как могла уцелеть после него жена – непонятно! Доктора Тихонова ни я, ни Мих. Павл. никогда не знали. Мы тебя оба просим не отвечать на такие «просительные» письма, с именем Ант. Павл. связанные. Береги деньги и никому зря не давай.

Теперь Кундасова и Дроздова – твои подруги, мне они давно изменили!

3 марта 1934 г.

Читаю мелкие рассказы Антошины и восхищаюсь! Какой замечательный писатель. Какая удивительная форма и умение использовать тему! Это всё ранние рассказы, относящиеся к 86 году, когда я еще не понимала и не могла оценить его – Антоша и просто Антоша, пишет и пишет, смешно и занятно. И эти чудесные рассказы покойница мать должна была возить на конке или нести на Николаевский вокзал, чтобы опустить в почтовый ящик курьерского поезда, чтобы рассказ поспел бы вовремя к печати.

14 ноября 1934 г.

К тебе просьба. Помоги мне. На письменном столе в столовой стоит фотография – ты с Ант. Павл. на кумысе, нужно про нее что-нибудь написать в исторический каталог. Напиши коротенько – как вы повенчались и поехали туда, как твой муж пил кумыс и проч., одним словом, что тебе желательно, то и напиши. Я помещу в каталог, что это записано с твоих слов. Помоги мне написать и о Комиссаржевской. Я совсем мало о ней знаю. Теперь ревность тебе не помешает, и ты сможешь написать спокойно. Влад. Иван. Немирович-Данченко обещал мне написать про себя и попросить Качалова. Передай мою просьбу об этом же Вишневскому. Нужно написать и об Артеме. Все эти карточки находятся в витрине.

Бубнов приказал сделать каталог, и теперь я очень обеспокоена, сижу над ним целые вечера и нахожу, что эта работа очень трудная и серьезная, и скорый темп тут не применим.

Весной, когда приеду в Москву, привезу с собой каталог и тогда обращусь к Дерману, – переписываться для меня очень трудно.

Получила книжку Соболева о Чехове. Читаю, точно про чужую семью! Да и нагородил же! Прости ему, Господи!

Сейчас у меня идут работы по оползням, изрыли весь сад и за оградой на кладбище теперь роют, но причины осадки дома всё еще не можем выяснить.

Ольга Леонардовна и Мария Павловна

12 января 1940 г.

(После ремонта. – А. Х.)

Много труда было с расстановкой вещей. Теперь столовая приняла такой вид, как было при Ант. Павловиче. Всё лишнее перенесено в комнату матери, а из этой последней, находящейся еще в работе, получается интересный биографический музей, начиная с детства А.П. и кончая смертью.

Там висит твой портрет, написанный Срединым (в новой хорошей раме). Портрет Ив. Павл., матери, Мих. Павл. перенесен стол, за которым написана «Чайка», и множество фотографий и рукописей. Откроем эту комнату только к годовщине рождения, т. е. к 29 янв. Кабинет от отбоев вышел мрачноват.

25 марта 1940 г.

Я тоже тяжело перенесла смерть Булгакова. Он мне был всегда очень симпатичен. Мы познакомились в Ялте и даже подружились – он преподнес мне книгу свою с хорошей надписью.

13 октября 1940 г.

Присоединяют домк городской канализации, ибо наши поглощательные колодцы не способствуют в самый раз.

9 мая 1941 г.

Цветет сирень, лакфиоли, незабудки, примулы и проч. Вчера, например, мне пришлось принимать литераторов из Литфонда, они всегда обидчивы и требовательны, надо было много употребить потенции, чтобы удовлетворить их вполне! Был и маленький Дерман, держался очень симпатично, как друг настоящий. Сейфулина – милый человек и добрый, я искренно полюбила ее, она часто бывает у нас и даже ночует нередко. Вот только жаль, что пьяница! Умница большая!

6 июня 1941 г.

(О Гурзуфе. – А. Х.)

Садик представляет из себя корзину из великолепных роз.

26 июля 1941 г.

(В письме нет особых тревог и даже надежда, что Ольга Леонардовна в августе, возможно, придет в Гурзуф. – А. Х.)

Где Лева? Вернулся? Будет ли он призван? Что наш Сережа? Может быть, и он подлежит призыву?

Бром погиб! Да и Хинку жалко! Бедненькая вдовушка.

10 августа 1941 г.

...Увезла еще фотографию с умершего Ант. Павл. с твоего позволения, которая висит теперь в биографической комнате.

23 сентября 1941 г.

Я очень страдаю и боюсь, остаюсь на посту – никуда не уеду, потому что не представляю себя в другой роли, как только хранительницы дорогого мне памятника, да и материал переписки Ан. Павл. со мной. Не знаю только, какова судьба материала, отправленного в Москву для первого тома. Боюсь, что у Ейгеса! Он давно уже замолк.

По музею всё еще работаем, хотя служащие сокращены, принимаем дорогих для нас сейчас гостей изредка. Григорий Карпович ушел на фронт. Ежедневно работаем – комментируем с Иваном Михайловичем (Пронин. – А. Х.) письма, и это единственное утешение. Не везет Чехову!

(Последняя открытка – от 24 сентября 1941 г. – А. Х.)

20 апреля 1944 г.

Русские воины здесь... Я услышала от них, что ты жива и здорова... Беспокоюсь о Сереже и Леве, его мать недавно скончалась, всё мечтала его повидать. Наша племянница Ольга заботится о Диме Качалове, он жив и здоров, передай родителям с моим приветом.

Янова всё время была со мной и сейчас хлопочет о восстановлении музея. Я приехать к вам уже не в состоянии, с 41 года я не выходила на улицу ни разу. Мучительные три зимы дали себя знать – холод, голод и страх... Продавала вещи, платье, белье и покупала дрова мешками. Перенесла брюшной тиф.

12 мая 1944 г.

Мой музей изрядно пострадал от бомб, особенно сад. Чудом живы остались. Пронин умер от нарывов. Соловьева от голода. Григорий Карпович на фронте.

24 июня 1944 г.

Не представляю себе, как устроится моя жизнь в дальнейшем? Ведь у меня Софы нет!

29 октября 1944 г.

(До 20 октября Ольга Леонардовна была в Ялте. – А. Х.)

Хотя один вечерок посидеть за круглым твоим столом и повидать всех упомянутых в твоём письме.

5 ноября 1944 г.

Пошла в твою комнату, приложилась к образку Н.Ч., и хотелось заплакать. Мельнички не нашла. Я предупреждала Вас, чтобы закрывали окна, – вероятно Аннушка соблазнилась и продала на рынке.

Надо бы хотя на время переменить атмосферу. Она всё еще сгущена! Трезор поголаживает, т. к. нижних жильцов нет – они уехали в Москву. Мария Цезаревна готовит мне вкусные обеды.

22 ноября 1944 г.

Я всё еще нахожусь под обаянием присланного пайка – и хочется благодарить, благодарить несчетное количество раз!!

8 декабря 1944 г.

Жду Сережу для работы по восстановлению несчастного и совершенно не нужного Мелихова. Как бы ни восстанавливали его, все-таки это не то. Барон Стюарт берег память о Чехове, и напрасно крестьяне разорили значительное гнездышко своего благодетеля и друга.

Неизвестному моему американскому другу я послала бы большое мерси за заботу обо мне! Да не знаю его адреса!

14 декабря 1944 г.

Вы обе ничего не пишете насчет положения по отношению Библиотеки. Кому я буду подчиняться? У нас всё по-прежнему, но настроение как будто полегче.

13 января 1945 г.

А что, Вас. Ант. (Кузнецов. – А. Х.) видел все ваши представления и как к ним отнесся? Пусть Софа напишет, она это сумеет лучше тебя и подробнее описать. Извини, пожалуйста. Она и петрушки и укропцу, всего в описание положит.

21 января 1945 г.

«Шоколада мне не надо –
Крупа манная нужна.
Сахар сердцу есть услада –
К тебе буду я нежна...»

27 февраля 1945 г.

Большая беда у меня случилась, пропала с письменного стола свинка с поросятами, кто-то украл! 40 лет стол был неприкосновенен, меньше всего было ожидать кражу именно с него. Служащих могу обвинить в нерадении. Атмосфера у нас всё та же!

20 апреля 1945 г.

Сегодня закончили ремонт нижнего этажа – вышло очаровательно... В твоей комнате переменили обои и канцелярию освежили. Весь низ в твоём полном распоряжении (О.Л. болела, лежала в Кремлевской больнице. – А. Х.).

Смерть Балухатого для меня – ужасный удар, я всё ещё не могу очнуться, не везет мне в чеховистах. У нас с ним уже так хорошо наладилась работа, и я думала, что после моей смерти он хорошо распорядится моим эпистолярным наследием.

30 апреля 1945 г.

Твоя комната оклеена новыми обоями, канцелярию побелили в цвет сопок – вышло недурно, чистенько.

О посещении нашего музея могу рассказать тебе и Софе только при свидании, дело касается Леди Черчилль, этой очаровательной и замечательной женщины, я поднесла ей букетик фиалок из нашего сада и том рассказов Чехова последнего издания.

21 декабря 1945 г.

Я просила обои для своей комнаты и парусины или чего-нибудь вроде для занавесей на окна.

«Жить без тебя мне уже трудно»

к 145-летию со дня рождения
Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой

Осенью 1898 года в Москве готовился к открытию новый Художественно-Общедоступный театр, который с января 1904-го будет называться Московским Художественным театром – МХТ.

В новом театре одновременно шли репетиции исторической драмы А.К.Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» и пьесы А.П.Чехова «Чайка».

9 сентября А.П.Чехов выехал из Мелихова в Москву с намерением отправиться в Крым – врачи запретили ему зимовать в Москве. Вечером Антон Павлович отправился на репетицию «Чайки» в Художественный театр. Репетировали первый акт и часть второго. В тот день Чехов познакомился с начинающими артистами театра.

О первой встрече с Антоном Павловичем Ольга Леонардовна Книппер вспоминала: «<...> Все мы были захвачены необыкновенно тонким обаянием его личности, его простоты, его неумения "учить", "показывать". <...> И он смотрел на нас, то улыбаясь, то вдруг необычайно серьезно, с каким-то смущением, пощипывая бородку и вскидывая пенсне. <...>

И с этой встречи начал медленно затягиваться тонкий и сложный узел моей жизни. <...> В этот день у Ольги Леонардовны был день рождения, её 30-летие, и встреча с Чеховым стала подарком судьбы для неё на всю жизнь.

Через пять дней Чехов присутствует на генеральной репетиции «Царя Фёдора Иоанновича». Ему очень понравилась постановка, а из актёров он осо-

**И.М.Москвин и О.Л.Книппер (Ирина)
в пьесе «Царь Фёдор Иоаннович»**

А.П.Чехов. 1897 г.

бенно выделил Книппер. Ей была поручена сложная роль царицы Ирины, и Ольга Леонардовна отлично справилась с ней. На следующий день Антон Павлович выехал в Ялту, о своих впечатлениях он написал Суворину 8 октября 1898 года: «<...> Перед отъездом <...> я был на репетиции "Фед<ора> Иоан<новича>". Меня приятно тронула интеллигентность тона, и со сцены повеяло настоящим искусством, хотя играли и не великие таланты. Ирина, по-моему, великолепна. Голос, благородство, задушевность – так хорошо, что даже в горле чешется. Федор показался мне плоховатым; Годунов и Шуйский хороши <...> Но лучше всех Ирина. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину. <...>»

Первая постановка «Чайки» в Художественном театре состоялась 17 декабря 1898 года. Чехов по состоянию здоровья не смог приехать в Москву.

Спектакль прошёл с огромным успехом, Антон Павлович получил массу восторженных писем и телеграмм. В «Чайке» Книппер играла роль актрисы Ирины Николаевны Аркадиной – одну из центральных в спектакле. Это сложный женский характер. В.И.Немирович-Данченко писал: «Книппер – удивительная, идеальная Аркадина». К.С.Станиславский позже вспоминал, что самый большой успех выпал на долю О.Л.Книппер и М.П.Лилиной, исполнившей роль Маши. А.И.Куприн, побывавший на спектакле, писал Чехову: «О.Л. Книппер в "Чайке" превосходит всё, что можно требовать и ожидать от артиста».

О постановке пьесы, об игре актёров и реакции зрителей подробно сообщила Чехову сестра Мария Павловна: «Вчера шла твоя "Чайка". Поставлена она прекрасно. <...> Актрису, мать Треплева, играла очень, очень милая артистка Книппер, талантливая удивительно, просто наслаждение было ее видеть и слышать <...> так жизненно, что положительно забываешь, что это сцена».

4 февраля 1899 года Мария Павловна снова в театре, на следующий день она послала в Ялту Чехову письмо: «Была я вчера в третий раз на "Чайке". Смотрела еще с большим удовольствием, чем в первый и во второй разы. Очень, очень хорошо играли. <...> Вишневский был недавно у нас в гостях, пригласил меня на сцену и перезнакомил со всеми артистами. Если бы ты знал, как они обрадовались! Книппер запрыгала, я передала ей поклон

**В.В.Лужский, В.Э.Мейерхольд, О.Л.Книппер,
К.С.Станиславский, А.Л.Вишневский**

от тебя. <...> С какой любовью они играют твою "Чайку"!». В конце этого письма Мария Павловна напишет: «Я тебе советую поухаживать за Книппер. По-моему, она очень интересна!»

Мария Павловна и Ольга Леонардовна быстро подружились, вместе ходили на концерты и выставки, бывали в гостях друг у друга.

Только весной врачи разрешили Антону Павловичу выехать в Москву. 12 апреля он приехал и через несколько дней был у Ольги Леонардовны. Позже она вспоминала: «В первый день Пасхи пришел вдруг Чехов с визитом, он, никуда и никогда не ходивший в гости».

По приглашению его и Марии Павловны Ольга Леонардовна приезжала погостить в Мелихово. Чехов подарил ей свою фотографию с надписью: «Ольге Леонардовне Книппер (Многоуважаемой Ирине Николаевне) на добрую память от автора "Чайки". 99. 24.V. А.Чехов». Впрочем, Антон Павлович сразу же несколько изменил надпись: зачеркнул последние две буквы в ее фамилии и написал ласковое: «Книппуше».

На лето Ольга Леонардовна уехала к брату на Кавказ. С этого

**«Дядя Ваня». К.С.Станиславский,
О.Л.Книппер, А.Л.Вишневский**

момента началась их переписка и частые встречи. В письмах они договорились встретиться в Новороссийске и вместе пароходом приехали в Ялту. Ольга Леонардовна остановилась в семье доктора Л.В.Средина, а Чехов жил в гостинице «Мариино». Вместе с Антоном Павловичем Книппер бывала в Аутке, где шло строительство его дома. Ей понравился вид на море и горы. Чехов знакомил её с городом, они совершали прогулки в Гурзуф, Массандру, Ливадию, Ореанду, он показывал ей все те места, которые потом так замечательно опишет в своём рассказе «Дама с собачкой».

В начале августа Чехов и Книппер вместе отправились в Москву. До Бахчисарая ехали на лошадах через Ай-Петри. «Хорошо было ехать в живописной долине Коккоза, полной какого-то особенного очарования и прелести», – вспоминала позднее Ольга Леонардовна.

Из Москвы Антон Павлович вернулся в Ялту. Переписка его с Книппер возобновилась. «Ваше благоразумное письмо с поцелуем в правый висок и другое письмо с фотографиями я получил. <...>», – писал Чехов 29 сентября 1899 года.

Осенью 1899 года Художественный театр поставил пьесу Чехова «Дядя Ваня». О.Л.Книппер с большим успехом играла в спектакле роль Елены Андреевны. А.М.Горький после просмотра «Дяди Вани» писал Чехову: «Книппер – дивная артистка, прелестная женщина и большая умница. Как у нее хороши сцены с Соней!»

Когда весной 1900 года в Ялте гастролировал Художественный театр, Ольга Леонардовна по приглашению Антона Павловича приехала несколько раньше и поселилась у Чеховых в новом доме. Она помогала Марии Павловне и Евгении Яковлевне в хлопотах по приёму гостей, которых в ту весну у Чеховых было особенно много.

В те дни ещё больше окрепла дружба Антона Павловича и Ольги Леонардовны. Постепенно она стала перерастать в большое серьёзное чувство.

После отъезда Книппер Мария Павловна писала ей: «Внизу твою комнату никто не смеет занять по приказанию писателя».

В июле и августе того же года по приглашению Антона Павловича О.Л.Книппер снова гостила у Чеховых в Ялте и на даче в Гурзуфе.

В доме, как всегда, было много гостей, а им так хотелось чаще бывать наедине. Она чувствовала, как Чехов иногда утомлялся от гостей. После

А.П.Чехов. 1899г.

**«Одинокие» (Г.Гауптман).
О.Л.Книппер в роли Анны Мар**

М.П.Лилина и О.Л.Книппер

отъезда в августе Ольга Леонардовна писала ему: «...Антон, родной мой, проведем будущее лето здесь где-нибудь в деревне – хочешь? Я всё думала, как ты удивительно подходишь к этой чисто русской природе, к этой шире, к полям, лугам, овражкам, уютным тенистым речкам». На что Чехов 18 августа 1900 года отвечал: «<...> Да, милая моя актрисуля, с каким чисто телячьим восторгом я пробежался бы теперь в поле, около леса, около речки, около стада. Ведь, смешно сказать, уже два года, как я не видел травы. Дуся моя, скучно! <...>»

В этот период Антон Павлович начинает работать над пьесой «Три сестры». Он писал её специально для Художественного театра, зная, кто из актёров какую роль будет исполнять. Роль Маши предназначалась для Ольги Леонардовны: «<...> Ах, какая тебе роль в "Трёх сестрах"!

**«Месяц в деревне» (И.С.Тургенев).
О.Л.Книппер и К.С.Станиславский**

**«Три сестры». О.Л.Книппер
в роли Маши**

Какая роль! Если дашь десять рублей, то получишь роль, а то отдам ее другой актрисе», – шутиливо писал Чехов 28 сентября 1900 года из Ялты.

Ему хотелось поскорее закончить пьесу и приехать в Москву, но мешало нездоровье, и работу иногда приходилось откладывать. Письма этих дней к Ольге Леонардовне наполнены мечтами о встрече и признаниями: «<...> Мое сердце всегда тебя любило и было нежно к тебе <...> я уже говорил тебе 10 000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е. что я тебя люблю – и больше ничего. Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству. <...>» (от 27 сентября 1900 г.).

В октябре Антон Павлович привез пьесу Художественному театру. В.И.Немирович-Данченко вспоминал:

«Очень он остался у меня в памяти в этот приезд: энергичный, веселый, помолодевший – просто счастливый, охвачен красивым чувством».

Пробыв в Москве полтора месяца, Чехов выехал для лечения за границу. 31 января 1901 года состоялась премьера «Трёх сестёр». Ольга Леонардовна писала Чехову: «Как мне больно, что ты не видишь, как я играю Машу. С какой радостью я играла бы тебе ее!»

Исполнение роли Маши явилось новой творческой победой артистки. «С каким наслаждением я играю Машу! Ты знаешь, она мне, кроме того, принесла пользу. Я как-то поняла, какая я актриса, уяснила себя самой себе. Спасибо тебе, Чехов!»

Антон Павлович в это время находился в Ницце, и Ольга Леонардовна писала ему о постановке «Трёх сестёр», о планах Художественного театра. Чехов тосковал, мечтал поскорее вернуться домой. «<...> Я ведь тебя люблю, знай это, жить без тебя мне уже трудно. <...>», – писал он 7 марта 1901 года.

«Внутри росло и крепло чувство, которое требовало каких-то определенных решений, – вспоминала позднее Ольга Леонардовна, – и я решила соединить мою жизнь с жизнью Антона Павловича, несмотря на его слабое здоровье и на мою любовь к сцене. Верилось, что жизнь может и должна быть прекрасной, и она была такой, несмотря на наши горестные разлуки, – они ведь кончались радостными встречами. Жизнь с таким человеком мне казалась не страшной и не трудной: он так умел отбрасывать всю тину, все мелочи жизненные и всё ненужное, что затемняет и засоряет самую сущность и прелесть жизни».

Они обвенчались в Москве 25 мая 1901 года, затем отправились на кумыс в Башкирию, а в начале июля приехали в Ялту. Ольга Леонардовна постоянно жила в Москве, на юг приезжала летом и в те дни, когда бывала свободна в театре.

25 августа Чехов писал жене: «Сегодня, дуся мой, ровно три месяца, как мы повенчались. Я был счастлив, спасибо тебе, моя радость, целую тебя тысячу раз. <...>»

Вскоре после венчания в 1901 году Ольга Леонардовна подарила Антону Павловичу брелок в форме сердечка. Он открывался, как медальончик, внутри была фотография О.Л.Книппер 1898 года. Этот брелок Чехов носил на цепочке с часами, на некоторых фотографиях Антона Павловича после 1901 года это сердечко хорошо видно.

После смерти Чехова Ольга Леонардовна вынула из брелока свою фотографию, вставила туда фото Антона Павловича и носила на цепочке уже как медальон. После того как ялтинский дом стал музеем, она отдала этот медальон Марии Павловне как чеховскую реликвию. Он и по сей день хранится в ялтинском доме-музее Чехова.

Антон Павлович не соглашался на уход Ольги Леонардовны из театра, хотя очень тосковал без неё. В середине сентября Чехов выехал в Москву и прожил там полтора месяца. Был на репетициях «Трёх сестёр», смотрел и другие постановки Художественного театра. Перед отъездом из Москвы он писал В.С.Миролюбову (от 19 октября 1901 г.): «<...> Жена моя, к которой я привык и привязался, остается в Москве одна, и я уезжаю один. Она плачет, а я ей не велю бросать театр. Одним словом, катавасия. <...>»

А из Ялты Чехов писал жене: «<...> Я привык к твоим заботам о себе (т. е. обо мне), и теперь я как на необитаемом острове. <...>» (от 30 октября 1901 г.) И в другом письме 2 ноября 1901 года сообщал: «<...> со дня приезда моего сюда, мне было не по себе <...> А что ты здорова и весела, дуся моя, я очень рад, на душе моей легче. И мне ужасно теперь хочется, чтобы у тебя родился маленький полунемец, который бы развлекал тебя, наполнял твою жизнь. Надо бы, дуся мой! Ты как думаешь? <...>» И Чехов, и Ольга Леонардовна очень хотели иметь ребенка.

Осень и зиму они прожили в разлуке, но почти каждый день писали друг другу. Ольга Леонардовна подробно сообщала о театре, о репетициях, о московских новостях и событиях, о том, что тоскует без него, беспокоится о его здоровье и волнуется, если задерживаются письма.

Чехов пишет о погоде, о ялтинцах, подробно рассказывает о встречах с Толстым, который в это время жил в Гаспре. Посылает фотографию, сделанную Софьей Андреевной. На ней Чехов вместе с Толстым 5 ноября 1901 года. Очень волнуется, получила ли Ольга Леонардовна эту фотографию. Она отвечала: «Любуюсь я всё на тебя, где ты снят с Толстым. Удивительно у тебя милое лицо». В ответном письме от 25 ноября 1901 года Антон Павлович писал: «<...> Значит, моя фотография дошла к тебе благополучно, не погнулась? Береги ее, она unicum. После моей и твоей смерти ее надо будет отослать в Таганрогскую городскую библиотеку, где имеется мой архив. <...>»

«Вишнёвый сад». Раневская – О.Л.Книппер, Петя Трофимов – В.И.Качалов

«Три сестры». О.Л.Книппер в роли Маши

Чехов рвётся в Москву. В Ялте у него побывал московский доктор В.А.Тихомиров, который говорил, что Антон Павлович теперь может жить в Москве. «<...> А здешние доктора не пускают в Москву», – писал Чехов жене 25 ноября 1901 года. Но мечту о поездке зимой в Москву пришлось оставить, так как уже 13 декабря там наступили 20-градусные морозы.

Ольга Леонардовна надеялась, что её в декабре отпустят в Ялту, как обещал Немирович-Данченко. Чехов мечтал о встрече, тосковал и писал: «<...> Приезжай, моя милая, умоляю тебя! Я очень скучаю, так скучаю, что совсем не могу работать, а только сижу и газеты читаю. Будущую зиму я буду жить в Москве во что бы то ни стало, что бы там ни говорили доктора. <...>» (от 30 ноября 1901 г.).

Но в театре возникла сложная ситуация, и Ольгу Леонардовну не отпустили в Ялту. А Чехов мечтает о ребёнке: «<...> Мне кажется, – пишет он жене 21 ноября 1901 года, – что ты бы очень любила полунемчика, любила бы, пожалуй, больше всего на свете, а это именно и нужно. <...>» Ранее, 6 ноября 1901 года, Ольга Леонардовна писала Чехову: «<...> Мне больно думать, что ты там один, тоскуешь, скучаешь, а я здесь занята каким-то эфемерным делом <...> А как мне, Антонка, хочется иметь полунемчика! <...>»

Чехов жаловался, что эта зима для него «самая скучная из всех зим». Ольга Леонардовна писала 14 декабря 1901 года: «<...> Я способна всё сейчас бросить и лететь к тебе. Я должна быть около тебя, должна устроить тебе жизнь хорошую, приятную, спокойную. И это будет, милый мой. <...>» Антон Павлович чувствовал, что переживает Ольга

О.Л.Книппер-Чехова и А.П.Чехов. 1901 г.

**Антон Павлович и Ольга Леонардовна
в Башкирии**

Леонардовна, и писал ей 29 декабря 1901 года: «Глупая ты, дуся. Ни разу за всё время, пока я женат, я не упрекнул тебя за театр, а, напротив, радовался, что ты у дела, что у тебя есть цель жизни, что ты не болтаешься зря, как твой муж. <...> Работай, дуся, и не хлопочи <...>»

Чехов начинает работать над новой пьесой и 20 января 1902 года сообщает жене: «<...> Я не писал тебе о будущей пьесе не потому, что у меня нет веры в тебя <...> а потому, что нет еще веры в пьесу. Она чуть-чуть забрезжила в мозгу, как самый ранний рассвет, и я еще сам не понимаю, какая она <...> Если бы мы увиделись, то я рассказал бы тебе, а писать нельзя <...>». Речь шла о пьесе «Вишнёвый сад». Позднее в письмах к жене Чехов будет часто упоминать о своей работе. По ним можно проследить историю создания пьесы.

В конце января В.И.Немирович-Данченко пообещал Ольге Леонардовне отпуск на неделю. И опять в их переписке мечты о встрече, о её приезде в Ялту. Но отпустили актрису из театра только в конце февраля. В одном из последних писем в Ялту, от 15 февраля, Ольга Леонардовна беспокоилась, что будут ходить гости: «Если будут приходиться, то могут не рассчитывать на мою любезность, ибо я буду только с тобой, и они <...> должны это понять».

22 февраля Ольга Леонардовна уже в Ялте у Чехова. Как встретились, как проводили время, о чём говорили и о чём мечтали, – написать невозможно, потому что Чехов в эти дни писем никому не писал. Последнее его деловое

О.Л.Книппер-Чехова

письмо датировано утром 22-го февраля, до приезда Ольги Леонардовны, а следующее, тоже деловое письмо – А.В.Амфитеатрову, – только 27 февраля. 28 февраля Ольга Леонардовна уехала из Ялты в Петербург, где начинались гастроли Художественного театра. 28 февраля из Симферополя она писала Антону Павловичу: «Меня мучает, что я не поцеловала тебя последний разок на террасе. Всю дорогу об этом думала. <...> Все-таки, как чудесно, что мы повидались!» И Чехов в тот же день пишет: «Жена моя, Олюша милая, как доехала? Я беспокоюсь, душа не на месте <...> погода лютая <...> и я не успокоюсь, пока не получу от тебя письма. Как? Что? Ради Бога, пиши, дуся, подробно. <...>» Ольга Леонардовна 1 марта писала Чехову, что в дороге читает рассказы «Ариадна» и другие. С ней ехала дама из Воронежа. Ей Ольга Леонардовна сказала, что вчера и сегодня чувствует какое-то нездоровье, сердцебиение, и та предположила, что актриса «в положении». «Я тоже подумала, но вряд ли... я думала, что отравилась. Посмотрим».

Гастроли в Петербурге продолжались больше месяца. Ольга Леонардовна подробно писала Чехову об успехе, какой в этот раз выпал на долю Художественного театра, о многочисленных знакомых Антона Павловича, с которыми она встречалась. Писала, что её игрой довольны зрители и газеты писали хорошие рецензии и хвалили её почти во всех ролях, которые ей довелось исполнить. В одном из ответных писем (от 17 марта 1902 года) Чехов написал: «<...> Я ничего не имею против того, чтобы ты была знаменитой и получала тысяч 25–40, только сначала постарайся насчет Памфила». Такое шутивное имя Антон Павлович придумал для желанного ребёнка. Ольга Леонардовна считала дни, когда закончатся гастроли, чтобы поскорее увидеться в Ялте с Антоном Павловичем. «Через 9 дней я выезжаю. Как я буду счастлива!» (от 27 марта 1902 г.).

На 6 апреля она заказала билет до Севастополя, но тут случилось непоправимое. 31 марта Ольга Леонардовна написала Чехову: «<...> Антончик мой! Со мной вышел казус <...> оказывается, я из Ялты уехала с надеждой подарить тебе Памфила, но не сознавала этого. Всё время мне было нехорошо <...> послали за докторами. А я начала пока догадываться, что это было, и обливалась горячими слезами – так мне жаль было неудавшегося Памфила. <...>

Вечером вчера увезли меня в Клинический повивальный институт <...> Отт меня оперировал <...>».

11 апреля Ольга Леонардовна уехала в Ялту. Она долго болела, и только 25 мая вместе с Чеховым отправилась в Москву. Сестре 3 июня 1902 года Антон Павлович сообщал: «<...> Ольге легче, но лежать ей придется еще немало. <...>» 5 июля они уезжают в Любимовку на дачу Станиславского. В середине августа Чехов вернулся в Ялту, продолжил работу над «Вишнёвым садом». Ольга Леонардовна сообщает ему, что в Москве её осматривал доктор Штраух и не поверил, что она так поправилась. «Он сказал, что могу жить и делать что хочу, но только не жить празднично <...> что я удивительно здоровая женщина. Ты доволен? Сына тебе хорошего подарю к будущему году».

Антон Павлович в Ялте опять тоскует без супруги: «<...> Без тебя мне неважно, можно даже сказать, плохо, но всё же приятно становится при мысли, что ты у меня есть. Без тебя я одичал бы и постарел, как репейник под забором <...>» (от 30 января 1903 г.).

О.Л.Книппер-Чехова. 1910-е гг.

А тем временем продолжалась работа над пьесой. Все подробности о ней Чехов неизменно сообщал жене. Антон Павлович долго не мог выбрать, какую роль предназначить Ольге Леонардовне. Сначала предполагал, что Книппер будет играть Варю. Затем, уже почти заканчивая работу, написал 29 сентября 1903 г.: «<...> Ах, если бы ты в моей пьесе играла гувернантку. Это лучшая роль, остальные же мне не нравятся <...>».

12 октября Чехов закончил работу над пьесой и через два дня сообщил супруге: «<...> Любовь Андреевну играть будешь ты, ибо больше никому. <...>»

Годы общения с Чеховым имели большое значение для духовного роста О.Л.Книппер, писатель помог формированию её артистической

личности. Она выросла в большого мастера сцены. «Ольга Леонардовна на высоте первой актрисы труппы, поздравляю во всех отношениях», – писал В.И.Немирович-Данченко А.П.Чехову после постановки «Вишнёвого сада», в которой Книппер с неизменным успехом исполнила роль Раневской.

Осенью 1903 года Чехов мечтает о поездке в Москву, хочет побывать на репетициях своей пьесы. «<...> Скорей, скорей вызывай меня к себе в Москву; здесь и ясно, и тепло, но я ведь уже развращен, этих прелестей оценить не могу по достоинству, – писал он жене 21 ноября 1903 года, – мне нужны московские слякоть и непогода; без театра и литературы уже не могу. И согласись, я ведь женат, хочется же мне с женой повидаться. <...>» И в другом письме (от 27 ноября) ей же говорит: «<...> Пора же вам, образованным людям, понять, что в Ялте я всегда чувствую себя несравненно хуже, чем в Москве. <...>»

Наконец, 4 декабря Чехов в Москве. Почти ежедневно бывает в Художественном театре на репетициях «Вишнёвого сада», а вечером на спектаклях. У него в гостях писатели Плещеев, Короленко и многие другие, а также его коллеги-однокурсники, врачи Коробов, Куркин, Россолимо. С Ольгой Леонардовной ездили в Царицыно, желая купить там дачу, чтобы следующее лето провести в Москве.

В Ялту Антон Павлович возвратился в середине февраля и уже через два дня, 20-го числа, писал жене: «<...> мне без тебя скучно, холодно, неинтересно <...>»

В этот приезд мы прожили с тобой необыкновенно, замечательно <...> Радость моя, спасибо тебе за то, что ты такая хорошая. <...>»

Ольга Леонардовна пишет Чехову, что старается найти дачу в Царицыне, где Антону Павловичу очень понравилось. А в одном из писем сообщила ему новость о Москвине: «Он теперь горд – у него сын. Когда же у нас с тобой родится?!»

Труппа Художественного театра на гастролях в Ялте

В ответном письме от 20 марта Чехов писал жене: «<...> Скажи Москвину, что я ему завидую; теперь бы за ребеночка я десять тысяч рублей дал. Мне очень скучно без живого утешения. Ну, даты постарайся, я на тебя надеюсь».

В конце марта Ольга Леонардовна уезжает в Петербург, где начинались гастроли театра. В письмах сообщает мужу: «...сыграли вчера "Вишневый сад" на ура. Успех в зале, в публике огромный, куда больше московского. Играли хорошо, легко, концертно. Что будет говорить пресса – не знаю, но вчера был чудесный спектакль. От пьесы, от исполнения все в восторге – общий голос. Все волнуются. Повторяю: успех шумный и серьезный. Я счастлива за тебя, дорогой мой».

Чехов сообщил Ольге Леонардовне, что получил две восторженные телеграммы от Немировича-Данченко: «Успех в смысле всеобщего восхищения огромный и больше чем на какой-нибудь из твоих пьес. <...> Очень звали автора. <...> Второе представление, как и первое, Ольга Леонардовна на высоте первой актрисы».

О большом успехе пьесы телеграфировал Чехову и Станиславский.

4 апреля Чехов писал Ольге Леонардовне: «<...> От Немировича получил 2 телеграммы, о ваших петербургских успехах и о том, что к тебе относится публика как к первоклассной артистке <...> Что ты у меня большая, настоящая актриса, я давно знаю, я тебя ценю высоко, дуся моя, только, пожалуйста, умоляю тебя, не простуживайся, не утомляйся и спи как следует. Дай мне слово, что будешь себя беречь. <...>»

30 апреля Ольга Леонардовна выехала из Петербурга в Москву, а Антон Павлович – 1 мая из Ялты. Чехов уехал уже больным, месяц в Москве пролежал в постели.

**А.П.Чехов и О.Л.Книппер-Чехова.
Любимовка, 1902 г.**

В одном из своих последних писем из Москвы доктору Л.В.Средину (от 22 мая) в Ялту он писал: «<...> Моя жена при больном муже – это золото, никогда еще не видел таких сиделок. Значит, хорошо, что я женился, очень хорошо, иначе не знаю, что бы я теперь и делал. <...>»

3 июня 1904 года, по предписанию доктора Таубе, лечившего Чехова в Москве, Антон Павлович вместе с женой выехал в Германию на курорт Баденвейлер. И там, в ночь на 2 июля, сердце Чехова остановилось. В телеграмме, посланной в Ялту, Ольга Леонардовна сообщила: «Антон тихо скончался от слабости сердца...»

После смерти Антона Павловича Ольга Леонардовна почти ежегодно приезжала в Ялту, последний раз она была здесь в 1953 году. После её кончины мне очень хотелось сохранить память об этой удивительной женщине в ялтинском доме. В 1967 году я выпросила у Л.К.Книппер все вещи Ольги Леонардовны, которые она берегла как память об Антоне Павловиче, – ведь всё это они покупали вместе для своей будущей московской квартиры.

Вся мебель теперь сохраняется на первом этаже ялтинского дома. Почти полностью ею обставлены комната Ольги Леонардовны и комната для родственников, а также частично столовая и комната для гостей. Кроме мебели, я привезла большое количество фотографий и портретов Чехова, Бунина, Л.Андреева, В.Гиляровского, а также Чехова, снятого вместе с Толстым, и многое-многое другое. В Ялту тогда пришёл большой железнодорожный контейнер с вещами из московской квартиры Ольги Леонардовны.

«Дорогая госпожа Храм-Книппер!»

О.Л.Книппер-Чехова. 1950-е гг.

Знаменитый английский режиссёр, фантаст и романтик Гордон Крэг называл Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову – Храм. Так и обращался к ней в письмах: «Дорогая госпожа Храм-Книппер!»

Об Ольге Леонардовне как актрисе написано много статей, воспоминаний, даны развёрнутые характеристики образов, созданных ею на сцене. Мне же хочется вспомнить о ней, а также привести воспоминания других людей, которые передают очарование внешнего облика Ольги Леонардовны как на сцене, так и в обычной жизни.

Вспоминает актриса МХАТ Софья Владимировна Гиацинтова.

«Был весенний день. Всё таяло. Москва была какая-то новая, веселая, и весенняя грязь, а главное, ручки по бокам тротуара были для детских ног неизъяснимо привлекательны.

Мальчишки пускали бумажные кораблики, и это поглощало мое детское внимание. Как вдруг над моим ухом, обращаясь к своей спутнице, моя мать сказала: "Вот идет Книппер, она теперь Книппер-Чехова". Я подняла глаза. По улице (это было на углу Б. Дмитровки и Охотного ряда) шла в чем-то светлом стройная женщина с двумя мужчинами. Оба они держали ее под руки. Все трое смеялись. Меня обдала волна духов, и они прошли мимо, – вернее, она "прошелестела". Теперь женщины так не шелестят. Мне запомнился ее остренький профиль и шляпа с перышками: она была похожа на какую-то радостную, беззаботную птичку.

Прошли годы, и я гимназисткой попала за кулисы Художественного театра. Шел "Вишневый сад". Было необычайно тихо, чисто, торжественно. За кулисами всё жило для сцены. Все готовились к чрезвычайно важному. <...> Открылись двери одной из гримировальных уборных. На фоне яркого света лампочек в белом капоте с кружевами появилась Книппер – Раневская. Близко-близко я увидела ее лицо, и опять меня охватила волна духов, шелеста, женственности.

Когда я потом смотрела "Месяц в деревне", повторяла мысленно, обращаясь к Книппер: "Ваши душистые платья" – это было впечатление не внешней, а какой-то внутренней благоуханности. Так дважды промелькнула она мимо меня, актриса-женщина. Может быть, самое для меня драгоценное ее качество и есть глубокая ее женственность. <...>

В те времена существовал особый тип, особый образ женщины-актрисы Художественного театра. Ольга Леонардовна могла служить эталоном этого типа актрисы. Что же было характерным, что отличало от других этих прелестных женщин? Слишком общим словом "интеллигентность" не объяснить их поведения. Необыкновенная скромность, сдержанность, образованность – всё вместе имело силу обаяния.

Когда через столько лет я вспоминаю свой приход в Художественный театр, мне начинает казаться, что это был поистине театральный рай. <...> У ведущих актеров, тогда уже знаменитых, было одно забытое сейчас правило – они несли в театр лучшее, что в них было. <...> Переступая порог театра, они умели

**О.Л.Книппер-Чехова
в своей московской квартире. 1900-е гг.**

О.Л.Книппер-Чехова. 1906–1907 гг.

отбросить обыденность, войти в него праздничными, готовыми к работе. И, вспоминая Ольгу Леонардовну, веселую, темпераментную, я вижу ее на репетиции в строгой готовности, подтянутую, уважительную даже к тому месту, где ведется репетиция. <...>

Мы, театральная молодежь, сидим сзади у стены на скамейках, тихие, как мыши. Тишина – не наше свойство, но мы уже умели войти в атмосферу работы. Собираются актеры за десять минут до прихода режиссера – таково было правило. Входит Ольга Леонардовна. Она в светло-серой блузке с высоким воротом, темная юбка плотно охватывает ее стройную, изящную фигуру. Волосы зачесаны наверх. Ее горячие, лукавые глаза серьезны. Она садится к столу. В ее позе, женственной и свободной, есть и та гордая скромность, которая была так привлекательна в актрисах Художественного театра. Чем они гордились? Своей профессией, своим театром, своими режиссерами. За эту гордую скромность они были уважаемы. Я не описываю вместо театра монастырь. Были и драмы, и увлечения, и жизненные катастрофы, но театр был над этим. И старшие требовали от младших такого же отношения к театру. Не только внешней дисциплины. Интеллигентные актеры Художественного театра жили широкими интересами, и от младших они ждали готовности воспринимать окружающий мир широко и по-своему. <...>

И я хочу поблагодарить чудесную актрису за радость, молодость, женственность, за первые мои встречи с ней, за благоуханный облик счастливой женщины, залитой весенним московским солнцем, и за нежную ее доброту к нам, театральным "неродившимся душам".

Ещё мне хочется вспомнить письмо «рядовой зрительницы», как она себя называет, для неё Ольга Леонардовна – «цветок неповторимый».

«27 октября 1948 г.

Глубокоуважаемая, необыкновенная, прекрасная и дорогая Ольга Леонардовна!

Мне очень давно хотелось написать Вам письмо, но не решалась это сделать. Но вот, в связи с юбилеем Художественного театра, а следовательно, и с Вашим юбилеем, я, наконец, обрела в себе смелость присоединить свой скромный голос к великолепному хору славословий в Вашу честь и в честь Художественного театра. Согласитесь, что надо иметь много мужества, чтобы осмелиться поздравить Вас с Вашим прекрасным юбилеем. Я не сомневаюсь, что мое письмо потонет в тысяче поздравлений, полученных Вами к этому дню, и ровно ничего Вам не скажет, кроме разве того, что это письмо – голос рядовой зрительницы, голос из толпы. Я буду бесконечно счастлива, если мое письмо доставит Вам хотя бы самый маленький кусочек радости.

Я знаю Вас давно, с 1903 года. Я видела Вас почти во всех ролях и, кроме того, встречала Вас на улице, на Петровке, у "Мюра", и всегда испытывала счастье, что вот увидела Ольгу Леонардовну в жизни. Через всю свою жизнь я пронесла трепетную любовь к артистке Книппер, жене Антона Павловича Чехова. Меня всегда поражала Ваша внешность, Ваш костюм, манера держаться, весь Ваш облик. Вообще тогда нас всех поражал вид артистов

Художественного театра, особый стиль интеллигентных, скромных, но значительных людей искусства, людей умственного труда, не похожих на артистов других театров. Мы все тогда, молодежь, любили Художественный театр трогательной нежной любовью, любили, как весну, как цветы, как первую любовь, как свою юность. Ведь это было такое необыкновенное явление, Художественный театр, другого такого не было!

Вам лично я хотела сказать, что я видела Вас почти во всех пьесах дореволюционного периода, и что никто не мог и не может сравниться с Вами и передать так, как передавали Вы, трагедию женской осени. Во всех своих ролях Вы были так обаятельно прекрасны, так много было в Вас женской чарующей змеиной прелести, что никто не мог устоять перед Вами, перед вашими чарами. Это было особый талант, талант притягательной женской силы, и этим талантом Вы владели в совершенстве. Ваша Елена Андреевна в "Дяде Ване" была именно такая женщина. Сила Вашего обаяния, таланта, Вашей игры таковы, что, помню, идя из театра, я ужасно досадовала на Вас за то, что Вы не поддались соблазну, не поехали в лесничество в духе Тургенева, не сошли с ума, не бросились очертя голову в объятия Астрова, как будто всё это было не в спектакле, а в настоящей жизни. Да и этим талантом, талантом настоящей жизни на сцене, Вы тоже владели в совершенстве. Вместе со Станиславским Вы умели заставить зрителя верить этому...

А Ваша Маша в "Трех сестрах"! Боже мой, прошло более 40 лет, как я видела Вас в этом спектакле, но у меня до сих пор перед глазами стоит Ваш образ, и я слышу Ваш смех, такой интимный и нервный, чуть слышный, и я чувствую всю Вашу радость, всё счастье вашей любви к Вершинину. Теспектакли, где Вашим партнером был Станиславский, можно было бы назвать поэмой, так всё в них было гармонично, естественно, правдиво и просто. Ваш дуэт со Станиславским в 1-м акте в "Месяце в деревне", где Вы сидите с рукодельем, а он читает Вам вслух, забыть нельзя. Вообще все Ваши роли, все женщины Ваши – "цветок неповторимый".

И сегодня, в день юбилея, мы были счастливы, услышав Ваш голос по радио в спектакле "Вишневый сад", в волнующей сцене ожидания судьбы вишневого сада. Мы плакали от Вашей игры и от всего того, что заключено в ней, плакали об ушедшей молодости и обо всем том, чего не выразить словами...

Слава Вам и многие лета, великолепная и единственная Ольга Леонардовна!

С глубоким уважением и любовью, Чебышева».

Под письмом только скромная подпись, нет имени-отчества, нет адреса.

Т.Л.Щепкина-Куперник однажды написала: «Если бы Книппер за всю свою деятельность сыграла только те пять ролей, которые она играла в чеховских пьесах, этого было бы довольно, чтобы признать ее талант и значение в истории не только Художественного театра, но и театрального искусства вообще».

Мне выпало большое счастье на протяжении почти 13 лет общаться с Ольгой Леонардовной – с осени 1946 года и практически до её последних дней. Встречи эти происходили в чеховском доме в Ялте, в Гурзуфе и в Москве.

О.Л.Книппер-Чехова в Гурзуфе

Когда я впервые увидела Ольгу Леонардовну, меня поразила какая-то удивительная её эlegantность. Это был первый послевоенный год, Ольга Леонардовна – высокая, похудевшая, скромно, но со вкусом одетая, хорошо причёсанная. Обычно она приезжала в Ялту к 15 июля (день памяти А.П.Чехова). В летние месяцы сюда съезжались артисты Художественного и других театров Москвы и Ленинграда, писатели, в доме звучали музыка, пение. Как интересно в эти вечера было наблюдать за Марией Павловной и Ольгой Леонардовной! Мне казалось, что в этот момент я переносилась в другой мир. Ольга Леонардовна читала рассказы Чехова, чаще других звучали «Дама с собачкой», «Злой мальчик», «Дом с мезонином». А как замечательно она читала Пушкина!

Тогда она много гуляла довольно далеко от чеховского дома, вверх по улице Кирова и по Музейной. Возвращалась всегда улыбающаяся, бодрая. На неё всегда было приятно смотреть. Мне трудно объяснить

словами, но от неё исходила какая-то лучезарность, при виде её хотелось улыбаться, вас охватывало чувство радости.

Мне также довелось много раз бывать у Ольги Леонардовны в Гурзуфе, где у неё гостили друзья, близкие знакомые. Это были неповторимые встречи!

Чаще всех и в Ялте, и в Гурзуфе бывал Иван Семёнович Козловский. Его приезды становились настоящим праздником. Мы приносили для него гитару, он играл и пел под звуки чеховского пианино в гостиной, где при жизни Чехова пел Шаляпин и играл Рахманинов.

Посчастливилось мне общаться с Ольгой Леонардовной не только в Крыму. С 1950 года мы встречались уже и в Москве. Особенно волнительными, радостными, тёплыми были встречи с ней после 1953 года, когда она уже не приезжала в Крым.

Ольга Леонардовна очень тосковала по Гурзуфу и по ялтинскому дому Антона Павловича, вспоминала каждое дерево в саду, посаженное его руками. Я всегда привозила ей огромные охапки зелени из чеховского сада: ветки магнолии, мушмулы, лавра, кипариса, кедра, бамбука и др. Ольга Леонардовна погружала лицо в эту зелень, долго сидела, вдыхая аромат

чеховского сада. А потом говорила, что запахи очень отчётливо и ярко дают возможность вспомнить те далекие годы, которые она проводила на юге вместе с Антоном Павловичем.

Мы часто катались с ней по Москве, она показывала те места и здания, где они бывали с Антоном Павловичем. Немало также говорила об искусстве и культуре вообще.

Однажды мы были в музее в Архангельском. Ольга Леонардовна привела меня по первым трём залам, показывая и объясняя картины и рассказывая подробности об их авторах. Потом оставила меня знакомиться с прочими залами, а сама вышла в парк – у неё была эмфизема лёгких, и иногда ей было трудно дышать. По дороге домой она опять рассказывала мне о художниках.

В Москве мне позволялось приходиться к Ольге Леонардовне без предварительного телефонного звонка, то есть в любое время, но я всегда заставала её нарядно одетой. Ещё удивляла одна деталь – у неё в квартире всегда были цветы, и их аромат смешивался с тонким запахом духов. Когда Художественный театр выезжал на гастроли во Францию, актёры привезли Ольге Леонардовне духи «Шанель» (ей всегда из разных стран привозили духи). Я не знаю, какие именно духи она любила, но это был особый тонкий аромат. Ольга Леонардовна дарила и мне духи, до сих пор у меня хранятся флакончики с остатками духов «Шанель № 5», венгерские «Опера» и другие.

В Москве при мне к Ольге Леонардовне приходили актрисы посоветоваться относительно платья, костюма, в каком лучше выступить на вечере или на каком-нибудь юбилее. С.С.Пилявская, очень близкий друг Ольги Леонардовны, обсуждала с ней и свои сценические костюмы. По этому поводу к ней также заходили А.О.Степанова, О.Н.Андровская и другие.

Мы часто и много говорили о театре. Ей нравилось, что я увлекаюсь театром, собираю фотографии артистов. Об этом она уже знала после наших встреч в Ялте, в доме Антона Павловича. И в мой первый приезд в Москву, в декабре 1950 года, Ольга Леонардовна постаралась, чтобы первые посещения Художественного театра стали для меня праздником. При мне она звонила в театр, чтобы узнать, какие спектакли идут в ближайшие дни. Я не придавала значения этому разговору, но запомнила её фразу: «Режиссёрские, только режиссёрские», – что это, я не понимала.

Моя спутница, которую я пригласила в театр, не знала, как ближе проехать к нему от её дома, в результате чего мы опоздали к началу. Однако в театре нас встретил сын Качалова В.В.Шверубович. Спектакль уже начался, Вадим Васильевич тихонько открыл дверь и посадил нас в последнем ряду амфитеатра. Я сидела и переживала, что привела знакомую на такие места. Давали «Последнюю жертву» А.Н.Островского. На сцене – А.К.Тарасова.

В первом антракте к нам пришёл Вадим Васильевич и проводил нас в партер да ещё угостил апельсинами. И вот мы сидим уже на своих местах. Вдруг спутница обращается ко мне, указывая на второй ярус справа, и спрашивает: «Это ваши знакомые?» Действительно, сидевшие там люди смотрели на нас. Впрочем, и слева сверху на нас тоже смотрели зрители. Секрет открылся в следующем антракте. Когда я встала, увидела на спинке

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

РАССКАЗЫ

1880—1882

Дорогой Влесе.

на добрую

память

твоего приезда

22 Ок. в Москве

1958

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЖУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1954

С. Г. Шиттер

А. Ханило

своего кресла медную табличку с надписью «К.С.Станиславский». Вот, оказывается, на чьём месте я сидела – «режиссёрское» место Станиславского! Потом, на другом спектакле, я сидела на месте В.И.Немировича-Данченко. Вот такой подарок сделала мне Ольга Леонардовна.

После двух пьес Островского я смотрела «Три сестры» с участием К.Н.Еланской, А.К.Тарасовой и А.О.Степановой в постановке В.И.Немировича-Данченко 1940 года. Я сидела в театре, и у меня текли слёзы, даже не ожидала от себя такой реакции – это было что-то необыкновенное!

Довелось мне посмотреть спектакли не только в Художественном театре, но и во многих других – Ольге Леонардовне было интересно моё мнение о театральных постановках.

Каждый вечер у О.Л.Книппер-Чеховой собирались артисты. Они приходили поздно, после окончания спектакля. Обязательно заходила Софья Станиславовна Пилявская,

очень часто бывали Вадим Васильевич Шверубович, Виталий Яковлевич Виленкин, Ангелина Осиповна Степанова, Ольга Николаевна Андровская и многие другие. Эти вечера у Ольги Леонардовны были зачастую интереснее, чем даже театральные спектакли. Артисты засиживались долго. А Ольга Леонардовна часто говорила: «Ко мне нельзя приходить в 12 часов дня – я ещё сплю, но можно приходить в 3 часа ночи – мы ещё не ложимся».

По приглашению Ольги Леонардовны я была на её 90-летнем юбилее в Художественном театре. Отмечали его не точно в день её рождения. Она родилась 9 сентября по старому стилю, по новому – 21 сентября. Но свой день рождения Ольга Леонардовна всегда отмечала 22 сентября (21 сентября – Рождение Богородицы). О.Л.Книппер-Чехова приняла православие в Ялте, и она считала неудобным отмечать свой день рождения 21 сентября. А юбилейные торжества проходили на месяц позднее, потому что в сентябре ещё не все актёры съезжались после летнего отдыха.

В этот день, 22 октября, А.Л.Иверов, заведующий медицинской частью МХАТ(а), попросил, чтобы я пришла к Ольге Леонардовне пораньше, пока она ещё была в постели, и постаралась её развлечь. Мы говорили об Антоне Павловиче, вспоминали Марию Павловну, Ялту, Гурзуф. И вдруг Ольга Леонардовна сказала, что в театре в последнее время её считают «гордячкой».

**В.В.Шверубович, О.Л.Книппер-Чехова,
В.Л.Ершов.
МХАТ, празднование 90-летия
О.Л.Книппер-Чеховой**

Я была удивлена и спросила, почему? Она объяснила, что, когда приезжает в театр, не каждому отвечает на приветствие, так как она временами плохо видит и слышит. «Но не могу же я им сказать, что я слепая и глухая! И хоть мне 90 лет, но ведь я – женщина!» В этих словах она вся, в течение всей своей долгой жизни – прекрасная женщина – Храм-Книппер!

В этот день я получила от неё бесценный подарок – автограф на первом томе собрания сочинений А.П.Чехова: «Дорогой Алле на добрую память твоего приезда в Москву. 22 окт. 1958 г. О.Книппер-Чехова».

Сохранилась фотография – Ольга Леонардовна в красивом нарядном платье на сцене театра в день 90-летия и рядом два «пажа»: Вадим Васильевич Шверубович и Владимир Львович Ершов. И во всей её фигуре, во всём облике – что-то царственное.

В первом отделении актриса принимала поздравления на сцене, а во втором находилась в директорской ложе, и её приветствовали театральные коллективы – Художественный театр, Большой и Малый театр, театр Советской Армии и многие другие. Но вот на сцену вышли представители драматического театра имени Станиславского – три актёра в костюмах «Федотика» из пьесы Чехова «Три сестры». Один из них, это был Евгений Урбанский, держал в руках юлу (по авторскому сценарию – волчок). Они, как и в пьесе Чехова, пришли в день именин поздравить Ирину, но тут стояли перед Ольгой Леонардовной, исполнявшей в «Трёх сестрах» роль Маши. Когда артисты завели на сцене юлу и она зазвучала, в театре установилась необычайная тишина – был слышен только звук юлы. Вдруг Ольга Леонардовна, неожиданно для всех очень отчётливо, своим неповторимым голосом, как Маша в чеховской пьесе, произнесла: «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том»...

Весь театр в едином порыве встал и долго аплодировал ей. Это было необыкновенно трогательно, у многих зрителей на глазах были слёзы.

На второй день, когда утром я пришла к Ольге Леонардовне, она ещё была в постели, а рядом на тумбочке лежала эта юла. И Ольга Леонардовна сказала: «Это было для меня самое трогательное поздравление».

Вот так судьбе оказалось угодно, чтобы актриса Книппер-Чехова произнесла свои последние слова в дорогом для неё театре – слова из любимой пьесы Чехова «Три сестры».

Долгие годы юла находилась в Москве, в комнате Ольги Леонардовны, а в 1967 году я привезла её в Ялту. Сейчас она хранится у нас в музее.

Юбилейные празднества 1958 года – почти последние дни нашего общения с Ольгой Леонардовной. Через несколько дней я уехала. А через пять месяцев, 22 марта 1959 года, актрисы не стало. Я приезжала проводить Ольгу Леонардовну в последний путь и, как всегда, привезла охапку ялтинской зелени – ведь она так любила чеховский сад!..

Встречи А.П.Чехова с Л.Н.Толстым и М.Горьким в Ялте

Лев Николаевич Толстой об Антоне Павловиче Чехове:

«<...> Чехов, видите ли, это был несравненный художник... Да, да... Именно несравненный... Художник жизни... И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное... <...>

Он был искренним, а это великое достоинство, он писал о том, что видел и как видел...

И благодаря искренности его, он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде! Его язык – это необычный язык. <...>

Я повторяю, что новые формы создал Чехов и, отбрасывая всякую ложную скромность, утверждаю, что по технике он, Чехов, гораздо выше меня!.. Это единственный в своем роде писатель... <...>

Я хочу вам сказать еще, что в Чехове есть еще большой признак: он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать, – я это знаю по собственному опыту... <...>

Одно могу сказать вам: смерть Чехова – это большая потеря для нас, тем более что, кроме несравненного художника, мы лишились в нем прелестного, искреннего и честного человека... Это был обаятельный человек, скромный, милый...» («Русь», 1904, № 212, 15 июля).

А.П.Чехов и Л.Н.Толстой

**А.П.Чехов и Л.Н.Толстой в Ялте.
Фотография П.А.Сергеенко. 1901 г.**

«...Ни к кому из современных писателей Толстой не относился с такой симпатией, как к Чехову, – вспоминал П.А.Сергеенко. – Даже когда Л.Н. только заговаривал о Чехове, то у него лицо принимало особенный теплый отсвет» (П.А.Сергеенко. Толстой и его современники. М., 1911, с. 225).

Самую высокую оценку творчеству А.П.Чехова дал именно Л.Н.Толстой, сказав: «Чехов – это Пушкин в прозе!»

М.Горький писал: «Как стилист, Чехов недостижим, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов».

Ещё в своих воспоминаниях о Чехове Горький отмечал:

«Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как А.П. Это выражалось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накапливать их, не устает любоваться ими как продуктом творчества дела человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники! В хлопотах о постройке дома в Аутке он говорил:

– Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша!»

И далее: «О Толстом он (А.П.Чехов. – А.Х.) говорил всегда с какой-то особенной, едва уловимой, нежной и смущенной улыбочкой в глазах, говорил, понижая голос, как о чем-то призрачном, таинственном, что требует слов осторожных, мягких».

О смерти писателя Горький пишет: «Смерть Чехова очень подавила и огорчила меня. Кажется, что я еще никогда не чувствовал ни одной смерти так глубоко, как чувствую эту. Жалко, обидно, тяжело. Я давно был уверен в том, что А.П. – не жилец на этом свете, и не ожидал, что его смерть так тяжело ляжет на душу. Жалко и литературу нашу, она лишилась первоклассного художника и вдумчивого писателя, который еще мог бы много раз ударить по сердцам».

В своих воспоминаниях Горький приводит и слова Л.Н.Толстого о Чехове: «У французов три писателя: Стендаль, Бальзак, Флобер, ну, еще – Мопассан, но Чехов – лучше его».

М.Горький.
Фотография из кабинета А.П.Чехова

Антон Павлович Чехов о Льве Николаевиче Толстом:

«<... > Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются. В-третьих, Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шаршавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушное стадо или каша, в которой трудно было бы разобраться. <... >» (из письма А.П.Чехова М.О.Меньшикову от 28 января 1900 г.).

6 ноября 1901 года Антон Павлович пишет Ольге Леонардовне:

«Ну-с, радость моя, вчера я был у Толстого. Застал его в постели. Ушибся немного и теперь лежит. Здоровье его лучше, чем было, но всё же это лишь

теплые дни в конце октября, а зима тем не менее близко, близко! Он, по-видимому, был рад моему приезду. И я почему-то в этот раз был особенно рад его видеть. Выражение у него приятное, доброе, хотя и стариковское, или вернее – старческое, слушает он с удовольствием и говорит охотно. Крым всё еще нравится ему. <...>»

11 ноября 1901 года Чехов снова пишет жене из Ялты:

«<...> С.А.Толстая сняла Толстого и меня на одной карточке; я выпрошу у нее и пришлю тебе, а ты никому не давай переснимать, Боже сохрани. <...>»

В письме к жене от 17 ноября этого же года Чехов снова говорит о Толстом: «Милая моя супружница, слухи о Толстом, дошедшие до вас, насчет его болезни и даже смерти ни на чем не основаны. В его здоровье особенных перемен нет и не было, а до смерти, по-видимому, еще далеко. Он, правда, слаб, на вид хил, но нет ни одного симптома, который угрожал бы, ни одного кроме старости... Ты ничему не верь. Если, не дай Бог, случится что, то я извещу тебя телеграммой. Назову его в телеграмме "дедушкой", иначе, пожалуй, не дойдет.

А<лексей> М<аксимович> здесь, здоров. Ночует он у меня, и у меня прописан. Сегодня был становой. <...>

А<лексей> М<аксимович> не изменился, всё такой же порядочный, и интеллигентный, и добрый. Одно только в нем, или, вернее, на нем, нескладно – это его рубаха. Не могу к ней привыкнуть, как к камергерскому мундиру. <...>»

А.П.Чехов и М.Горький в саду ялтинского дома. 1900 г.

22 ноября 1901 года А.П.Чехов снова пишет О.Л.Книппер-Чеховой: «Я послал тебе как-то открытое письмо с изображением Толстого. Получила? Толстой здоров, температура у него нормальная, и пока нет ничего такого, что особенно бы пугало, кроме старости, конечно. <...>

Я послал тебе фотографию – разве не получила? (Речь идёт о фотографии Чехова и Толстого в Гаспре, сделанной С.А.Толстой 5.11.1901. – А.Х.)».

25 ноября 1901 года А.П.Чехов пишет О.Л.Книппер-Чеховой: «<...> Значит, моя фотография дошла к тебе благополучно, не погнулась? Береги ее, она unique. После моей и твоей смерти ее надо будет отослать в Таганрогскую городскую библиотеку, где имеется мой архив. <...>»

Долгие годы (с ноября 1901-го) эта фотография находилась у Ольги Леонардовны в её московской квартире.

А.П.Чехов, М.Горький, Л.Н.Толстой

8 января 1900 года, когда А.П.Чехов был в Ялте, его избрали в почётные академики Императорской Академии наук по разряду изящной словесности.

28 января А.П.Чехов пишет из Ялты М.О.Меньшикову:

«<...> Званию академика рад <...> Но еще более буду рад, когда утворю это звание после какого-нибудь недоразумения. А недоразумение произойдет непременно, так как ученые академики очень боятся, что мы будем их шокировать. Толстого выбрали скрепя сердце. Он, по-тамошнему, нигилист. Так по крайней мере назвала его одна дама, действительная тайная советница, – с чем от души его поздравляю. <...>»

Как и предполагал Антон Павлович, он «утерял это звание», но по собственному заявлению, совместно с В.Г.Короленко в связи тем, что М.Горький не был избран в почётные академики. Письмо своё Чехов первоначально адресовал президенту Академии наук великому князю К.К.Романову. Однако послал письмо Чехов на имя А.Н.Веселовского, председателя II отделения Академии наук.

А.Н.Веселовскому, 25 августа 1902 г., Ялта:

«Милостивый государь
Александр Николаевич!

В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А.М. Пешкова в почетные академики. А.М.Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его. Затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что ввиду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст. выборы признаются недействительными. При этом было точно указано, что извещение исхо-

дит от Академии наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение исходило и от меня. Я поздравлял сердечно и я же признавал выборы недействительными – такое противоречие не укладывалось в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог. Знакомство же с 1035 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, почтительнейше просить Вас ходатайствовать о сложении с меня звания почетного академика.

С чувством глубокого уважения имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою.

Антон Чехов».

После смерти Марии Павловны в Ялте в музее открыли комнаты первого этажа: столовую, комнату Ольги Леонардовны, комнату родственников и комнату для гостей. И фотографий и вещей было немного, так как за годы Гражданской и Великой Отечественной войн на первом этаже мало что сохранилось.

Ольга Леонардовна умерла 22 марта 1959 года. В её квартире оставалась жить и хранить все вещи её приятельница София Ивановна Бакланова. Я боялась, что самые ценные фотографии уйдут или в музей МХАТа, или в Московский музей Чехова на Садово-Кудринской. София Ивановна очень волновалась о судьбе этой квартиры. Я ежегодно с 1950 года все свои отпуска проводила в Москве и обещала Софии Ивановне, что буду стараться, чтобы пока не разоряли комнату Ольги Леонардовны. Её наследником был её племянник Лев Константинович – известный композитор, я с ним была очень дружна и, воспользовавшись этим, выпросила у него (и мою просьбу поддержала София Ивановна) фотографию Чехова и Толстого, сделанную в Гаспре в 1901 году. Это было в 1962 году. Я позволила себе не выполнить желание А.П.Чехова отослать её в Таганрог. Ведь когда Чехов писал об этом, ялтинский дом не был музеем – в нём жила Мария Павловна и мать Евгения Яковлевна. Я аргументировала это тем, что Антон Павлович послал Ольге Леонардовне эту фотографию из ялтинского дома, и она должна сюда вернуться. Думаю, что Антон Павлович, Мария Павловна и Ольга Леонардовна остались бы довольны этим решением. В комнате для гостей с 1962 года и по сей день находится эта уникальная фотография.

Позже, после смерти Софии Ивановны Баклановой в 1967 году, я выпросила у Льва Константиновича всю обстановку московской квартиры Ольги Леонардовны, которую они вместе с Антоном Павловичем покупали. Это дало возможность обставить весь первый этаж подлинными вещами, нисколько не нарушив мемориальности Дома-музея А.П.Чехова в Ялте.

По разработанному мною плану был восстановлен весь первый этаж ялтинского дома. В Ялту из Москвы пришёл железнодорожный контейнер, в котором была не только мебель, но и книги, другие предметы и большое количество фотографий, среди них подлинная фотография Бунина с автографом Ольге Леонардовне, фотография Леонида Андреева, фотография Гиляровского с надписью «Милый Антон, чаще поглядывай и будь здоров, как я сам» и многое, многое другое, в общей сложности более полутора тысяч экспонатов.

Чехов в Севастополе и в Балаклаве

Летом 1888 года, когда А.П.Чехов жил в Сумах, на берегу реки Псёл, он получил приглашение от издателя А.С.Суворина провести несколько дней у него на даче в Феодосии.

10 июля писатель отправился поездом в Крым до Севастополя, откуда уже морем должен был отплыть в Феодосию. В письме от 14 июля Чехов сестре Марии Павловне писал подробно об этой поездке: «<...> Дорога от Сум до Харькова прескучнейшая, от Харькова до Лозовой и от Лозовой до Симферополя можно околеть с тоски. Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, бесколоритна <...> и в общем похожа на тундру. <...>» А дальше уже следует восторженное описание: «<...> От Симферополя начинаются горы, а вместе с ними и красота. Ямы, горы, ямы, горы, из ям торчат тополи, на горах темнеют виноградники – всё это залито лунным светом, дико, ново и настраивает фантазию на мотив гоголевской "Страшной мести". Особенно фантастично чередование пропастей и туннелей, когда видишь то пропасти, полные лунного света, то беспросветную, нехорошую тьму... Немножко жутко и приятно. Чувствуется что-то нерусское и чужое. <...>»

Первый город на его пути был Севастополь, который сразу же поразил Чехова: «В Севастополь я приехал ночью. Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря. Самое лучшее уморя – это его цвет, а цвет описать нельзя. Похоже на синий купорос. Что касается пароходов и кораблей, бухты и пристаней, то прежде всего бросается в глаза бедность русского человека. <...> Ночевал в гостинице с полтавским помещиком Кривобоком <...>».

Пужинали разварной кефалью и цыплятами, натрескались вина и легли спать. Утром – скука смертная. Жарко, пыль <...> Садиться на пароход и трогаться с якоря интересно, плыть же и беседовать с публикой <...> скучновато. <...>» (из письма к сестре от 14 июля).

Море до того очаровало Чехова, что о нём во многих письмах из Крыма звучат только восторженные отзывы. Письмо из Феодосии 14 июля: «<...> Всё выжжено солнцем, и улыбается одно только море <...> Купанье до того хорошо, что я, окунувшись, стал смеяться без всякой причины. <...>»

Через несколько дней, 18 июля, Чехов писал И.Л.Леонтьеву (Щеглову): «<...> Море чудесное, синее и нежное, как волосы невинной девушки. На берегу его можно жить 1000 лет и не соскучиться. <...>»

Севастополь. Железнодорожный вокзал

Все последующие приезды в Крым начинались с Севастополя, здесь Чехов в разное время останавливался в гостиницах «Витцель» и «Кист».

Второй раз писатель побывал в Севастополе летом 1889 года во время своей поездки из Одессы в Ялту. В письме к сестре от 18 июля из Ялты он писал: «<...> Живу я на очень приличной даче <...>. Море в двух шагах. <...>

Купанье великолепное.

Когда я ехал из Севастополя в Ялту, была качка. Дамы и мужчины рвали. Меня мучило, но только слегка; я имел дерзость даже обедать, хотя во всё время обеда боялся, что вырву в тарелку своей соседки, дочери одесского градоначальника. <...>» И в этом же письме: «<...> Во время бури у берега камни и камешки с треском, толкая друг дружку, катаются то сюда, то туда <...>». Ялта не понравилась Чехову, его влекло только море: «<...> Хороши здесь только море да лошади-иноходцы. <...>» (из письма А.Н.Плещеву от 3 августа 1889 г.).

Севастополь и море произвели на Чехова неизгладимое впечатление. Летом 1893 года в Мелихове писатель работает над рассказом «Чёрный монах», и своих персонажей этого произведения он отправляет в Севастополь. В рассказе читаем: «<...> Они приехали в Севастополь вечером и остановились в гостинице <...> была тихая теплая погода, и пахло морем. Чудесная бухта отражала в себе луну и огни и имела цвет, которому трудно подобрать название. Это было нежное и мягкое сочетание синего с зеленым; местами вода походила цветом на синий купорос, а местами, казалось, лунный свет сгустился и вместо воды наполнял бухту, а в общем какое согласие цветов, какое мирное, покойное и высокое настроение! <...>»

4 марта 1894 года Чехов снова проездом в Севастополе, едет в Ялту по рекомендации врачей. В письме двоюродному брату Георгию Митрофа-

**Севастополь. Графская пристань и гостиница «Кисть».
Открытие начала XX в.**

новичу 6 числа писал: «<...> Сейчас отошел в Севастополь пароход "Ольга". Я плыл сюда на "Цесаревне", в туман, так что ничего не было видно, и свисток работал почти не переставая. К счастью, во время своего путешествия из Сахалина я достаточно привык и к туманам и к свежим ветрам и потому смотрю теперь на Черное море свысока и во время качки обедаю ничтоже сумняся. <...>» В конце марта, 27-го числа, сообщал сестре: «Так как мне здесь (в Ялте. – А.Х.) скучно, то приеду домой, вероятно, раньше, чем в пятницу на Страстной.

5-го апреля я выеду отсюда в имение Кузнецова "Форос", оттуда в Георгиевский монастырь дня на два, а оттуда домой. <...>» И в конце письма: «<...> Море прекрасно. Прекрасны пароходы. Но публика некультурная, нудная. <...>»

Выехал Антон Павлович из Ялты раньше, чем предполагал. В Георгиевский монастырь не заезжал, спешил домой, чтобы пасхальные праздники провести вместе с семьёй. Но желание побывать в Георгиевском монастыре не оставляло Чехова. И осуществить его он смог только через четыре года. В сентябре 1898-го он едет в Ялту с намерением провести здесь зиму. 17 сентября Чехов в Севастополе, здесь встретился и познакомился с врачом белостокского полка Д.С.Малышевым, вместе с ним совершил поездку в Георгиевский монастырь. Ночевал в Севастополе в гостинице «Витцель». О поездке в монастырь писал сестре 23 сентября: «<...> В Севастополе в лунную ночь я ездил в Георгиевский монастырь и смотрел вниз с горы на море; а на горе кладбище с белыми крестами. Было фантастично. И около келий глухо

рыдала какая-то женщина, пришедшая на свидание, и говорила монаху умоляющим голосом: "Если ты меня любишь, то уйди". <...>»

В 1899 году Чехов был дважды в Севастополе: проездом из Ялты в Москву 10 апреля и 27 августа по возвращении в Ялту.

Весной 1900 года на гастроли в Крым приехал Московский Художественный театр. Первые спектакли проходили в Севастополе. 10 апреля утром Чехов выехал туда из Ялты для встречи с артистами, и свою пьесу «Дядя Ваня» он впервые увидел в тот же вечер на сцене Севастопольского театра. Это был первый спектакль Московского Художественного театра в Севастополе – «Дядя Ваня» – в присутствии автора.

Прожил Чехов в Севастополе три дня, в гостинице «Витцель», в № 50, на Екатерининской улице. 11 числа осматривал в Севастополе Херсонесский музей и развалины Херсонеса. Днём встречался с писателем Борисом Лазаревским. В гостинице у Чехова был местный журналист Гольденвейзер. Вечером в театре смотрел пьесу Г. Гауптмана «Одинокие», которая писателю очень понравилась, 12 апреля – пьесу Г. Ибсена «Гедда Габлер». На следующий день Чехов уехал в Ялту.

В июле и в начале августа 1900 года Ольга Леонардовна Книппер по приглашению Чехова гостит в его доме в Ялте. 5 августа она уезжает из Ялты. Антон Павлович провожает её до Севастополя. Проводив, остаётся в Севастополе, ночует в гостинице «Кист», на второй день, 6-го числа, уезжает в Балаклаву и там ночует. В письме от 9 августа Ольге Леонардовне Чехов сообщал: «<...> Проводив тебя, я поехал в гостиницу Киста, там ночевал; на другой день, от скуки и от нечего делать, поехал в Балаклаву. Там всё прятался от барынь, узнавших меня и желавших устроить мне овацию, там ночевал и утром выехал в Ялту на "Тавеле". Качало чертовски. <...>»

1901-й год. 20 августа Чехов проводил Ольгу Леонардовну, уже свою жену (они обвенчались в Москве 25 мая), в Севастополь. Ночевал в гостинице «Кист». 21-го из Севастополя пишет жене: «Милая моя, дуся, жена моя хорошая, я только что поднялся с постели, пил кофе и с некоторой тревогой прислушиваюсь к шуму ветра. Пожалуй, будет изрядная качка. <...>» В Севастополе Чехов встречается с Б. Лазаревским. По приезде в Ялту пишет Ольге Леонардовне: «Жена моя чудесная, друг мой милый, вчера я приехал опять в Ялту. В Севастополе спалось хорошо, утром был сильный ветер, ожидал я качки, но в море не качало, всё обошлось весьма благополучно. <...>» (от 23 августа).

15 сентября Чехов снова в Севастополе, опять встречается с писателем Лазаревским и в тот же день уезжает в Москву. Возвращается в Ялту 28 сентября, из Севастополя пишет жене: «На море сильнейший шторм; говорят, что пароходы проходят мимо Ялты. Еду на почтовых. Холодно. <...>» (от 28 октября)».

1902-й год. Чехов в Севастополе 2 мая, возвращается 16 августа.

1903-й год. Чехов в Севастополе 2 декабря, едет в Москву, возвращается 17 февраля, до Ялты едет из Севастополя на пароходе.

1904-й год. 1 мая Чехов последний раз в Севастополе, проездом в Москву. 2 июля 1904 года писателя не стало.

Мария Павловна Чехова — основатель первого мемориального музея А.П.Чехова

Всю свою жизнь Мария Павловна посвятила брату. Неразрывная, крепкая дружба с юных лет связывала её с Антоном Павловичем. Мария Павловна рано поняла, каким большим талантом обладает её брат, и старалась окружить его теплом и заботой, создать благоприятную обстановку для его занятий литературой, медициной, общественной деятельностью. Она взяла на себя все хозяйственные дела, постоянно помогала брату в обслуживании больных крестьян в Мелихове, в строительстве школ для крестьянских детей, в оказании помощи туберкулёзным больным, приезжавшим в Ялту для лечения.

«<...> Марья Павловна у нас главная <...>, – писал Чехов. – Я полагаюсь во всем на нее <...>» (из письма А.И.Смагину от 21 ноября 1891 г.).

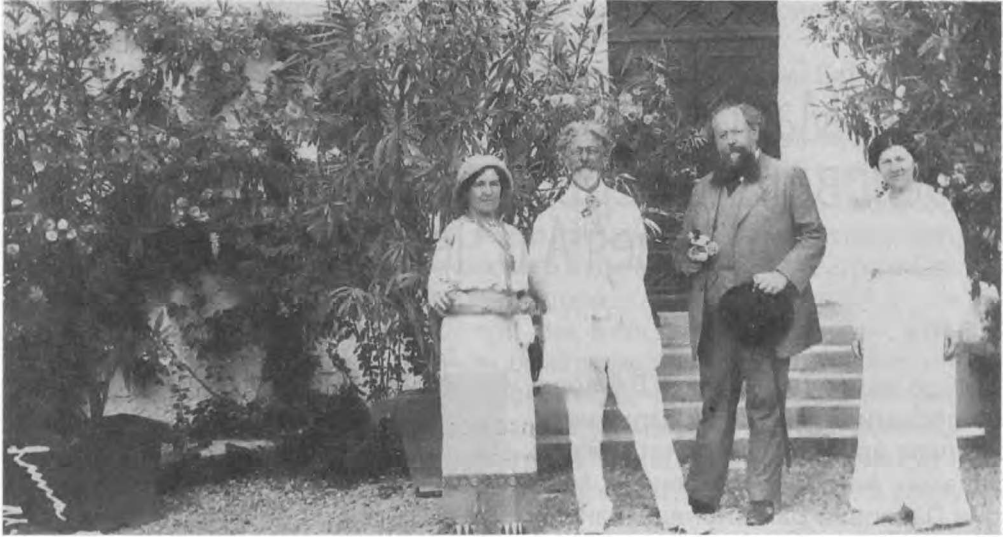
Душевная чуткость, одарённость натуры, необыкновенное трудолюбие характеризуют Марию Павловну. Окончив в 1886 году Высшие женские курсы Герье, она стала учительницей истории и географии в одной из московских женских гимназий.

Восемнадцатилетняя педагогическая деятельность Марии Павловны была отмечена серебряной и золотой медалями, и она была избрана действительным членом педагогического общества при Императорском Московском университете.

Много и серьёзно Мария Павловна занималась искусством, посещала вечерние классы Строгановского училища. Занималась живописью под

М.П.Чехова

О.Л.Книппер-Чехова, И.П.Чехов, гость музея, М.П.Чехова. 1914 г.

руководством К.Коровина и В.Серова. Но отдаться полностью живописи не могла: иные цели, связанные с жизнью и работой брата, стояли перед ней.

После смерти А.П.Чехова она приложила все силы для увековечивания его памяти.

По своему завещанию ялтинский дом писатель оставил сестре. Марии Павловне хотелось, чтобы в доме, как и прежде, всё напоминало о брате, и она решила ничего не менять в комнатах Антона Павловича; каждая вещь оставалась на прежнем месте и как бы говорила о незримом присутствии самого писателя.

Чехов умер в Германии, на курорте в Баденвейлере, 2 июля 1904 года, а на второй день в Ялте были развешены отпечатанные в типографии объявления, сообщавшие: «Сегодня, в субботу, 3 июля 1904 года, в 8 часов вечера в церкви Св. Феодора Тирона в верхней Аутке будет отслужена панихида по скончавшемуся писателе Антоне Павловиче Чехове».

Церковь не могла вместить всех пришедших на панихиду, здесь были и ялтинские жители, и много приезжих. После окончания панихиды вся эта огромная масса людей отправилась к дому Антона Павловича, чтобы поклониться его последнему жилищу. И с того самого дня ежедневно к дому писателя приходило большое количество людей. Приезжавшие в Ялту после смерти писателя его друзья и знакомые продолжали навещать дачу. Приходили на окраину Ялты, чтобы посмотреть дом, в котором жил последние годы писатель, и те, кто не был знаком с Чеховым: артисты, художники, учителя, студенты и просто поклонники его таланта.

Такие посещения почитателей Чехова были ещё при жизни Антона Павловича.

Так, 27 мая 1904 года Мария Павловна писала из Ялты брату в Москву: «Сегодня приходили два студента и курсистка и просили позволения осмотреть сад и дом твой. Сад я показала и наделила их розами, но в дом не пустила. Они с благоговением ходили по дорожкам, и курсистка целовала розы. Было странно и мило».

Ведь это фактически была первая экскурсия, которую провела Мария Павловна, – потом их уже будет тысячи!

Мария Павловна понимала и чувствовала, что память об Антоне Павловиче дорога не только ей, но и многим-многим другим. Поэтому она решила сохранить дом как музей.

Через год после смерти писателя – опять паломничество в храм Феодора Тирона и к дому Антона Павловича. Об этом 8 июля 1905 года Мария Павловна сообщает в письме Ольге Леонардовне: «Печаль наша не проходит. Чем дальше, всё как будто хуже. <...> Отслужили обедню и панихиду в греческой церкви. Было очень симпатично. Неожиданно для нас пел хор любителей, народу было много, всё больше молодежь. Были Средины с Зинаидой Сергеевной. Многие плакали, мамашу еле доволокли до дому. Батюшка сказал милую речь. Вообще было очень трогательно». Долгие годы, пока здесь был отец Василий Феодори, с которым А.П.Чехов много общался, в день кончины Антона Павловича он ежегодно служил панихиду.

Постоянно приезжают в ялтинский дом друга Чехова, чтобы навестить Марию Павловну и, как прежде, побывать в доме Антона Павловича.

4 мая 1906 года Мария Павловна пишет Ольге Леонардовне: «<...> скоро приезжает Бунин. <...> Был Куприн, я с ним очень подружилась <...>»

10 мая 1906 года: «Говорят, приехал Куприн – жду его, живет в Алупке».

30 апреля 1908 года: «<...> Был у меня Андреев с женой. Более очаровательной женщины я никогда не видела <...> Если нехорошо говорят про нее женщины, – значит, они завидуют ее красоте, если мужчины, – значит, они жалеют, что она не принадлежит им. Я любовалась, глядя на нее. Сам был очень мил. О тебе он говорил с нежностью».

16 апреля 1908 года: «Дня три тому назад приезжали на автомобиле Корвин и Надина Комаровская, переночевали у меня одну ночь и уехали обратно в Воронеж, где она играет. Вчера посетили меня пять знаменитых писателей: Арцыбашев, Башкин, Муйжель, Найденов с женой и Белоусов, обедали».

А уже 24 августа 1904 года Мария Павловна отмечала в письме к Ольге Леонардовне, что «народ у нас бывает часто» – это идёт речь о тех людях,

М.П.Чехова. 1950-е гг.

**М.П. Чехова, О.Л.Книппер-Чехова, А.В.Ханило
в группе сотрудников дома-музея**

которые не были знакомы ни с Антоном Павловичем, ни с Марией Павловной – они просто приходили к дому поклониться памяти великого писателя. Так что дом Антона Павловича уже с 1904 года становится практически музеем, и хочется вспомнить слова Пушкина: «К нему не зарастет народная тропа».

Многие из приходивших к дому просили показать кабинет писателя. В основном это были учителя, врачи, студенты, и Мария Павловна по их просьбе показывала кабинет и сад и рассказывала о Чехове. Именно эти люди натолкнули Марию Павловну на мысль о создании музея.

В 1909 году Мария Павловна ведёт переписку с писателем П.А.Сергеенко (это он помогал А.П.Чехову в деле о продаже права на издание своих сочинений издателю А.Ф.Марксу) о создании музея в доме Чехова в Ялте.

30 апреля 1909 года П.А.Сергеенко отвечал на письмо Марии Павловне: «В этом деле, которое мы собираемся осуществить, не должно быть ни одной пылинки, которая могла бы упасть на светлую память Антона Павловича. <...> Но прошу Вас известить меня об одном обстоятельстве, в котором я не вполне уверен: ведь вопрос об устройстве музея и т. д. может решаться после смерти матери или сегодня-завтра и т. д.? Еще один вопрос: можно ли это дело сделать достоянием печати, и как к этому отнесутся Александр, Михаил и др. (братья Чехова. – А.Х.)? Пожалуйста, напишите мне подробно всё. Тут не излишни никакие предосторожности».

**М.П.Чехова, О.Л.Книппер-Чехова, А.В.Ханило
в группе сотрудников дома-музея**

5 мая 1909 года М.П.Чехова писала П.А.Сергеенко: «Вопрос о музее и т. д., многоуважаемый Петр Алексеевич, может быть решен теперь же. Но если бы можно было не изменять жизни матери, то я была бы бесконечно благодарна. Я думаю, что дело не сделается так скоро, и о матери пока говорить не будем. В крайнем же случае ее можно убедить в необходимости этого обстоятельства.

Этот дом – моя полнейшая собственность, и потому могу решать об этом только я одна.

Печать тоже можно, но осторожно – не назойливо».

Пока решались эти вопросы, почитатели продолжали идти в дом любимого писателя. Появилась даже книга для записей впечатлений. Первая запись относится к 1911 году. Она сделана артисткой Александрийского театра М.Г.Савиной, игравшей в пьесах Чехова: «Поклонилась уголочку незабвенного Антона Павловича. М.Савина, Ялта, 3 июня 1911».

Мария Павловна не только сохраняла дом писателя, она разобрала его архив и рукописи, подготовила к публикации ряд ценнейших материалов. Под её редакцией в 1914 году вышел сборник «Слово», где были напечатаны неизданные драматические и беллетристические произведения, отрывки, заметки, публицистические статьи А.П.Чехова, а также письма к нему Д.В.Григоровича, Н.К.Михайловского, А.Н.Плещеева и др.

Огромную работу проделала Мария Павловна по сбору, систематизации и комментированию писем Антона Павловича к его многочисленным адреса-

там. Работа эта заняла много времени, и в результате в 1912–1916 годах были опубликованы шесть томов писем А.П.Чехова под её редакцией. Письма были иллюстрированы материалами, бережно хранившимися у Марии Павловны. До выхода в свет Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова в 20-ти томах (1944–1951) это издание было наиболее полным собранием чеховских писем и долгие годы являлось настольной книгой многих исследователей жизни и творчества Чехова. Деньги, полученные за это издание, также пошли на содержание дома.

Очень тяжёлыми для Марии Павловны были годы Гражданской войны. Советская власть в Крыму установилась только в конце 1920 года. Но уже в 1918 году Народный комиссариат просвещения выделяет денежные средства и посылает их в Ялту с братом писателя Иваном Павловичем Чеховым для поддержания матери и сестры А.П.Чехова.

4 мая 1919 года Симферопольский военно-революционный комитет решил: «Объявить дом Антона Павловича Чехова в Ялте национальным достоянием. Назначить Марию Павловну Чехову пожизненной хранительницей дома Чехова, выдав ей авансом в счет жалования две тысячи рублей».

И наконец после окончательного утверждения в Крыму советской власти Ялтинский уездно-городской революционный комитет 27 марта 1921 года постановил: «Ввиду исключительного внимания российского пролетариата к трудам и литературным заслугам умершего писателя Антона Павловича Чехова, дачу его в Ялте по Аутской улице взять под свое наблюдение в целях полной сохранности и неприкосновенности внутреннего размещения обстановки, в которой писатель провел свои последние годы».

9 апреля 1921 года музею была выдана «Охранная грамота». Наблюдение «за сохранностью внутреннего распорядка» поручалось Марии Павловне. В 1926 году дом-музей по постановлению Малого Совнаркома перешёл в ведение Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В.И.Ленина.

Весь литературный архив писателя Мария Павловна передала в Государственную библиотеку. Рукописи произведений Чехова, его обширная переписка с современниками, различные документы были предоставлены учёным – литературоведам, историкам, издательским работникам.

Осенью 1927 года в результате землетрясения сильно пострадало здание дома. Правительство выделило необходимую сумму денег для ремонта. Марии Павловне пришлось приложить немало усилий, чтобы полностью ликвидировать последствия землетрясения. И снова – поток посетителей, встречи и беседы с ними.

В годы Великой Отечественной войны Мария Павловна, оставшись на временно оккупированной территории, проявила большое мужество и самообладание, чтобы сохранить для народа замечательный памятник русской культуры.

16 апреля 1944 года – долгожданный день освобождения. Первые посетители, снимок во фронтовой газете: солдаты и офицеры Красной Армии с винтовками и автоматами в кабинете писателя. И опять ожил дом.

Советское правительство высоко оценило заслуги Марии Павловны перед народом. 14 июля 1944 года за 40-летнюю работу по хранению, изучению

и распространению литературного наследия великого русского писателя А.П.Чехова, она была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Много и плодотворно работала Мария Павловна в последние годы своей жизни. Она приняла активное участие в издании 20-томного Полного собрания сочинений и писем А.П.Чехова. Ею были подготовлены две книги – «Письма к брату А.П.Чехову» и воспоминания «Из далекого прошлого».

С каждым годом увеличивалась популярность дома-музея как в нашей стране, так и за рубежом. Мария Павловна вела большую переписку, делилась своими знаниями и воспоминаниями о великом русском писателе, о его творчестве и о многих других выдающихся деятелях литературы и искусства, с которыми был знаком Чехов.

В 1953 году в связи с 90-летием со дня рождения Марии Павловны, ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

В 1954 году по инициативе Марии Павловны были организованы Чеховские чтения в Ялте, которые продолжаются и по сей день.

Большую помощь Мария Павловна оказывала и другим музеям Чехова – в Москве, Таганроге, в Сумах и Мелихове.

Мария Павловна была постоянно окружена друзьями. Гостеприимная и необыкновенно общительная, она привлекала и располагала к себе. Того, кто имел счастье ближе познакомиться с Марией Павловной, словно магнитом тянуло на «капитанский мостик» – так называл С.Я.Маршак комнату Марии Павловны.

Нам, некоторым сотрудникам ялтинского музея, выпало большое счастье работать вместе с Марией Павловной. Мы никогда не переставали удивляться её работоспособности, её интересу ко всему новому. Она была для нас чутким и мудрым наставником и руководителем.

Ещё будучи совсем молодой, Мария Павловна не раз обращалась к брату по различным вопросам и просила: «Научи, как это сделать». И Чехов учил её постоянно и настойчиво, не только делать то или иное дело, но учил жить, как жил сам, не для себя, а для людей. Вся долгая жизнь Марии Павловны была отдана народу.

«Дорогая Мария Павловна, Вы второе сердце незабвенного Антона Павловича Чехова. Ваша улыбка и приветливость оживили черты дорогого для русского человека писателя. Посетив дом Чехова, мы с благоговением уносим в своем сердце гордость за нашу любимую Родину, за то, что она дала великого человека – Антона Павловича Чехова», – это запись из книги отзывов посетителей.

Полтора года назад я встретила в музее с Вячеславом Петровичем Пересунько – председателем Ассоциации заповедников и музеев Крыма. Он заговорил о том, о чём я давно мечтала: что ялтинский музей Чехова существует с 1921 года, а по праву должен отмечать своё рождение с 1904 года. Ведь даже тогда, когда я делала в 1947 году свою первую выставку, пользуясь различными документами музея, в программе писала, что до революции музей посетило 2500 человек.

Я уверена, что рождением музея Чехова надо считать тот день, когда Мария Павловна писала: «Народ у нас бывает часто» – это было 24 августа 1904 года.

И.С.Козловский в Доме Чехова

и 45 лет его замечательной дружбы, подаренной мне

Первая встреча

С октября 1946 года я работала экскурсоводом в Доме-музее А.П.Чехова в Ялте. Мария Павловна Чехова с первых дней моей работы очень доброжелательно относилась ко мне, ей нравилось, что я много читаю, увлекаюсь театром, собираю фотографии актёров. Когда в музей приезжали артисты Московского Художественного театра, Мария Павловна всегда знакомила меня с ними и просила, чтобы я проводила для них экскурсии.

В те годы в музее осуществлялся очень строгий учёт посетителей. Каждый день в конце рабочего дня я сдавала Марии Павловне сводку-отчёт. В один из августовских дней 1949 года я, как обычно, принесла Марии Павловне сводку. Зайдя к ней, я обратила внимание, что она была в приподнятом настроении. Когда мы окончили оформление сводки,

Мария Павловна, вдруг понизив голос, хотя мы были в её комнате лишь вдвоём, тоном заговорщика с очень лукавым видом мне говорит: «Душенька, приходите сегодня вечером – придет Иван Семёнович Козловский». Надо было видеть её глаза в этот момент – в них сверкали искорки счастья и радости!

Музей в те годы работал до 4 часов дня. К шести я пришла в музей. Через несколько минут появился Иван Семёнович, вместе с ним были его жена Галина Ермолаевна Сергеева и две их дочери – 10-летняя Аня и Туся, года на два моложе. Семейю Козловского сопровождали несколько мужчин, среди них – руководитель санатория «Курпаты». Иван Семёнович преподнёс Марии Павловне огромный букет красных роз, а она представила ему меня, сказав, что

И.С.Козловский

М.П.Чехова и И.С.Козловский

это «главный экскурсовод музея». Иван Семёнович с удивлением посмотрел на хрупкую, небольшого роста девушку – я выглядела как 14-летняя девочка и ещё носила две косы. Козловский взял из букета роз один цветок и подарил мне. При этом он случайно укололся от этой розы, и я, взяв её в руки, тоже укололась. Иван Семёнович улыбнулся и как-то загадочно сказал: «Всё прекрасное всегда колется!»

Потом все стали фотографироваться, но на балконе комнаты Марии Павловны места было мало, и снимавший попросил нас встать плотнее. Иван Семёнович подхватил меня за талию и приподнял так, что наши лица оказались на одном уровне (у меня рост 162 см, у Козловского – около 190 см). После этого все спустились в столовую первого этажа, где уже был накрыт стол с шампанским. Потом Иван Семёнович сказал, что хочет петь. Гости и хозяйева поднялись в гостиную на второй этаж, где находится чеховское пианино. Пел Козловский много, с наслаждением, обращаясь к Марии Павловне: «Я встретил вас», «Я вас любил», а для Ольги Леонардовны – арию Ленского из оперы «Евгений Онегин» «Я люблю вас, Ольга», потом были куплеты герцога из оперы «Риголетто», «Застольная» из «Травиаты» и ещё, и ещё... Я слушала, наслаждаясь великолепным пением. При этом у меня даже не мелькнула мысль, что эта первая встреча с Иваном Семёновичем подарит мне 45 лет прекрасной, светлой и чистой дружбы с великим певцом и необыкновенным, мудрым человеком! Этот подарок судьбы, как луч солнца, светил мне все эти годы и продолжает согревать до сих пор!

И.С.Козловский, О.Л.Книппер-Чехова, Г.Е.Сергеева, М.П.Чехова

«Концерт» для экскурсантов

Через несколько дней Иван Семёнович приехал в чеховский дом уже днём, с гитарой. Он запел внизу, на первом этаже, а я в это время на втором проводила экскурсию (в те годы экскурсанты ходили по комнатам) – в кабинете рассказывала о Чехове. Когда зазвучал голос Ивана Семёновича, я сказала экскурсантам, что это на первом этаже поёт Козловский. Люди в первое мгновение даже не поверили – они думали, что идёт радиотрансляция. Все подошли к окну кабинета и с восторгом слушали, ведь в те годы имя И.С.Козловского гремело по всей стране. После того как он спел несколько арий в чеховской столовой, он поднялся в гостиную, и наши экскурсанты смогли наслаждаться продолжением импровизированного концерта. И так случилось не раз.

Чудесные встречи

Но самым интересным и весёлым было время, когда Иван Семёнович приезжал к Марии Павловне по вечерам. Он прекрасно понимал, какие трудности ей пришлось пережить во время войны. Своим пением, душевным отношением он как бы возвращал Марию Павловну к прежней жизни. Ведь он хорошо знал, как Антон Павлович любил свою сестру, поэтому старался согреть её теплом своего сердца.

Кроме пения и музыки, были также интересные и смешные розыгрыши, в которых с большим удовольствием принимала участие и Мария Павловна. Когда Козловский приезжал вечером, Мария Павловна всегда приглашала меня. Поэтому я была и свидетелем серьёзных разговоров, и участником весёлых развлечений.

Чаще всего Иван Семёнович приезжал в Крым во второй половине августа, после дня рождения М.П.Чеховой, но 28 августа, в день Ангела Марии Павловны, он почти всегда бывал у нас. Праздновали в музее этот день очень пышно. Поздравить Марию Павловну приезжало городское руководство. Иван Семёнович был дружен с первым секретарём горкома Сергеем Фёдоровичем Медуновым, который очень хорошо относился к Марии Павловне и музею Чехова. Козловский привозил в чеховский дом пианистов, виолончелистов, однажды привёз даже балерину Ольгу Лепешинскую, которая танцевала в чеховской гостиной.

Иван Семёнович старался возрождать ту жизнь, которая когда-то была при Антоне Павловиче в Мелихове и Ялте. Мария Павловна в такие дни словно оттаивала, возвращаясь в свою молодость. Она будто расцветала от его приездов, с каждым годом становившихся всё более частыми. Не ошибусь, если скажу, что Иван Семёнович продлевал жизнь Марии Павловне. И мне, совсем ещё молоденькой девушке, выпало счастье бывать на этих вечерах.

Грустная страница

Как-то раз, ближе к летним месяцам 1950 года, Мария Павловна сказала мне: «Скоро приедет Иван Семёнович, но уже один – от него ушла жена и забрала с собой детей. Виноваты вы – он ведь вас обнимал в тот приезд». Конечно, это была шутка, и я, естественно, здесь ни при чём. Но Галина Ермолаевна действительно девочек к отцу не пускала. Иван Семёнович был хороший семьянин и заботливый отец, и он очень тяжело переживал эту разлуку. За все годы моего знакомства с ним он никогда ничего о них не говорил, а я никогда ничего не спрашивала. Однако чувствовалось, что Козловский очень переживает. Думаю, в какой-то степени, тоскуя о дочерях, он перенёс на меня, как на ребёнка, такое своё доброе отношение. Забегая вперёд скажу, что примирение в семье Ивана Семёновича произошло только в конце 1960-х годов, после того, как его младшая дочь, Туся, родила внучку Анюту. Лишь в 1970-м, на праздновании 70-летия Ивана Семёновича, я впервые после 1949 года встретилась в его доме со старшей дочерью Аней и женой Галиной Ермолаевной.

Родство душ

А вот в чеховском доме, с Марией Павловной и Ольгой Леонардовной, Козловский во все времена чувствовал себя, как с близкими и родными людьми, знал, что здесь всегда рады его приезду. Чаще всего, по два месяца подряд, Иван Семёнович отдыхал в санатории «Сосновая роща» в Мисхоре, при этом по три-четыре раза в неделю он приезжал в чеховский дом.

Иван Семёнович был очень начитанным человеком, он хорошо знал жизнь и творчество Чехова, много говорил об этом с Марией Павловной,

Ю.А.Корляков, А.В.Ханило, И.С.Козловский

подробно расспрашивал её о детских годах Антона Павловича. Его роднило с Чеховым то, что семилетним мальчиком тот пел в церковном хоре в Таганроге в Греческом монастыре и Митрофаниевской церкви. Сам же Иван Семёнович с восьми лет жил в Михайловском монастыре в Киеве, пел в хоре и учился у монахов.

«Видение» Козловского

В начале 1950-х годов в нашем музее появился художник Юрий Андреевич Корляков, хороший портретист. А для меня он был просто Юрой, с которым мы учились в одной школе ещё до войны. В 1940-м я оканчивала 6-й класс, а Юра – 10-й, и его забрали в армию. Но в школе мы были хорошо знакомы, так как много занимались вместе в школьной самодеятельности. Старшеклассники были прекрасными гимнастами, а я училась в балетной студии при Доме пионеров.

Юрий Корляков задумал написать картину «Чехов и Горький в Крыму». В музее мы познакомили художника с Иваном Семёновичем, и они очень подружились, к тому же Юра учился в Москве в Суриковском институте.

У Юры был новенький «Москвич» (первый выпуск, тогда ещё маленький). Машина носила красивое имя «Полина». На этом «Москвиче» он однажды возил Марию Павловну и Ольгу Леонардовну в «Сосновую рощу» к Ивану Семёновичу. О поездке Козловский написал даже в своих воспоминаниях. Проснувшись рано утром, он вдруг увидел перед собой двух прекрасных немолодых дам и подумал, что это сон, «видение», – они приехали в Мисхор рано утром. А в 9 часов, к моменту открытия музея, Мария Павловна была уже на своём рабочем месте, за письменным столом, в комнате на третьем этаже.

Юрий Андреевич стал чаще привозить в музей и самого Ивана Семёновича, а в его машине появился автограф Козловского. Когда же Юры в Ялте не было, машину для Ивана Семёновича давал С.Ф.Медунов.

«Я дочку забрал – я дочку привезу»

Иногда мне доводилось сопровождать Козловского в его ялтинских поездках. При этом, когда он заезжал за мной, всегда говорил моей маме: «Я дочку забрал – я дочку привезу». Возвращаясь вечером, выходил из машины, провожал меня в комнату и говорил маме: «Я привёз дочку». Марии Павловне очень нравилось такое хорошее отношение ко мне Ивана Семёновича.

«Соперники»

Кроме И.С.Козловского, в доме бывали и другие гости. Летом часто приезжал мастер художественного слова Дмитрий Николаевич Журавлёв. Он замечательно читал «Даму с собачкой». Мария Павловна подарила ему музейный путеводитель со своим автографом. Расстегнув верхние пуговицы рубашки, он прижал книжечку к груди и сказал: «Хочу, чтобы она была поближе к сердцу».

Когда Иван Семёнович и Дмитрий Николаевич приезжали вместе, то они начинали объясняться Марии Павловне в любви: один становился на колени, рядом – другой, и не просто становились на колени, а пытались отталкивать друг друга. При этом «соперники», шутя, старались подорвать авторитет друг друга. Сохранилось несколько фотографий того периода: на одной Мария Павловна сидит, обняв обоих кавалеров.

Подобное шуточное соперничество разворачивалось у Козловского и с другими известными деятелями культуры. На одном из снимков в чеховском доме запечатлены ещё два «кавалера» – всё тот же И.С.Козловский и Н.А.Соколов – известный советский художник-карикатурист, член творческого коллектива Кукрыниксы.

Подарки

Однажды Иван Семёнович приехал из города и привёз Марии Павловне в подарок нанизанные на верёвочку гуттаперчевые детские погремушки и среди них – попугай, тоже погремушка. Когда приходили гости, Мария Павловна показывала им эти подарки: «Вот смотрите, что мне привёз Иван Семёнович». Эти погремушки и сейчас хранятся в музее.

Мария Павловна решила, что надо достойно «отплатить» Ивану Семёновичу и сделать ему тоже какой-нибудь смешной подарок.

Начиная с военных лет, М.П.Чехова из дома практически не выходила, поэтому поручила это непростое дело Елене Филипповне Яновой и мне. Мы отправились в детский магазин, где наш выбор остановился на игрушечной лошадке, модной в то время игрушке – лошадиная голова на длинной палочке. Мы позвонили Марии Павловне – она обрадовалась: «Ой, это очень интересно!» Вероятно, она знала, что Иван Семёнович в годы Гражданской войны одно время служил в кавалерии. Мы привезли игрушку и спрятали. Дня через два приехал Козловский, посидели за столом, послушали его пение, настроение у всех было прекрасное. Вдруг Мария Павловна, улучив момент, говорит: «Да, Иван Семёнович, я думаю, вам надо сделать хороший подарок!» И вручила ему игрушечную лошадку. Восторг был неописуемый! Иван Семёнович тут же сел верхом на ту лошадку, проскакал на ней вокруг

стола и даже спел что-то, таким оригинальным способом обыграв смешную ситуацию. А потом он увёз игрушку с собою в Москву.

Настоящий кавалер

Как-то лето выдалось очень жаркое. Иван Семёнович приехал в чеховский дом, позвонил, ему открыли – и стоит он в рубашечке с отложным воротником, а галстука на нём нет.

«Иван Семёнович, – говорит Елена Филипповна, – как же так?! Вы к Марии Павловне – и без галстука!» Иван Семёнович сделал вид, что очень смущён, поскольку приехал к барышне не в том наряде, который соответствовал бы его положению. Но ничего не сказал, виноватый, поднялся наверх – и всё.

Проходит три-четыре дня. Снова раздаётся звонок, открываем дверь – на пороге стоит Иван Семёнович с видом победителя: «Ну как?» Он решил исправить досадную оплошность, допущенную несколько дней назад. И каким образом? На шее красовались сразу три (!) галстука. Конечно, Мария Павловна очень смеялась, а он весь вечер оставался при трёх галстуках, постоянно их поправляя.

Только через парадный вход

Приезжая в чеховский дом, Иван Семёнович всегда входил только через парадный вход, даже тогда, когда дом был закрыт для экскурсантов. Он всегда подходил к главной, парадной двери, звонил в чеховский звоночек – ему открывали, и тогда уже он поднимался к Марии Павловне наверх.

Незабываемый праздник

В 1953 году в день Ангела Марии Павловны было большое торжество в Гурзуфе. Иван Семёнович знал, что не сможет приехать на её 90-летие 12 августа в Ялту. Он был верующим человеком, и при этом верил в некоторые приметы. Среди артистов существовала традиция никогда не отмечать день рождения ни на один день раньше. Поэтому он решил накануне дня рождения Марии Павловны торжественно отметить её день Ангела. В Ялте заказал специальный катер, который прибыл в Гурзуф к точно назначенному часу. Козловский решил устроить катание на катере для Марии Павловны и её гостей.

Тогда причал в Гурзуфе находился возле самой чеховской дачи, он был деревянным с раскачивающимися от каждого шага досками. Иван Семёнович бережно, на руках, перенёс Марию Павловну на катер, а затем так же бережно перенёс на катер и Ольгу Леонардовну. Козловский был очень крепкий, ловкий и сильный физически человек, тогда ему было 52 года. Для Марии Павловны, затворницы в доме с 1941 года, это было неопишное удовольствие. Она, как ребёнок, была рада этому.

90-летие Марии Павловны отмечали в городском театре имени А.П.Чехова. Праздничный концерт для Марии Павловны давала Ялтинская филармония. Ивана Семёновича, как я уже упоминала, в тот момент в Ялте не было, в том году он приехал лишь в начале сентября. (Хотя многие ялтинцы ошибочно утверждают, что Козловский пел в ялтинском театре для Марии Павловны на праздновании её 90-летия.)

И.С.Козловский, М.П.Чехова, Н.А.Соколов (Кукрыниксы)

На сцене сидели Мария Павловна, Ольга Леонардовна и племянница Марии Павловны, Евгения Михайловна Чехова. От Художественного театра присутствовали Софья Станиславовна Пилявская и Николай Иванович Дорохин. Была также делегация от Библиотеки имени Ленина. Городские власти представляли С.Ф.Медунов, А.М.Тарасов, Л.А.Кондратьев и другие. Мне выпала большая честь зачитать приветствие Марии Павловне от коллектива нашего музея.

В 1953 году Мария Павловна и Ольга Леонардовна побывали в нашем городском театре ещё раз – на представлении оперы «Травиата» Свердловского оперного театра. Для Марии Павловны это тоже был праздник. Ведь последний раз в опере она была ещё до войны – в Москве!

Поскольку музей работал до 4-х часов, приглашённые собрались на «Белой даче» после четырёх. В хорошую погоду столы накрывали в саду вокруг круглой клумбы, на которой росла невысокая американская сосна с очень длинными иглами. Когда становилось прохладнее, гости собирались в бывшей чеховской столовой на первом этаже. У Марии Павловны была хорошая кухарка, а на большой праздник приглашали также повара. Сама Мария Павловна никогда хозяйством не занималась, однако чеховское хлебосольство и гостеприимство ею всегда соблюдались, как и при жизни Антона Павловича.

С Ольгой Леонардовной в гости к Марии Павловне обычно приезжала её секретарь и приятельница Софья Ивановна Бакланова, часто также

гостили Лев Константинович Книппер, племянник Ольги Леонардовны, Игорь Васильевич Бренев, племянник Антона Павловича и Марии Павловны по линии двоюродной сестры Чехова Александры Митрофановны, а также племянник Сергей Михайлович Чехов. Я была очень дружна с Л.К.Книппер, И.В.Бреневым, по приглашению которого даже гостила более трёх недель у него в Ленинграде, дружила и с Сергеем Михайловичем и Евгенией Михайловной Чеховыми. Было много и других гостей. Иван Семёнович же приехал только в сентябре с подарками и приветствиями от близких и друзей.

«Хитон» для Аллы

Как-то летом в выходной день музея Сергей Михайлович приехал ко мне домой и пригласил в горы, на Ай-Петри. Машину для этой поездки дал Пётр Андреевич Павленко, писатель, с которым была дружна Мария Павловна.

Поднялись в горы, погуляли по плато, затем прошли через тисовый лес поближе к Ай-Петринским зубцам, там я посидела, свесив ноги над этим страшным обрывом, а Сергей Михайлович близко к краю не подходил – боялся. Потом мы вернулись к машине и поехали обратно. Вдруг Сергей Михайлович говорит: «Теперь поедем в Мисхор купаться в море». Он хорошо помнил то время, когда гостил у Марии Павловны на её мисхорской даче. Я сказала, что купаться не буду, так как у меня нет купального костюма. Однако Сергею Михайловичу очень хотелось искупаться в море, поэтому он решил по дороге заехать куда-нибудь и приобрести для меня купальник.

Приехав в Симеиз, мы зашли в магазин. Там висели купальные костюмы размером начиная от 52-го и выше, я же носила 42–44-й. Я посмеялась и сказала, что любой этот костюм могу надеть только на зимнее пальто. Но Сергею Михайловичу очень хотелось искупаться в море, и он просил: «Ну придумайте что-нибудь!» В те годы ещё не было современных красивых синтетических костюмов, шили простые трикотажные, похожие на обычные майки. Я посмотрела на один костюм 52-го размера с закрытой спиной и сказала, что если мы купим этот костюм и к нему катушку ниток и иголку, то, пока доедем до Мисхора, я «подгоню» купальник под себя.

И мы действительно купались в Мисхоре в море, а под вечер отправились в Ялту. Приехав в музей, застали у Марии Павловны гостей. Сергею Михайловичу очень хотелось похвалиться тем, что мы купались. Когда мы стали подниматься в комнату Марии Павловны, он взял с собой мокрый купальный костюм. Посидели немного у Марии Павловны, и водитель П.А.Павленко отвёз меня домой.

На следующее утро я, как всегда, пошла поздороваться с Марией Павловной. Когда я показалась на пороге её комнаты, она вдруг рассмеялась и говорит: «Душенька (она очень любила это обращение), как это вам удалось добиться, что Сергей купил этот костюм, ведь он – ужасный скряга!» Я ответила, что никак не старалась, просто ему очень хотелось со мной купаться. (Кстати, этот купальник у меня хранится до сих пор.) Когда месяца через два приехал Иван Семёнович, Мария Павловна, видимо, рассказала ему обо всём.

Это уже был 1954 год, и после празднования 90-летия Марии Павловны многие знали, что 12 августа у неё день рождения. Гостей в тот раз собралось очень много – были приглашённые, но были и те, кто пришёл сам поздравить Марию Павловну. Столы находились у восточной стороны дома, где площадка была больше, чем перед домом. Роль тамады, как всегда, исполнял Иван Семёнович. Он за всех поочерёдно говорил тосты. Среди гостей были люди, которых даже я видела впервые. Иван Семёнович очень ловко и незаметно выспрашивал у Елены Филипповны кое-что о них и произносил тост, удивляя всех своими знаниями об этих людях, и это при том, что увидел гостя впервые только у Марии Павловны.

Я спокойно сидела за столом, рядом со мной – Лев Константинович. Мы дегустировали вина – он наливал в бокал мне и себе, мы пробовали и, если напиток нам не нравился, незаметно выливали вино на гравий. И вдруг очередь дошла до меня. Иван Семёнович встал, поднял бокал и говорит: «Вот, посмотрите, сидит за столом скромненькая, воротничок бантиком, завязан под самое горлышко, а совсем недавно, когда я ещё был в Москве, она уехала в горы в платице, а вернулась оттуда в греческом хитоне», имея в виду мой перешитый купальный костюм. Потом подошёл ко мне, все сидящие за столом повернули головы в мою сторону, и я очень смутилась, но обидеться на Ивана Семёновича было невозможно, он поцеловал меня и выпил за моё здоровье.

Каждый вечер заканчивался пением Ивана Семёновича, иногда он вместе с Ольгой Леонардовной напевал романс, иногда с Ириной Фёдоровной Шаляпиной пел цыганские песни. Шуткам и веселью не было предела. Жаль, что тогда ни у кого не было кинокамеры или даже фотоаппарата, чтобы запечатлеть эти неповторимые встречи. Сохранились только фотографии праздника в Гурзуфе в 1952 году с катанием на катере. Эти снимки делал Игорь Васильевич Бренев.

На руках у Козловского

Но Мария Павловна, Елена Филипповна и я – мы больше любили, чтобы, когда Иван Семёнович приезжал на «Белую дачу», в доме было немного гостей. Тогда возникали какие-то воспоминания, душевные беседы, в которых раскрывалась душа Ивана Семёновича.

Однажды произошёл оригинальный экспромт. У Марии Павловны существовал строгий режим, была даже специальная медсестра, которая строго следила за её распорядком дня. В 11 часов вечера она укладывала Марию Павловну спать. Но Мария Павловна просила, чтобы гости на это не обращали внимания, она всегда говорила: «Сидите, сколько хотите, мне это очень приятно!»

Как-то в один из вечеров, это было уже ближе к осени, медсестра пришла за Марией Павловной. Все находились в столовой первого этажа. Гостей в этот в этот день было немного, человек 7–8. Медсестра, стоя на ступеньках, поторапливала Марию Павловну. Она нехотя встала из-за стола, пожелала всем доброй ночи, повернулась к двери, и вдруг, неожиданно для всех, Иван Семёнович подхватил Марию Павловну на руки и бережно понес её на третий этаж. Мария Павловна ещё раз помахала всем рукой...

Помощница Марии Павловны Е.Ф.Янова, И.С.Козловский, А.В.Ханило

Позже, когда многие писали воспоминания о Марии Павловне, подробно описывали этот случай, хотя некоторые из них не были свидетелями происшедшего и прибавляли всякие небылицы.

Неожиданная находка

Ещё несколько смешных случаев хочется вспомнить... В жаркую погоду, как я уже говорила, столы располагали перед балконом второго этажа вокруг круглой клумбы. Когда открывали шампанское, никто не обращал внимания, куда летели пробки. На следующий день я веду экскурсию. Выйдя с группой на балкон, я вдруг увидела, как что-то блеснуло в стоке за балюстрадой. Поскорее отвела глаза в сторону и отвлекла внимание экскурсантов на магнолию, догадавшись, что там лежали две пробки от шампанского. Конечно же, я не хотела, чтобы люди увидели эти пробки! Когда экскурсия закончилась, я прошла на балкон и вынула из стока пробки. Зайдя в комнату Марии Павловны, показала их ей и рассказала о случившемся. Мария Павловна рассмеялась, но сказала: «Надо предупредить Ивана Семёновича, чтобы он был поаккуратнее, экскурсанты не должны видеть пробок, чтобы не подумали плохо о музее».

Как Козловский «Россию» остановил

Однажды мы долго сидели в саду, уже стемнело. Вдруг на дороге засигналила машина и послышались голоса. Иван Семёнович узнал Павла Герасимовича Лисициана и ещё кого-то и попросил меня встретить их и проводить к столу, поскольку они сюда приехали впервые. Вторым гостем оказался Иван Александрович Манн, капитан теплохода «Россия», на котором Лисициан прибыл в Ялту.

Иван Семёнович очень им обрадовался, возможно, он же и пригласил их в чеховский дом, так как до этого они здесь не бывали. Сидели долго, Мария Павловна ушла спать, а гости всё не расходились. Начинался рассвет, капитан «России» уже поглядывал на часы – корабль стоял у ялтинского мола и готовился к отплытию. Наконец все встали из-за стола, и вдруг Иван Семёнович объявил: «Едем все на "Россию"». У музея дежурила легковая машина председателя горисполкома А.М.Тарасова. Нас же было восемь человек. Но Иван Семёнович усадил всех в ЗИМ, и мы отправились. Когда подъехали к причалу, было уже совсем светло. Мы поднялись по трапу, прошли через салон, где в креслах спали палубные пассажиры. Иван Александрович распорядился, чтобы открыли двухкомнатный номер люкс, в котором стояло пианино. Пел Иван Семёнович, пел Павел Герасимович. Уже волновался Иван Александрович, уже прошло время выхода «России» из Ялты. Теплоход стоит, а импровизированный концерт продолжается.

Только все поднимутся, чтобы уходить, но вдруг запоёт Иван Семёнович – опять все сели, слушаем. Потом опять встали – запел Павел Герасимович, опять все сели. Здесь я впервые услышала в исполнении П.Г.Лисициана «Дивлюсь я на небо». Концерт продолжался ещё довольно долго, но, наконец, мы покинули корабль. «Россия» в тот день вышла из ялтинского порта на час с лишним позднее положенного времени. А Иван Семёнович отвёз меня домой, как всегда сдал маме и поехал в Мисхор в свой санаторий.

Я успела умыться, переодеться и отправилась к 9 часам на работу. Всё подробно рассказала Марии Павловне, она так заодно смеялась и говорила: «Это, наверное, только Иван Семёнович может такое сделать, даже остановить теплоход!»

Праздники, песни и не только

Энергии И.С.Козловского можно было только позавидовать. Он умел организовывать не только спонтанные камерные концерты, но и для всех ялтинцев большие общегородские песенные мероприятия. Это по его инициативе в начале 1950-х годов в Ялте был устроен первый общегородской Праздник песни, который потом ежегодно проходил в Массандровском парке. Там пел двухтысячный хор, с которым ежегодно, вплоть до начала 1970-х, выступал и сам Козловский. Он привлекал к этому мероприятию других известных музыкантов – скрипачей, виолончелистов, певцов. Многие годы этим хором руководил Даниил Машкевич, главный дирижёр Ялтинского симфонического оркестра. Праздник песни в те годы превращался в настоящий праздник города.

Несмотря на то, что специальные гастрольные концерты на сцене ялтинского городского театра Козловский никогда не давал, на местной сцене он выступал с хором Ялтинского педучилища, а также с Ялтинской народной оперной студией при ДOME медработников.

...А петь будет академик Несмеянов

С 1950 года я уже ежегодно проводила свой отпуск в Москве. Иван Семёнович познакомил меня со своим секретарём Ниной Феодосьевной, а также со своей гражданской женой Ольгой Николаевной Адриановой, мы стали с ними дружны, встречались не только в Москве, но и в Ялте. Мария Павловна радовалась моим поездкам в Москву, потому что, возвращаясь в Ялту, я много и подробно рассказывала ей о самой Москве, о знакомых Марии Павловны, о встречах с Ольгой Леонардовной, которая после 1953 года в Крыму уже не была. Благодаря заботам Ивана Семёновича, я постоянно посещала Большой театр – оперу и балет, которые я очень любила. Иван Семёнович также возил меня на свои концерты.

Помню, однажды мы поехали с ним и с Ниной Феодосьевной на выступление в новое, только что выстроенное здание Московского университета. Туда были приглашены Иван Семёнович и академик А.Н.Несмеянов. Мы с секретарём Козловского сидели в зале. Первым предоставили слово Ивану Семёновичу. Он говорил много, интересно и долго, мы с Ниной даже пошутили: «Раз Иван Семёнович так много говорит, значит, петь придётся академику Несмеянову»...

Встречи с великими

У себя дома Иван Семёнович с большим удовольствием представлял меня своим друзьям. Так я познакомилась с лётчиками Георгием Байдуковым и Александром Беляевым, а ещё раньше, в Ялте, с женой Чкалова Ольгой Эразмовной. На каком-то юбилейном вечере Иван Семёнович познакомил меня с Сергеем Владимировичем Михалковым.

Памятные приметы

В январе 1957 года не стало Марии Павловны. Иван Семёнович послал в Ялту Юру Корлякова, который привёз запись вечера её памяти с участием И.С.Козловского, С.Я.Маршака и Д.Н.Журавлева. Погода была нелётная, Симферополь не принимал самолёты из Москвы, поэтому Юрию Андреевичу пришлось лететь в Киев, а уже оттуда – в Симферополь. Он еле-еле успел на кладбище. Гроб уже почти опускали в могилу, как вдруг на дороге засигналила машина, печальную процедуру приостановили и дождались Юру. Он передал мне несколько серебряных монеток, чтобы я кинула их в могилу перед тем, как опустят гроб. У Ивана Семёновича были свои приметы, по которым он провожал в последний путь близких людей.

Каждый год перед отъездом из Ялты Иван Семёнович обязательно отправлялся на кладбище и брал с собой меня. Если не удавалось достать цветы, то Козловский припасал серебряные монетки. Он подолгу стоял у могилы Марии Павловны, читал молитвы там и у могилы моей мамы, потом бросал на них монетки. Всегда приходил также к могилам Уварова – директора Ялтин-

И.С.Козловский играет на чеховском пианино

ской филармонии и А.М.Тарасова – председателя ялтинского исполкома. Когда он приехал в Ялту летом 1957 года, то привёз на могилу Марии Павловны в пластмассовой шкатулочке немного земли с могилы Антона Павловича. Затем мы вместе ездили к Елене Филипповне домой, она к этому времени уже была на пенсии.

А потом он обычно ехал прощаться со своими любимыми местами отдыха. Обязательно в Мисхор. В последний приезд Козловского в Крым с нами там произошёл такой случай. В парке, у дорожки, вившейся над самым обрывом, над морской бездной нависал огромный камень, огороженный штакетником. Иван Семёнович перешагнул его, взял меня за руку и говорит: «Держи меня, я посмотрю вниз». Я стояла, держа его за руку, и думала: «Одно мгновение, и мы упадём вниз». Мне кажется, что я удерживала Ивана Семёновича лишь усилием воли...

22 сентября 1959 года не стало Ольги Леонардовны. Я приезжала проводить её в последний путь, привезла зелень из её любимого чеховского сада. У самой могилы ко мне подошёл Юрий Корляков и попросил, чтобы я бросила в могилу Ольги Леонардовны серебряные монетки от Ивана Семёновича.

От Сурикова до Кончаловского

Помню, ещё при жизни Марии Павловны я однажды была в Москве. В это время умер режиссёр А.П.Довженко. Иван Семёнович тогда взял меня с собой на кладбище. Мы долго стояли у могилы режиссёра, вместе с нами

были Ираклий Луарсабович Андроников и Борис Николаевич Ливанов, с которыми Иван Семёнович меня познакомил ещё раньше. Потом все отправились на поминки, Козловский же не пошёл. Вместо этого мы с ним прошли к могилам Антона Павловича и И.И.Левитана. Он снял шапку и сказал: «Передай Марии Павловне, что я всегда перед Левитаном снимаю шляпу». Потом мы пошли дальше по кладбищу. Впереди, у одной из могил, пожилая женщина разбирала цветы. Иван Семёнович говорит: «Сейчас я познакомлю тебя с очень интересным человеком». Подойдя ближе, я увидела, что это могила и памятник художнику П.П.Кончаловскому, а женщина, ставившая цветы у памятника, оказалась женой Кончаловского и дочерью художника В.И.Сурикова Ольгой Васильевной. Когда Иван Семёнович представил меня ей и сказал, что я работаю вместе с Марией Павловной Чеховой, она попросила передать Марии Павловне привет. Я рассказала ей, что, когда Мария Павловна занималась живописью, её работы увидел Суриков и предложил стать её руководителем. Ольге Васильевне очень понравилось, что я знаю о Марии Павловне такие тонкости.

Новогодняя ёлочка – память по сей день

В 1963 году я приехала в Москву на операцию по удалению щитовидной железы. Оказалась я в столице накануне убийства американского президента Джона Кеннеди. Утром сходила в костёл, куда съехались представители всех посольств, аккредитованных в Москве, и высшие представители духовенства, днём побывала на Новодевичьем кладбище у Антона Павловича и Ольги Леонардовны. Вечером я присутствовала в Большом зале консерватории на сольном концерте Ивана Семёновича, а через день мне уже сделали операцию. В больнице меня постоянно опекали секретарь Ивана Семёновича Нина Феодосьевна и его супруга Ольга Николаевна, приходили буквально каждый день. А к Новому году они принесли мне небольшой подарок от Ивана Семёновича – синтетическую ёлочку и гуттаперчевого чешского Буратино. Я храню эти милые подарки до сих пор. А ёлочку ставлю на каждый Новый год, начиная с 1964-го и по сей день.

Как южанка «экзамен» выдержала

Как-то в Москве Иван Семёнович пригласил меня покататься за город. Это было зимой, стоял сильный мороз, выпало много снега. Его близкие – сестра, секретарь Нина Феодосьевна и супруга Ольга Николаевна удивились, что я согласилась. Когда они ездили с Козловским на подобные прогулки, то обычно сидели в машине, пока он гулял. Я же сказала, что буду гулять с ним, хотя он всегда ходил очень быстро. В тот раз мы находились в районе Шереметьево, в округе там было несколько санаториев и по дорожкам прогуливались отдыхающие. Кто-то пытался обращаться к нему, но Иван Семёнович на таком холоде никогда не разговаривал. Он шёл, замотав шею и лицо до самого носа своим знаменитым шарфом, и общался лишь жестами, а отдыхающим показывал на меня, и мне приходилось с ними говорить. Однако потом он похвалил меня, сказав: «Южанка, а не побоялась такого сильного мороза – выдержала экзамен!»

Горюхи
Алекс
Любовь, Юлия, Татьяна.

С.Л. и Р.Ф. Козловским

14.11.69.

И. Козловский

Не простил

В 1970-м году в Москве отмечалось 70-летие И.С.Козловского. Праздник был необыкновенно интересным. Иван Семёнович пригласил меня к себе домой к 10 часам утра. К этому времени уже начали приходиться делегации с поздравлениями, был организован фуршет. И так продолжалось весь день. Ближе к вечеру появилась дочка Козловского Аня и его бывшая супруга Галина Ермолаевна Сергеева.

Аня пробыла буквально несколько минут и ушла. Примерно в 10 вечера наконец перестали приходиться поздравления, и все отправились за стол. На небольшом диванчике устроился Иван Семёнович, рядом с ним села Галина Ермолаевна. Я сидела как раз напротив неё. Она всех помнила, а на меня смотрела, явно не понимая, кто это. И вдруг Иван Семёнович обратился ко мне, тогда она поняла, что я из Ялты, из чеховского дома. Повернувшись ко мне, она сказала, что была в музее, а я, опередив её, напомнила, как она с маленькими дочерьми приезжала на «Белую дачу». Обратившись к Ивану Семёновичу, она сказала: «Вот она помнит, как мы приезжали в музей Чехова», на что Козловский довольно сердито ответил: «Ничего она не помнит, она тогда ещё ребёнком была». Иван Семёнович был легкоранимым и обидчивым человеком, и по тону его я поняла, что, если Галина Ермолаевна ходит к нему в дом, это вовсе не означает, что он простил её измену.

Концерт для чеховедов и не только

Осенью 1975 года, именно в то время, когда в Крыму отдыхал Козловский, у нас проходили Чеховские чтения. На них приезжали в основном сотрудники Института мировой литературы (Москва). Чеховеды хорошо знали, что я была в очень дружеских отношениях с Иваном Семёновичем, и попросили помочь устроить для них концерт певца, поскольку на его выступления в Москве было почти невозможно попасть.

Я уговорила Ивана Семёновича дать концерт для участников чтений. В тот год Козловский отдыхал в санатории «Черноморский» рядом с Никитским ботаническим садом. Правда, Иван Семёнович сказал, что ему нужен пианист, и он привык петь только по своим нотам. Пианиста пригласили из Ялтинской филармонии. А ноты были в Москве. Я позвонила секретарю Ивана Семёновича Нине Феодосьевне и попросила, чтобы она привезла ноты к симферопольскому поезду, на котором в Ялту ехали чеховеды, и передала их Евгении Михайловне Сахаровой.

И вот по окончании Чеховских чтений в ялтинском городском театре Иван Семёнович дал прекрасный концерт. Для чеховедов это был большой подарок, и они долгие годы, приезжая в Ялту, вспоминали этот замечательный праздник высокого песенного мастерства, подготовленный Иваном Семёновичем специально для них.

Помню ещё одно выступление Ивана Семёновича на сцене ялтинского городского театра. В театре шёл концерт Д.Я.Пантофель-Нечецкой. Мы с Иваном Семёновичем сидели в партере слева в первом ряду. И вдруг ак-

Одно из посещений И.С.Козловским музея в период ремонтных работ

триса обратилась к Козловскому с просьбой спеть с ней. В зале раздались аплодисменты, Иван Семёнович не заставил себя долго просить, вышел на сцену и вместе с Деборой Яковлевной исполнил «Застольную» из «Травиаты». В зале раздался гром аплодисментов.

Не чужд был Козловский и современной эстраде. Однажды, гуляя в Городском саду, мы с ним из боковой двери вошли в летний театр (тогда ещё старый), во время выступления Эдиты Пьехи и прослушали две её песни. Знала ли Эдита Станиславовна, царившая на эстраде в красивом бело-розовом платье, что в тот вечер её слушал Козловский!

Помощь чеховскому дому

Иван Семёнович всегда очень заботился о музее. Ещё при жизни Марии Павловны он часто спрашивал её – не нужно ли чем помочь чеховскому дому? Мария Павловна объясняла, что о музее очень хорошо заботится Государственная библиотека имени Ленина, филиалом которой музей был с 1926 года.

И после кончины Марии Павловны до последних лет своей жизни Иван Семёнович проявлял постоянную заботу о ялтинском музее Чехова. Он выхлопотал для чеховского дома должность агронома, потом – ставку библиотекаря. Помог нам и с окончанием строительства здания литературной экспозиции. Стройка была заморожена – возведены стены, положены стропила для крыши, после чего финансирование прекратилось. Директор музея попросил меня рассказать об этом Ивану Семёновичу. Мы с Ниной

На крыльце музея. Справа налево: директор Дома-музея Чехова в Ялте Н.Ф.Шевцов, В.В.Шимановский, И.С.Козловский, А.В.Ханило, Е.М.Чехова, пианистка М.В.Водовозова, артисты МХАТ М.А.Прудкин, А.П.Зуева и др.

Феодосьевной поехали к нему в «Сосновую рощу», где он познакомил меня с одним из заместителей министра финансов СССР. На следующий день высокий чиновник приехал в музей, я всё ему показала. Мы очень долго говорили о проблемах музея. В результате через две недели после его отъезда на счёт музея пошли деньги, и строительство здания было завершено.

С 1974 по 1980-й годы музей был закрыт на капитальный ремонт и реставрацию. За это время Иван Семёнович несколько раз приезжал к нам. Бывая в других литературно-мемориальных музеях страны, он всегда интересовался организацией дела в них и передавал нам этот бесценный опыт.

Чеховское новоселье

В 1980 году работы были завершены, и музей открыл свои двери для посетителей. Мне хотелось в связи с этим событием организовать большой

музейный праздник. 6 сентября 1981 года в Крым приехал Иван Семёнович, он дал мне телефонограмму, что выступает в «Артеке». Я решила попросить его выступить у нас 9 сентября, в день, когда Антон Павлович поселился в ялтинском доме. Иван Семёнович мне не отказал. Большой праздник состоялся, и теперь каждый год 9 сентября мы отмечаем день чеховского новоселья.

«Специально для тебя!»

После 1981 года Иван Семёнович в Ялту уже не приезжал. Я каждый год ездила в Москву, и мы много времени проводили у него дома. Он любил слушать мои рассказы о дорогих его сердцу местах Крыма, очень просил не уезжать навсегда в Англию. Последний раз мы виделись в начале лета 1993 года. Я пришла к нему домой, но Иван Семёнович уже не мог спуститься по ступенькам в гостиную из своей спальни на втором этаже и попросил, чтобы я поднялась к нему. Тогда я впервые была в его комнате. Он встретил меня в пижаме, но с галстуком, сказав: «Это специально для тебя надел!» И опять очень, очень просил не уезжать в Англию. Я обещала и обещание выполнила. В конце лета вместе с Ольгой Николаевной я была у него в больнице, но он попросил, чтобы я к нему в палату не заходила, а увидимся мы, сказал, когда поправится.

20 декабря я улетела в Англию, а на следующий день, 21 декабря, Ивана Семёновича не стало. Когда я в Англии узнала об этом, то написала о нём небольшую статью в журнал Slavopica.

Теперь, бывая на Новодевичьем кладбище в Москве, я обязательно привожу из чеховского сада веточку магнолии для Ивана Семёновича или передаю её через кого-нибудь из знакомых, кто отправляется в Москву...

Постскриптум

Много лет, приезжая в Ялту, Иван Семёнович сокрушался о том, что здесь не увековечена память о пребывании в нашем городе Шаляпина и Рахманинова. Я постаралась, в какой смогла мере, исполнить желание певца.

Осенью 2013 года возле здания бывшей дачи Бушева, где одно время жил А.П.Чехов, совместно с вице-президентом Ассоциации содействия защите населения, членом-корреспондентом Российской академии естественных наук кандидатом физико-математических наук С.С.Цыганковым (Москва) нам удалось установить аннотационную доску, на которой говорится о пребывании здесь С.В.Рахманинова, Ф.И.Шаляпина и В.С.Миролюбова и знакомстве их с Антоном Павловичем.

Российская государственная библиотека – её роль в становлении и развитии Дома-музея А.П.Чехова в Ялте

Мария Павловна рано поняла, каким большим талантом обладает её брат, и старалась окружить его заботой и теплом, создать благоприятную обстановку для его занятий литературой, медициной и общественной деятельностью. Она взяла на себя все хозяйственные дела, постоянно помогала брату в обслуживании больных крестьян в Мелихово, в строительстве школ для крестьянских детей, в оказании помощи туберкулёзным больным, приезжавшим в Ялту для лечения.

«<...> Марья Павловна у нас главная <...> Я полагаюсь во всем на нее <...>», – писал А.П.Чехов А.И.Смагину 21 ноября 1891 года.

В 1886 году Мария Павловна окончила Высшие женские курсы и преподавала в московской частной гимназии историю и географию. Восемнадцатилетняя педагогическая деятельность Марии Павловны была отмечена серебряной и золотой медалями, она была избрана действительным членом педагогического общества при Московском Императорском университете. Брату Александру А.П.Чехов писал: «<...> Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини... <...>» (20-е числа 1883 г.).

В 1889 году Антон Павлович готовился к поездке на остров Сахалин. В этом ему много помогала сестра, по его просьбе она работала в Румянцевской библиотеке, делая выписки из различных источников по интересовавшим писателя вопросам: статистические данные о Сахалине, его истории и многое другое.

После смерти А.П.Чехова 2 июля 1904 года (по старому стилю) на «Белую дачу» в Ялте приходило большое количество людей поклониться дому любимого писателя. Некоторые осматривали дом с дороги, другие заходили во двор и просили Марию Павловну разрешить осмотреть ближе дом и сад, посаженный Чеховым, просили показать комнаты

Российская государственная библиотека

писателя. Эти люди и натолкнули Марию Павловну на мысль сохранить дом как музей.

24 августа 1904 года Мария Павловна писала Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой: «Народ у нас бывает часто» – и здесь речь идёт именно о людях, не знакомых ни Антону Павловичу, ни Марии Павловне. Знакомых и близких Мария Павловна перечисляет по фамилиям.

В Ялте ещё при жизни писателя к дому приходили поклонники его таланта. 1-го мая 1904 года Чехов уехал в Москву. А 27 мая Мария Павловна пишет ему из Ялты: «Сегодня приходили два студента и курсистка и просили позволения осмотреть сад и дом твой. Сад я показала и надела их розами, но в дом не пустила. Они с благоговением ходили по дорожкам, и курсистка целовала розы. Было странно и мило».

Мария Павловна не только сохранила дом писателя, она разобрала его архив и рукописи, подготовила к публикации ряд ценнейших материалов. Огромную работу проделала Мария Павловна по сбору, систематизации и комментированию писем Антона Павловича к его многочисленным адресатам. Работа эта заняла много времени, и в результате в 1912–1916 годах были опубликованы шесть томов писем А.П.Чехова под её редакцией. В 1914 году тоже под её редакцией вышел сборник «Слово», где были напечатаны неизданные драматические и беллетристические произведения, публицистические статьи, отрывки и заметки А.П.Чехова.

Уже в 1912 году Мария Павловна передаёт в Румянцевский музей (Румянцевскую библиотеку) рукописи Чехова и другие материалы: фотографии, документы, предметы – всё это потом послужило созданию Государственного литературного музея в Москве. Письма и рукописи А.П.Чехова хранились в Румянцевской библиотеке, преобразованной в 1921 году в Государственную библиотеку СССР им. В.И.Ленина (ныне Российская государственная библиотека), в которую Мария Павловна постоянно передавала новые найденные рукописи А.П.Чехова, его письма и письма его адресатов.

Первые годы Марии Павловне очень трудно было содержать музей на свои средства. Она обращалась в редакцию журнала «Русская мысль», но помощи никакой не получила. В первые годы существования музея, в 1921 году, он находился в ведении Крымохрис – подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусств Крымнаробраза.

И, наконец, сбылась мечта Марии Павловны: по постановлению Малого Совнаркома Дом-музей Чехова в 1926 году становится филиалом Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Весь литературный архив писателя Мария Павловна передала в Библиотеку. Рукописи произведений Чехова, его обширная переписка с современниками, различные документы были представлены учёным-литературоведам, историкам, издательским работникам.

В 1927 году в Крыму произошло сильное землетрясение. Дом Чехова очень пострадал, и только забота Библиотеки вернула его к жизни. Целый год дом был закрыт на ремонт и открыл свои двери для многочисленных посетителей в 1928 году. Мария Павловна постоянно получает помощь и поддержку от Библиотеки. В штатном расписании сотрудники музея значатся

М.П.Чехова. 1939 г.

библиотекарями. Мария Павловна была Главным библиотекарем. Ремонты дома проводила Библиотека. С большой теплотой Мария Павловна говорила о главном бухгалтере Библиотеки – Михаиле Ивановиче Крутицком (он в Библиотеке с 1920 года). Это ему в первую очередь писала она о различных проблемах, с которыми сталкивался музей, ему она посылала отчёты, обращалась за советом. Он довольно часто бывал в ялтинском доме Чехова.

В 1937 году Мария Павловна выпускает первый мемуарный каталог-путеводитель, созданный ею

совместно с братом Михаилом Павловичем (он умер в 1936 году). Путеводитель издавала Государственная библиотека имени В.И.Ленина.

16 апреля 1944 года советские войска освободили Ялту, и первыми к Марии Павловне приехали сотрудники Библиотеки, чтобы оказать необходимую помощь музею и его главной хранительнице. Музей работал с первого дня освобождения города; экскурсанты – в основном военные и раненые, лечившиеся здесь в многочисленных госпиталях.

Жизнь постепенно налаживалась, и чеховский дом в Ялте был самым привлекательным местом. В 1944 году 14 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР Мария Павловна Чехова была награждена орденом Трудового Красного Знамени за 40-летнюю работу по хранению, изучению и распространению литературного наследия великого русского писателя А.П.Чехова.

С октября 1946 года я работаю в музее А.П.Чехова в Ялте и прекрасно помню, как постоянно в музей приходили посылки из Библиотеки, в которых присылали бумагу, ручки, перья, карандаши, присылали масляную краску для ремонта, даже обувь и ткани на платья для сотрудников. Ведь ещё город не оправился от оккупации (которая продолжалась два с половиной года), не было магазинов, даже карточки на хлеб выдали только осенью 1944-го.

Я пришла на работу в музей временно, заменить уходящую в декретный отпуск сотрудницу. Но Марии Павловне очень понравились экскурсии, которые я проводила. Она обратилась в Библиотеку с просьбой дать дополнительно штатную единицу. Просьбу Марии Павловны удовлетворили, и уже с 1-го ноября 1946 года я официально была устроена на работу. Запись в моей трудовой книжке сделана Марией Павловной 19 октября. Из всех сотрудников музея только в моей трудовой книжке запись сделана лично рукой Марии Павловны – для меня это большая честь. Мне нравилась музейная работа, работала я с увлечением, сохранила это увлечение и до сих пор. И, конечно, очень благодарна Библиотеке имени В.И.Ленина, ведь её

сотрудником я была более 35 лет, до тех пор, пока нас не передали в другое ведомство.

В 1948 году силами Библиотеки был произведён большой ремонт в музее, комнаты оклеили обоями, которые в Москве были приобретены специально для комнат А.П.Чехова.

В 1952 году произвели капитальный ремонт всего дома, а также очень дорогостоящие работы по отведению подпочвенных вод от чеховского участка – были проложены дренажные галереи, защищавшие дом и сад Чехова от оползней. Работы эти продолжались более двух лет, в 1952–1953 годах, – и это всё сделала Библиотека.

В 1953 году Марии Павловне исполнилось 90 лет, ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Делегация Библиотеки прибыла в Ялту и поздравила Марию Павловну.

15 июля 1954 года по постановлению ЮНЕСКО во всём мире отмечалось 50-летие со дня смерти Антона Павловича Чехова. Эта дата широко отмечалась и в нашей стране – и в Москве, и в Ялте. В Ялту приехал директор Библиотеки Богачёв Павел Михайлович. В музее хранится фотография, на которой запечатлён президиум заседания в городском театре: Мария Павловна, П.М.Богачёв и писатели России и Украины. По инициативе Марии Павловны в 1954 году были открыты «Чеховские чтения в Ялте», которые продолжаются до сих пор. Многие годы сборники с докладами издавала Библиотека имени В.И.Ленина.

Из года в год росла посещаемость музея. Это была большая нагрузка на дом, который строился на одну семью. В 1957 году Марии Павловны не стало. Из Библиотеки приехала Галина Михайловна Огнева, временно исполнять обязанности директора, её прислали на три месяца, но она здесь задержалась на три года. Было принято решение Библиотеки: построить рядом, на соседней территории, новое здание для литературной экспозиции музея и рабочих комнат для сотрудников. Снова большие деньги на это выделяет Библиотека имени В.И.Ленина. В 1962 году было построено новое здание, и в 1964 году в нём была открыта литературная экспозиция, разработанная Московским Литературным музеем. Однако за годы подготовки экспозиции фонды ялтинского музея разрослись, поэтому экспозиция не была полной.

После смерти Марии Павловны мы впервые открыли для осмотра комнаты первого этажа дома Чехова, но на первом этаже сохранилось очень мало

Мария Павловна и Алла Ханило

**Мария Павловна с сотрудниками музея.
1953 г.**

вещей, комнаты были полупустые: Мария Павловна помогала экспонатами музеям Чехова в Москве и в Мелихово.

В 1959 году умерла О.Л.Книппер-Чехова. До 1967 года её комнаты в неприкосновенности сохраняла её близкий друг и помощница С.И.Бакланова. В московской квартире Ольги Леонардовны сохранились те вещи, которые Чехов и его жена приобретали вместе в 1903 году для этой квартиры, когда врачи сказали Чехову, что зимовать в Ялте ему нельзя.

Восстановление комнат первого этажа руководством музея и Библиотеки было поручено мне. Наследником О.Л.Книппер-Чеховой являлся её племянник – композитор Лев Константинович Книппер, мы с ним были знакомы с 1947 года и были очень дружны. Воспользовавшись этим, я поехала в Москву выпросить что-нибудь для ялтинского музея. Я постепенно выпрашивала у Льва Константиновича вещи, это длилось более недели, и опять на помощь пришло руководство Библиотеки: почти каждый день выделяли грузовую машину, чтобы перевозить эти вещи на хранение в Библиотеку. После этого Библиотека заказала большой железнодорожный контейнер, в котором в Ялту переслали более 1500 предметов: мебель, фотографии, книги. В результате в ялтинском доме мы восстановили полностью комнату Ольги Леонардовны, комнату родственников и частично две другие комнаты первого этажа. Без помощи Библиотеки я бы не смогла это сделать.

О.Л.Книппер-Чехова и её племянник Лев Книппер с друзьями в Гурзуфе. 1930-е гг.

Лев Книппер

**О.Л.Книппер-Чехова и Андрей Книппер –
сын её племянника Л.К.Книппера**

В 1974 году музей закрывается на капитальный ремонт и реставрацию. Было решено укрепить фундамент чеховского дома, но, когда начались эти работы (запланированные на два года), «поползли» стены. И опять на помощь приходит Библиотека: в то время в Москве шло укрепление стен Кремля, с этих работ снимают одну лучшую бригаду белокаменщиков и присылают в Ялту, чтобы они проинъецировали стены дома – только это его и спасло. Ремонт и реставрация были закончены в 1980 году. Шесть с половиной лет музей был закрыт на ремонт.

Руководство Библиотеки опять поручило мне составить план реставрации мебели чеховского дома, разработать новый темплан литературной экспозиции «Жизнь и творчество Чехова». Меня переводят на должность Главного хранителя музея (до этого у нас в музее хранителя не было), а по штатному расписанию Библиотеки я становлюсь Главным библиотекарем.

Новая литературная экспозиция оформлялась Ленинградским оформительским комбинатом – это тоже очень дорогостоящие работы, но Библиотека никогда и ни в чём не отказывала музею.

Ещё мне хочется сказать, что руководство Библиотеки положило начало созданию нашей научной библиотеки. Когда я пришла на работу, то пользовалась книгами личной библиотеки Марии Павловны, а в музейной библиотеке было только полное собрание сочинений В.И.Ленина и несколько политических книг. А с 1947 года наша библиотека начинает пополняться собраниями сочинений А.П.Чехова, изданиями о писателе, его друзьях и знакомых. Ежегодно мы получали все книги о Чехове, которые выходили в нашей стране.

Работу нашего музея курировали сотрудники Библиотеки: Евгения Михайловна Сахарова, Зоя Ивановна Колчина, зам. директора (Н.М.Сикорского) Нина Николаевна Соловьева и, конечно же, главный бухгалтер Михаил Иванович Крутицкий. Позже нас курировала Алевтина Павловна Кузичева, тоже много лет проработавшая в Библиотеке им. В.И.Ленина. Она и сейчас поддерживает с нами тесную связь и принимает участие в Чеховских чтениях.

У меня сохранились самые тёплые воспоминания о Библиотеке. Долгое время – в 1950–1992 годах я много работала в рукописном отделе Библиотеки, собирая информацию, которая могла бы помочь в восстановлении комнат первого этажа и литературных экспозиций. В Библиотеке готовила и доклады на Чеховские чтения, международные конференции в Германии в Баденвейлере в 1994 и 2004 годах и на многие другие конференции: в Москве, Мелихово, Таганроге, Сумах, в Симферополе, Севастополе, Евпатории, музеях Ялты, Алупки, Гурзуфа.

3 декабря 2011 года в 30-ти метрах от кабинета Чехова в Ялте началось несанкционированное строительство жилого дома (на территории бывшей охранной зоны музея). Я составила историческую справку по выдержкам из писем Марии Павловны, которые хранятся в рукописном отделе РГБ, фонд Чехова 331. Эту справку передала в Симферополь на сессию Верховного Совета Крыма, только эти документы помогли принять решение о приостановлении строительных работ, и ялтинскому мэру через прокуратуру пришлось отозвать своё разрешение на строительство. Считаю, что это тоже забота Библиотеки, т. к. в ней хранятся письма М.П.Чеховой и О.Л.Книппер. У меня эти выписки хранятся уже 50 лет.

Также у меня сохранилось несколько почётных грамот от Библиотеки им. В. И. Ленина и ещё награда, к которой меня представила Библиотека в 1971 году, к 50-летию со дня основания нашего музея. В те годы был учреждён значок Министерства культуры СССР «За отличную работу», к нему прилагалось удостоверение, которое подписано 30 марта 1971 года министром культуры СССР – Екатериной Алексеевной Фурцевой (это уже музейный экспонат). Потом в 1977 году я получила второй значок, а в 1991-м третий.

P.S. До сих пор храню читательский билет Российской государственной библиотеки.

Пометы Чехова на книгах Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева и Л.Толстого

А.В.Ханило

В ялтинском кабинете А.П.Чехова хранится небольшая часть его библиотеки. В основном это произведения русских писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Толстого, Короленко, Горького и др.

На некоторых книгах имеются пометы писателя и его автограф: «Антон Чехов». Книги, собранные Чеховым в ранние студенческие годы и московский период, обязательно имели надпись «Антон Чехов» на титульном листе. На некоторых из них сохранился экслибрис – простая этикетка, на которой напечатаны полностью имя, отчество и фамилия писателя.

Если книги переплетались для библиотеки Антона Павловича, то на корешке переплёта делались оттиски: «А.Чехов» или «А.Ч.».

Книги, вошедшие в библиотеку писателя в более поздний, меликовский, период и особенно ялтинский, этих помет не имели.

В работе С.Балухатого* описана только часть ялтинской библиотеки. Многие книги с пометами Антона Павловича не вошли в это описание. В 1950-х годах мною обнаружены неописанные пометы А.П.Чехова, которые были прокомментированы и изданы отдельной книгой: «Алла Ханило. Личная библиотека А.П.Чехова в Ялте. С приложением, составленным Петером Урбаном». Книга вышла в Германии в 1953 году.

* *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. – Л.: Academia, 1930. – С. 197–423.

В.Г.Короленко

Книги расставлены в шкафу самим писателем и сохраняют такой же порядок и по сей день.

На верхней полке первыми стоят книги Л.Н.Толстого:

«В чем моя вера?», изд. 2-е, Женева, 1888. Сочинения графа Л.Н.Толстого, изд. 6, Москва, 1886 (в 12 частях, 2 и 3 части отсутствуют). На каждом титульном листе книги, кроме 12-й части, рукой Чехова сделана надпись «Антон Чехов». На корешке переплёта каждой книги оттиснуто «Чехов».

Рядом с книгами Толстого – сочинения А.С.Пушкина – 10 небольших томиков, изданные А.С.Сувориным в 1887 году. На титульном листе каждого тома, кроме 6-го, надпись «Антон Чехов». 29 января 1887 года,

в связи с пятидесятилетием со дня смерти Пушкина, у наследников поэта прекращалось право собственности на его произведения. А.С.Суворин, опытный издатель, сразу же после этого выпускает сочинения Пушкина в 10 томах стоимостью в 1 р. 50 к. – самое дешёвое пушкинское издание. Чехов писал Суворину в феврале 1887 года: «<...> Знакомые и незнакомые, преимущественно врачи и женщины, узнав, что я работаю у Вас, обращаются ко мне с просьбами протезировать им в покупке Вашего Пушкина. <...>»

Далее следуют книги И.С.Тургенева. Полное собрание сочинений, в 10 томах, изд. 3-е, С.-Петербург, 1891. На корешке переплёта каждого тома оттиснуто «Чехов». Ещё одна книга И.С.Тургенева (она находится на 3-й полке) – «Первое собрание писем И.С.Тургенева. 1840–1883 гг.». С.-Петербург, 1884. На титульном листе рукой Чехова сделана надпись: «Антон Чехов». На внутренней стороне переплёта наклеен экслибрис. На корешке оттиснуто «А.Ч.».

На этой же первой полке находятся сочинения М.Ю.Лермонтова в издании А.С.Суворина (С.-Петербург, 1891) – семь отдельных выпусков, переплетённых в одну книгу.

На второй полке – сочинения Глеба Успенского в двух томах (С.-Петербург, 1889). Оба тома переплетены в одну книгу. На листе с оглавлением рукой Чехова сделана надпись: «Антон Чехов»; на корешке переплёта оттиснуто «Чехов».

Рядом – книга Н.А.Некрасова «Стихотворения. Полное собрание в одном томе. 1842–1877», изд. 2-е, С.-Петербург, 1882. Рукой Чехова сделана надпись на первом чистом листе и на титульном: «Антон Чехов». На внутренней стороне переплёта наклеен экслибрис. На корешке переплёта оттиснуто «А.Ч.».

Далее следуют книги современников Чехова – Гаршина и Короленко.

В.Гаршин. «Рассказы», С.-Петербург, 1882, и «Вторая книга рассказов», С.-Петербург, 1888. Обе книги переплетены вместе. На первом титульном листе сделана рукой Чехова надпись «Антон Чехов».

Книга В.Г.Короленко «Очерки и рассказы» (изд. журнала «Русская мысль», Москва, 1887) подарена Чехову с дарственной надписью «Антону Павловичу Чехову от В.Короленко».

В рассказе «Лес шумит», напечатанном в этой книге, имеется множество помет, сделанных рукой Чехова. Красным карандашом зачёркнуты слова, строки и абзацы – для сокращения текста рассказа*.

Ещё одна книга Короленко – «Слепой музыкант» (изд. журнала «Русская мысль», Москва, 1888; книга находится на 3-й полке). 2 мая 1888 года Антон Павлович писал Короленко: «В четверг я еду, добрейший Владимир Галактионович, в Украйну. <...>

Дорогой буду читать Вашего "Слепого музыканта" и изучать Вашу манеру. <...>» На книге, на внутренней стороне переплёта, наклеен экслибрис. На корешке оттиснуто: «Чехов». В тексте много помет Чехова простым карандашом на полях.

На второй полке находятся сочинения Н.В.Гоголя в 5 томах, изд. 10-е, Москва, 1889. Рядом – книга С.Аксакова «Записки об ужении рыбы», изд. 3-е, Москва, 1856. На титульном листе книги рукой Чехова сделана надпись «Антон Чехов». На внутренней стороне переплёта наклеен экслибрис.

Здесь же книги Ф.М.Достоевского: Полное собрание сочинений в 12 томах, изд. 3-е, С.-Петербург, 1888–1889. На титульном листе каждой книги (кроме, 1, 2 и 5) надпись «Антон Чехов». На корешке переплёта каждой книги оттиснуто: «Чехов». 9, 10, 11 тома переплетены в одну книгу.

На третьей полке стоит книга В.Вересаева «Записки врача», С.-Петербург, 1902. На этой же полке находятся сочинения А.М.Горького в 5 томах, С.-Петербург, «Знание», 1903. На 4-м томе перед повестью «Фома Гордеев» напечатано: «Антону Павловичу Чехову. М.Горький». По поводу этого Антон Павлович писал Горькому 3 сентября 1899 года: «<...> посвящение мне "Фомы Гордеева" не доставит мне ничего, кроме удовольствия и чести. <...> Посвящение делайте, по возможности, без излишних словес <...>»

И на пятой нижней полке помещается Полное собрание сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина в 12 томах, С.-Петербург, 1894.

Особый интерес представляют ранее неизвестные пометы Чехова в тексте книг, показывающие его отношение к прочитанному. Принадлежность некоторых помет Антону Павловичу удалось установить с помощью специалистов совсем недавно. Пометы писателя на книгах Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева и Толстого публикуются впервые.

Сочинения А.С.Пушкина в 10-ти томах

В 1-м томе в «Сказке о царе Салтане» зачёркнут весь текст на с. 354 и 355 и первый абзац на с. 356. Чехов вычёркивает всё вступление сказки и далее, на этой же странице, подчёркивает строку: «Царь Салтан, с женой простяся» – на полях, против этой строки, ставит цифру «1». Дальше весь текст сказки

* *Балухатый С.* Библиотека Чехова // Чехов и его среда. – Л.: Academia, 1930. – С. 243–245; *Коншина Е.* Чехов – редактор Короленко // Редактор и книга. – Вып. 3. – М.: Искусство, 1962; *Громов Л.* Реализм А.П.Чехова второй половины 80-х годов. – Ростов н/Д., 1950. – С. 93; *Гибет Е.* Сокращения А.П.Чеховым рассказа В.Г.Короленко «Лес шумит» // Труды Пржевальского гос. пед. ин-та. – Вып. IX. – 1962; *Паперный З.* «Буду изучать вашу манеру» (Чехов читает Короленко) // Чехов и его время. – М.: Наука, 1977. – С. 85–100.

делит на 8 глав, подчёркивая первую строку каждой главы: «Засмолили, покатили», на полях – «2» (с. 358), «В шею коршуна задела», на полях – «3» (с. 360), «Пышный двор встречает их», на полях – «4» (с. 362), «И орешки всё грызет», на полях нет пометы (с. 366), «Видит, белочка при всех», на полях зачёркнута цифра «4» и поставлена «5» (с. 368), «Дорогих гостей встречает», на полях – «б» (с. 375), «Царь глядит – и узнает...», на полях – «8» (с. 389).

В «Евгении Онегине» (т. 5) подчёркнуты окончания некоторых слов.

Сочинения Н.В.Гоголя в 5-ти томах

В 4-м томе, в главе VII «Выбранных мест из переписки с друзьями», имеется помета Чехова на с. 27, в письме к Н.М.Языкову «Об Одиссее, переводимой Жуковским», отчёркнуты на полях следующие строки: «<...> в литературе, как и во всем – охлаждение. Как очаровываться, так и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожные больные произведения века, с примесью всяких неперева-рившихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в про-стодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились <...>».

А.П.Чехов. 1903 г.

Пометы в книге Н.А.Некрасова «Стихотворения».

В стихотворении «Железная дорога» отмечены строки:

*Вынесет все – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе. (с. 135)*

Эти стихи, как известно, использованы Чеховым в рассказе «У знакомых». Героиня рассказа Варя читает «Железную дорогу», всего стихотворения она не помнит. «Зато Подгорин вдруг вспомнил, – как-то случайно уцелело у него в памяти со студенчества, – и прочел тихо, вполголоса:

*Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную, –
Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе...
Жаль только...*

– Жаль только, – перебила его Варя, вспомнив, – жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе!»*.

Имеются пометы Антона Павловича и в тексте поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Во 2-й главе, «Сельская ярмарка», на с. 244, заключён в фигурные скобки следующий отрывок:

Чудные! как вы смотрите!

Легли в коробку книжечки,

И далее:

"Да в балаган. Чу! музыка!.."

Комедия не мудрая,
Однако, и неглупая,
Хожалому, квартальному

Отмечены также строки простой скобкой:

Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаи полным полнёхонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся –
Гляди, явилась водочка <...> (с. 245)

Пометы в книге И.С.Тургенева «Первое собрание писем. 1840–1883 гг.».

В письме Н.Я.Макарову от 22 мая 1860 года отмечены строки: «Боткин Василий Петрович. – Ред.) приехал и я уже раза два объелся с ним до глуposti; он собирается в Англию. – Анненков порхает десяти-пудовой бабочкой по Северной Италии – и запускает хобот своего наблюдения в цветки общественной жизни» (с. 74).

В письме Я.П.Полонскому от 22 февраля 1868 года отмечены строки: «Не знаю, каковы были твои опыты по этой части, – но я к сожалению заметил, что у нас все любительницы литературы принадлежат к разряду рыл и мордемондий. Ты ей этого, однако не говори, а напротив поддерживай священный жар» (с. 134).

Определения из этого письма – «рыл и мордемондий» – Чехов использовал в своём рассказе «Сапоги всмятку», превратив одно из них в имя, а другое несколько переделав: «А раз из Чернигова приезжала другая тетя, Мордемондия Васильевна», и в конце рассказа: «– Если ты, рылиндрон, не перестанешь писать, то я у тебя лампу отниму».

В письме Я.П.Полонскому от 6 марта 1868 года отмечены следующие строки: «Я очень рад, что в отношении к моей "Истории" ты скорее поверил своему впечатлению чем приговору г-на П.К. (речь идёт о П.Ковалевском. – А. Х.) – Сей последний – (и это я говорю не потому, что он меня критикует,

* Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Т. 9. – С. 459–460.

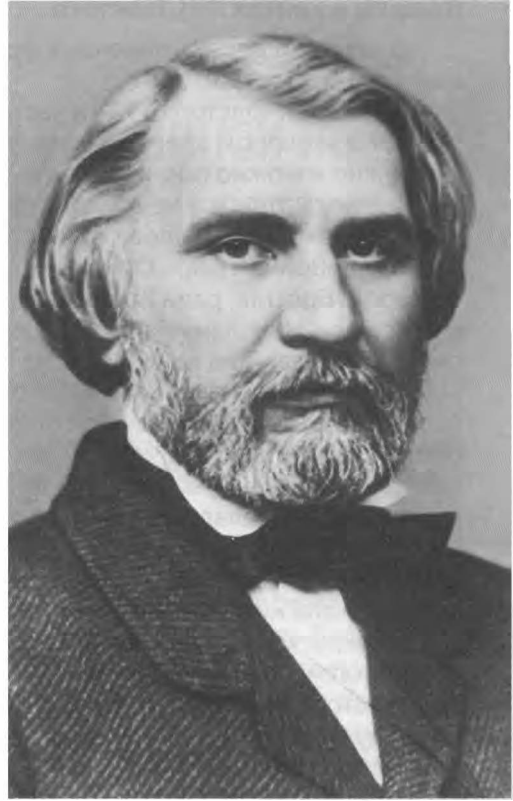
а вследствие наблюдений над ним произведенных) – после смерти некоего русского эмигранта В.И.К. (В.И.Касаткина. – А.Х.), поступил – в моих глазах – на очистившуюся вакансию *тупейшего* человека из всех современников. Действительный тайный *тупица* первого класса, с портретом богини Идиотизма в петлице! – Во всяком случае он со свойственным ему чутьем залез в грязь, уверяя, что моя безделка написана мною в торопях и фельетонно, я же ни над одной вещью так не бился, три раза переписал ее, подлюю! Но довольно о сем» (с. 135).

В письме Я.П.Полонскому от 16 декабря 1868 года подчёркнуты строки: «Но счастье людей состоит именно в том, что они поступают несообразно с законами логики – а в силу мгновенных чувств и увлечений. Нос у тебя так устроен, чтобы свистеть; и будешь ты свистеть, полезно ли оно или нет» (с. 145).

В письме Я.П.Полонскому от 27 февраля 1869 года подчёркнуты строки: «...я – в течение моей сочинительской карьеры – никогда не отправлялся от *идей*, а всегда от *образов...*» (с. 154).

В письме А.П.Философовой от 18 августа 1874 года подчёркнуты и отмечены на полях строки: «Не в том я упрекаю ваших знакомых, а в скудости мысли, в отсутствии познаний, а главное: в бедности, в нищенской бедности дарования» (с. 237).

В письме Л.Н.Толстому от 8 мая 1878 года отмечен весь первый абзац письма: «Любезный Лев Николаевич, я только сегодня получил ваше письмо, которое вы отправили *poste restante*. Оно меня очень обрадовало и тронуло. С величайшей охотой готов возобновить нашу прежнюю дружбу и крепко жму протянутую мне вами руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мне враждебных чувств к вам; если они и были, то давным-давно исчезли – и осталось одно воспоминание о вас, как о человеке, к которому я был искренно привязан – и о писателе, первые шаги которого мне удалось приветствовать раньше других, каждое новое произведение которого всегда возбуждало во мне живейший интерес. – Душевно радуюсь прекращению возникших между нами недоразумений» (с. 331).

И.С.Тургенев

Пометы в книгах Л.Н.Толстого

«В чем моя вера?» отмечена фраза: «Люди, получив счастье, требуют еще чего-то» (с. 150).

Сочинения Толстого в 12-ти частях, роман «Анна Каренина», подчёркнуты слова: «точной крепкой шее» (с. 126). В предложении: «Я не согласен, что нужно и можно поднять еще выше уровень хозяйства, сказал Левин. – Я занимаюсь этим и у меня есть средства, а я ничего не мог сделать», – отчёркнуты окончания слов «хозяйства» и «средства» (с. 150).

Роман «Война и мир». Отмечены красным карандашом следующие строки: «– Оооо!... Бросьте, ради Христа, закричал раненый, но его все-таки подняли и положили. Николай Ростов отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! Как ярко и торжественно опускающееся солнце! Как ласково-глянцевито блестела вода в далеком Дунае! И еще лучше были далекие, голубеющие за Дунаем горы, монастырь, таинственные ущелья, залитые до макуш туманом сосновые леса... там тихо, счастливо... "Ничего, ничего бы я не желал, ничего бы не желал, ежели бы я только был там", думал Ростов. Во мне одном и в этом солнце так много счастья, а тут... стоны страдания, страх, и эта неясность, эта поспешность... Вот опять кричат что-то, и опять все побежали куда-то назад, и я побегу с ними и вот она, вот она смерть надо мной, вокруг меня... Мгновенье, и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья"... В эту минуту солнце стало скрываться за тучами: впереди Ростова показали другие носилки. И страх смерти и носилок и любовь к солнцу и жизни, всё слилось в одно болезненно-тревожное впечатление.

"Господи Боже! Тот, кто там в этом небе, спаси, прости и защити меня!" прошептал про себя Ростов» (с. 235).

В этой же книге на страницах с 62-й по 98-ю подчёркнуто синим карандашом 11 раз слово «видимо». На с. 73 подчёркнуто – «повидимому». На с. 92 подчёркнуто – «видимым».

Эти пометы на книге Толстого были сделаны Чеховым в период работы над рассказом «Письмо» (Зеленины).

В начале рассказа есть такие известные строки: «Какая сила! Форма, по-видимому, неуклюжа, но зато какая широкая свобода, какой страшный, необъятный художник чувствуетея в этой неуклюжести! В одной фразе три раза "который" и два раза "видимо", фраза сделана дурно, не кистью, а точно мочалкой, но какой фонтан бьет из-под этих "которых", какая прячется под ними гибкая, стройная, глубокая мысль, какая кричащая правда! Вы читаете и видите между строк, как в поднебесье парит орел и как мало он в это время заботится о красоте своих перьев. Мысль и красота, подобно урагану и волнам, не должны знать привычных, определенных форм. Их форма – свобода, не стесняемая никакими соображениями о "которых" и "видимо"»*.

Некоторые исследователи связывали эти строки со статьёй Толстого «Что такое искусство?» С большим основанием следует отнести их к роману «Война и мир», в тексте которого Чехов и выделил несколько раз слово «видимо». Интересно отметить, что в статье Толстого «Что такое искусство?», занимающей 199 страниц печатного текста, ни разу не встречается слово «видимо».

* Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Т. 7. – С. 511.

К истории создания утерянной пьесы А.П.Чехова «Гамлет, принц датский»

Особое место среди книг личной библиотеки А.П.Чехова в Ялте занимают книги В.Шекспира. «Гамлет» имеется в трёх переводах: А.И.Кронеберга, 1861 года, Н.А.Полевого, 1887 года, и К. Р. (Константина Романова), 1899 года.

В двух книгах Шекспира – в переводах Кронеберга и Полевого имеются пометы А.П.Чехова.

Некоторое время считалось, что эти пометы принадлежали брату писателя, Михаилу Павловичу, вероятно, по той причине, что они не были описаны профессором С.Д.Балухатым в его работе «Библиотека Чехова».

С.Д.Балухатый писал: «...Так же разнообразна и та часть библиотеки, которая не была отослана Чеховым в Таганрог и сохранилась до последних дней жизни писателя в книжном шкафу в его кабинете в Ялте. Если систематизировать эту часть библиотеки писателя, состоящую из 162 названий, то книги, в ней находящиеся, можно представить в таких группировках: 1) студенческие учебники по медицине; 2) медицинские пособия; 3) справочники, как то: путеводители, атласы, словари, каталоги, преискурранты; 4) книги с большим числом пометок Чехова, представляющие для него, видимо, особую ценность (сочинения М.Аврелия, Шекспира, Короленко, ранние рассказы Чехова) (С.Д.Балухатый делит всю библиотеку на 12 группировок. – А.Х.);

<...> Нами печатается описание лишь части библиотеки писателя: книги с преподносительными надписями и книги с автографными пометками Чехова. К ним присоединены книги без надписей, но хранившиеся Чеховым в своем кабинете. Остальная, большая часть восстановленной по указанным источникам библиотеки Чехова также описана нами и будет опубликована дополнительно <...>

Приношу также свою благодарность за содействие в работе Марии Павловне и Михаилу Павловичу Чеховым. *С.Балухатый*.

Следует особое внимание обратить на пункт 4 – «Книги с большим числом пометок Чехова, представляющие для него, видимо, особую ценность (сочинения М.Аврелия, Шекспира, Короленко, ранние рассказы Чехова)».

Описание библиотеки профессор С.Д.Балухатый составлял при жизни Михаила Павловича и Марии Павловны Чеховых, более того, он пользовался их консультациями. И если бы пометы были сделаны не Антоном

Павловичем, а Михаилом Павловичем, то, вероятно, Михаил Павлович сказал бы ему об этом.

И ещё одна запись в книге посетителей ялтинского музея подтверждает принадлежность этих помет Антону Павловичу Чехову:

*«О если б вы, души моей оковы,
Ты, крепко сплоченный состав костей,
Испарился в туман, ниспал росой!
Иль если б ты, Судья земли и неба,
Не запретил греха самоубийства!
О Боже! Боже!»*

Эти слова Гамлета, подчеркнутые синим карандашом Антона Павловича Чехова, я нашел в экземпляре старого издания кроненберговского перевода, на титульном листе которого стоит: "Антон Чехов".

Я выписываю их в книгу посетителей, так как день 15 августа 1930 года останется у меня в памяти "днем Чехова и Шекспира". 15. VIII-1930 г. Н.Волков».

Н.Д.Волков, историк театра, драматург, театральный критик, был близким другом Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой и Марии Павловны Чеховой, часто гостил в ялтинском доме и на гурзуфской даче Чеховых. Естественно предположить, что, увидев этот подчеркнутый текст в книге Шекспира, он

обратился за подтверждением к сестре и жене писателя о принадлежности этих помет А.П.Чехову. В те годы в Ялте жил и Михаил Павлович Чехов.

Если сравнивать чисто визуальную манеру подчёркиваний в книгах Шекспира, то подчёркивания синим и красным карандашом очень напоминают пометы Чехова в книгах Короленко («Лес шумит») и Л.Толстого («Война и мир»). Подчёркивания простым карандашом напоминают манеру его помет в книге Марка Аврелия.

Для экспертизы книги Шекспира, принадлежавшие А.П.Чехову, были представлены мною специалистам-криминалистам Областного управления внутренних дел г. Симферополя. Они подтвердили принадлежность этих помет писателю.

В данной статье впервые публикуется описание всех чеховских помет в книге Шекспира «Гамлет» в переводе А.Кроненберга. Очевидно, следует считать, что основная часть

«Гамлет, принц датский».
Титульный лист книги
в переводе Н.Полового

их сделана Чеховым в 1887 году, а не в период его работы над пьесой «Чайка», как предположительно полагали некоторые чеховеды.

В 1887 году А.П.Чехов и А.С.Лазарев (Грузинский) решили вместе написать пьесу-критику на театральные порядки. Антон Павлович придумал название пьесы – «Гамлет, принц датский». Об этом Чехов писал Лазареву 15 ноября 1887 года: «<...> Сие письмо деловое. Суть в том, что гг. актеры, когда я вкратце рассказал им содержание "Гамлета, принца датского", изъявили горячее желание играть его не позже января, т. е. возможно скорее. Куй железо, пока горячо. Написано ли у Вас что-нибудь? Выходит ли требуемое? Совладали ли с сюжетом и с сценическими условиями? Как бы там ни было, поспешите написать мне подробно, что Вами придумано, написано и что имеется в проекте. Одновременно пришлите мне и мою рукопись (бандеролью), оставив у себя копию. Я суммирую свое с Вашим, подумаю и не замедлю сообщить Вам свои намерения и прожекты. *Условия:* 1) сплошная путаница, 2) каждая рожа должна быть с характером и говорить своим языком, 3) отсутствие длиннот, 4) непрерывное движение, 5) роли должны быть написаны для: Градова, Светлова, Шмитгофа, Киселевского, Соловцова, Вязовского, Валентинова, Кошевой, Красовской и Бороздиной, 6) критика на театральные порядки; без критики наш водевиль не будет иметь значения. <...>»

В статье «Пропавшие романы и пьесы Чехова» А.С.Лазарев (Грузинский) рассказывал историю этой рукописи: «В одно из следующих моих посещений он мне передал "Гамлета, принца датского"».

«<...> Чеховым был написан перечень предполагаемых действующих лиц <...> и затем от 200 до 250 строк текста <...> Действие пьески происходило за кулисами провинциального театра во время репетиции "Гамлета" <...> Во втором действии предполагалось дать сцену из "Гамлета"».

Книга Шекспира с пометами Чехова.

«I. Гамлет. Трагедия В.Шекспира, перевод А.Кронеберга. Издание второе. Москва. Издание одесского книгопродавца А.С.Великанова. 1861».

На титульном листе автограф: «Антон Чехов».

На внутренней стороне крышки переплёта наклеен экслибрис: «Антон Павлович Чехов». Здесь же в правом верхнем углу рукою А.П.Чехова написано чёрными чернилами: «№ 82».

На листе перед титулом наклеен цветной портрет В.Шекспира.

Вверху автограф: «А.Чехов».

На нечётных страницах книги (с. 3–121), в нижнем правом углу, по одной букве пять раз написано: «Антон Чехов». На корешке оттиск: «Гамлет».

Пометы в тексте.

Стр. 25. Подчёркнуто синим карандашом:

«О еслиб вы, души моей оковы,
Ты, крепко сплоченный состав костей,
Испарился в туман, ниспал росю!
Иль еслиб ты, Судья земли и неба,
Не запретил греха самоубийства!
О Боже! Боже!»

Стр. 26. Подчёркнуто простым карандашом:

«Ничтожность, женщина твое название!»

Стр. 26. Подчёркнуто простым карандашом:

«Тут нет добра, и быть его не может!

Скорби, душа моя! уста должны молчать!»

Стр. 28. Подчёркнуто простым карандашом:

«Да, он

Был человек, во всем значеньи слова.

Мне не найти подобного ему».

Стр. 34. Подчёркнуто простым карандашом:

«Родителя вооруженный дух!

Неловко что-то здесь: я злые козни

Подозреваю. <...>

Злодейство выступит на свет дневной,

Хоть целой будь засыпано землей».

Стр. 38. Подчёркнуто простым карандашом:

«<...> не говори, что мыслишь <...>»

Стр. 44. На полях слева отмечены вертикальной чертой простым карандашом строки:

«Хоть будь оно клеймо слепой природы

И сам он будь так чист, как добродетель,

С безмерно благородною душой.

Пылинка зла уничтожает благо».

Стр. 45. Отмечено вертикальной чертой:

«Во тьму ночей вселяя грозный ужас,

И нас, слепцов среди природы, мучишь,

Для наших душ недостижимой мыслью!»

Стр. 46. Подчёркнуты простым карандашом строки:

«Чего бояться?

Мне жизнь моя ничтожнее булавки <...>»

Далее отмечены вертикальной чертой строки:

«Подумайте! Одна пустыня места,

Сама собой, готова довести

К отчаянью, когда посмотришь в бездну,

И слышишь в ней далекий плеск волны».

Стр. 47. Подчёркнуты простым карандашом и отмечены вертикальной чертой строки:

«Судьба меня зовёт!

В малейший нерв она вдохнула крепость

Льва африканского!»

Стр. 50. Отмечены вертикальной чертой строки:

«Скажи скорей! На крыльях,

Как мысль любви, как вдохновенье быстрых <...>»

Стр. 52. Подчёркнуты простым карандашом строки:

«Не потерпи, чтоб Дании престол

Кроватью был для гнусного разврата.

Но как бы ты ни вздумал отомстить.

Не запятой души: да не коснется
Отмщенья мысль до матери твоей!»

Стр. 53. Отмечены вертикальной чертой строки:

«Все пошлые рассказы я сотру,
Все изречения книг, все впечатленья,
Минувшего следы, плоды рассудка
И наблюдений юности моей.

Твои слова, родитель мой, один

Пусть в книге сердца моего живут <...>»

Далее отмечены тремя вертикальными чертами строки:

«Злодей! Смеющийся, проклятый изверг!

Где мой бумажник? Запишу, что можно <...>»

Стр. 55. Отмечено вертикальной чертой:

«А бедный Гамлет, – он пойдет молиться».

Стр. 56. Отмечено вертикальной чертой:

«Горацио, есть! Клянусь святым Патриком!

Обида страшная! Что до виденья <...>»

Стр. 59. Подчёркнуто простым карандашом:

«– Распалась связь времен!

Зачем же я связать ее рожден!»

Стр. 67. Отмечено вертикальной чертой:

«Мы, старики, мне кажется, готовы

Во мнениях переступить за цель,

Как юноша нередко забывает

Предусмотрительность. Пойдем же к королю.

Он должен все узнать; гораздо хуже <...>»

Стр. 79. Отмечены скобкой простым карандашом: «А право, в молодости
и я страдал от любви не мало; почти также как и он».

Стр. 82. Отмечены двумя вертикальными чертами: «Превосходная. В ней
много ям, каморок и конурок. Дания одна из худших».

Стр. 83. Подчёркнуты простым карандашом строки: «Само по себе ничто
ни дурно, ни хорошо; мысль делает его тем или другим».

Далее отмечены вертикальной чертой с двух сторон (с левой стороны –
двумя) строки: «О Боже! Я мог бы заключиться в ореховую скорлупу и счи-
тать себя королем необъятного пространства, если бы не злые сны мои».

Стр. 84. Отмечено вертикальной чертой: «<...> и поверьте, мое спасибо
еще полушкою дороже. За вами не посылали? Вы сами вздумали приехать?
Добровольно? Ну, руку на сердце! Говорите прямо».

Стр. 85. Отмечено вертикальной чертой: «<...> оставил обычные занятия,
и, точно, душе моей так худо, что это прекрасное создание – земля, кажется
мне бесплодную скалою; этот чудесный небосклон, эта величественная
кровля, сверкающая золотым огнем, – что же мне она кажется только сме-
шением ядовитых паров».

Стр. 86. Подчёркнута простым карандашом строка, и в конце её по-
ставлен восклицательный знак: «Играющий королей – добро пожаловать!»

Стр. 88. Отмечены вертикальной чертой две строки: «Не удивительно, потому что мой дядя король, и именно те, которые делали ему рожи при жизни отца моего, дают теперь <...>»

Стр. 89. Отмечены скобкой строки: «Позвольте же и вас принять на тот же манер, затем что иначе мое обращение с актерами (которое, уверяю вас, снаружи будет очень хорошо) покажется лучше, нежели с вами. Вы, – добро пожаловать, но мой дядя – отец <...>»

Далее подчёркнута строка: «<...> Я еще могу отличить сокола от цапли».

Стр. 93. Отмечены строки вертикальной чертой:

«К цареубийству. Распаленный гневом,
В крови, засохшей на его доспехах,
С огнем в очах, свирепый ищет Пирр
Отца Приама».

Стр. 95 Подчёркнута строка: «<...> он спит, когда не слышит пошлостей или непристойностей».

Стр. 96. Подчёркнуты строки: «Если обращаться с каждым по заслугам, кто же избавится от пощечины?»

Стр. 97. Отмечены две строки вертикальной чертой:

«Какой злодей, какой я раб презренный!
Не дивно ли: актер, при тени страсти <...>»

Стр. 98. В строке «Боюсь за короля промолвить слово» подчёркнуты слова «промолвить слово».

Далее подчёркнуты строки:

«Я голубь мужеством, во мне нет желчи,
И мне обида не горька <...>»

Далее отмечены вертикальной чертой три строки:

«Кровавый сластолюбец! Лицемер!
Бесчувственный, продажный, подлый изверг! –
Глупец, глупец! Куда как я отважен!»

Последняя строка подчёркнута.

На этой же странице в строке: «Нет, стыдно, стыдно! К делу, голова!» подчёркнуты слова «К делу, голова».

Стр. 99. Отмечены вертикальной чертой следующие строки:

«Я слаб и предан грусти; может статься,
Он, сильный над скорбящею душой,
Влечет меня на вечную погибель.
Мне нужно основание потверже».

Стр. 103. Слева вертикальной чертой отмечены последние строки:

«Быть, иль не быть? Вот в чем вопрос!
Что благороднее? Сносить ли гром и стрелы
Враждующей судьбы, или восстать <...>»

Стр. 104. Подчёркнута строка:

«Вот от чего беда так долговечна!»

Отмечены вертикальной чертой следующие строки:

«Кто снес бы бич и посмеянье века,
Бессилие прав, тиранов притеснение,

Обиды гордого, забытую любовь.
Презренных душ презрение к за-
слугам,
Когда бы мог нас подарить по-
коем
Один удар? Кто нес бы бремя
жизни <...>»

Далее в строках: «Страна безвест-
ная, откуда путник / Не возвращался
к нам, – смущает волю» подчёркнуты
слова: «откуда путник / Не возвра-
щался к нам».

На полях слева около этих слов
написано рукой А.П.Чехова: «а тень?»

На этой же странице подчёркнуты
следующие строки:

«Так всех нас совесть обращает
в трусов,

Так блекнет в нас румянец силь-
ной воли,

Когда начнем мы размышлять;
слабеет,

Живой полет отважных предпри-
ятий

И робкий путь склоняет прочь
от цели».

Стр. 106. Подчёркнута строка: «Прежде это был парадокс, теперь это
аксиома».

Стр. 107. Подчёркнута фраза: «Зачем рождать на свет грешников?»

На полях справа против фразы: «Я горд, я мстителен, честолюбив <...>»
написано рукой А.П.Чехова: «неправда».

Далее подчёркнута фраза и отмечена вертикальной чертой: «Мы обман-
щики, все до одного <...>»

И далее в строках: «<...> будь чиста как лед, бела как снег, ты не уйдешь
от клеветы» подчёркнуты слова: «ты не уйдешь от клеветы».

Стр. 108. Вертикальной чертой отмечены первые две строки: «<...>
если ты хочешь непременно выйти замуж, выбери дурака; умные люди
знают слишком хорошо, каких чудовищей вы из них делаете».

На этой же странице вертикальной чертой отмечены строки: «<...> при-
творяетесь, будто всё это от незнания, – а оно просто легкомысленность.
Подите! Ни слова! Это свело меня с ума. Я говорю у нас не будет больше
браков; которые уже женились, пусть живут, все, кроме одного; остальные
останутся <...>»

В этих строках подчёркнута фраза: «Это свело меня с ума».

И далее на этой странице отмечены вертикальной чертой слова Офелии:

А.С.Лазарев (Грузинский). 1880-е гг.

«О, что за благородный омрачился дух!
Язык ученого, глаз царедворца,
Героя меч, цвет и надежда царства,
Ума и нравов образец, – всё, всё погибло!
А мне, ничтожнейшей, мне суждено,
Весь нектар клятв его вкусивши, видеть,
Как пала мощь высокого ума,
Как свежей юности краса погибла,
Цветок весны, под бурю увядший!
О горе мне! Что видела я прежде,
И что теперь!»

Стр. 110. Отмечены скобкой две строки:
«Быть так; безумству знатного не должно
Блуждать без стражи».

Стр. 111. В предложении: «О, мне всегда ужасно досадно, если какой-нибудь дюжий, длинноволосый молодец разрывает страсть в клочки, чтобы греметь в ушах райка <...>» подчёркнуты слова: «разрывает страсть в клочки».

И далее в предложении: «Такого актера я в состоянии бы высечь за его крик и натяжку» подчёркнуты слова: «Такого актера я в состоянии бы высечь».

Стр. 113. Отмечены скобкой две строки:

«Горацио, ты честный из людей,
С которыми случалось мне сдружиться».

Стр. 114. Отмечены вертикальной чертой следующие строки:

«Дай мужа мне, которого бы страсть
Не сделала рабом, и я укрою
Его в души моей святейших недрах,
Как я укрыл тебя. – О сем довольно. –
Пред королем сыграю ночью пьесу;
Одна из сцен похожа на кончину <...>»

Стр. 118. Отмечены справа вертикальной чертой следующие строки:
«Так можно надеяться, что память великого человека переживет его целым полугодом!»

Стр. 121. Подчёркнута строка:

«Оно [намеренье] всегда есть раб воспоминанья <...>»

На этой же странице отмечены скобкой слева фиолетовыми чернилами две последние строки:

«На что решились мы в минуту страсти,
Со страстью и умрет. Порыв восторга <...>»

Стр. 122. Отмечены скобкой слева фиолетовыми чернилами две строки:

«Где громко изливается восторг,
Там и тоска льет слезы не в тиши <...>»

Далее простым карандашом подчёркнута фраза:

«...любовь ли счастье,
Иль счастье ведет с собой любовь?»

На этой же странице отмечены скобкой слева фиолетовыми чернилами следующие строки:

«А обратиться к кому-нибудь в нужде,
Он вдруг в врага преобразится».

Стр. 126. Против строки: «Всесовершеннейший – попугай» рядом со словом «попугай» в скобках фиолетовыми чернилами рукой А.П.Чехова написано: «(осел)».

Стр. 127. Слева вертикальной чертой отмечены слова:

«Так значит, он –
(Входят Розенкранц и Гильденштерн)
не нравится ему».

Стр. 128. Отмечена скобкой справа следующая фраза: «<...> известить об этом доктора, потому что если я пропишу ему лекарство, так желчь его разольется может быть еще больше».

Стр. 129. Подчёркнута фраза Гамлета: «Мой ум болен».

Стр. 130. Отмечена скобкой слева фиолетовыми чернилами фраза: «Как может это быть, когда сам король назначил вас наследником датского престола?»

Стр. 131. В предпоследней строке: «Видишь ли, какую ничтожную вещь ты из меня делаешь?» подчёркнуты слова: «Видишь ли».

Стр. 133. Слева вертикальной чертой отмечены следующие строки:

«Вот час духов! Гробы стоят отверсты,
И самый ад на мир заразой дышет.
Теперь отведасть бы горячей крови,
Теперь удар бы нанести, чтоб дрогнул
Веселый день, но к матери пора <...>»

В этих строках подчёркнута фраза: «И самый ад на мир заразой дышет».

Далее на этой же странице подчёркнута строка: «Будь человечески жесток, о Гамлет <...>»

Стр. 136. Отмечены справа карандашом две строки:

«Тому не быть! Я все еще владею
Всем, что́ меня к убийству повлекло <...>»

Стр. 142. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«А я сломя его, когда оно не вовсе
Преступным навыком закалено <...>»

Стр. 143. На полях справа вертикальной чертой отмечены строки:

«Цветет болезнь; в твоих устах, о мать,
Обет при брачном алтаре стал ложен,
Как клятва игрока; о, твой поступок
Исторг весь дух из брачного обряда <...>»

В этих строках подчёркнуто: «о, твой поступок / Исторг весь дух из брачного обряда <...>»

Далее на полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Горит чело небес, земли твердыня
При мрачной думе о твоих делах
Грустна, как в день перед судом последним!»

Стр. 144. В строке: «Но эта чувственность, – она больна!» подчёркнуты слова: «Но эта чувственность».

Далее в строках:

«Чтоб здесь избрать. Какой же черный демон
Толкнул тебя, играя в эти жмурки?» подчёркнуты слова: «Какой же черный
демон / Толкнул тебя, играя в эти жмурки?»

Справа и слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Здоровый чувств малейшая частица
Не промахнулась бы так жестоко!
Где ж твой румянец, стыд? Когда ты можешь,
Лукавый ад, гореть в костях матроны,
Так пусть как воск растопится стыдливость
Горячей юности в твоём огне!
Не восклицай: "о стыд!" когда взиграет
Младая кровь; здесь вспыхнул снег холодный
И разум волю соблазнил!»

В этом тексте подчёркнута строка: «Здоровый чувств малейшая частица». Здесь же в слове «здоровый» зачёркнута буква «й», над ней карандашом рукой А.П.Чехова написано «хъ», то есть слово «здоровый» исправлено на «здоровых». В конце этой же строки после слова «частица» поставлен вопросительный знак «?»

Стр. 146. Рядом со строкой: «За то, что он не внял минуте страсти» справа карандашом рукою А.П.Чехова написано: «неверный перевод».

Далее косой чертой справа отмечена строка: «Угасший замысел должно воспламенить».

Стр. 147. Вертикальной чертой слева отмечены строки:

«Смягчит мое суровое решенье,
И я его не совершу; быть может
Слеза, не кровь, моею мезтью будет».

Отмечены скобкой слева строки:

«Душа сильна в созданных бестелесных,
Когда рассудок омрачен».

Стр. 148. Вертикальной чертой слева отмечены строки:

«Мой пульс, как твой, играет в стройном такте;
Его мелодия здорова, как в твоём.
Мои слова не бред души безумной.
Угодно ли? Я повторю их снова;
Безумие отпрянуло бы прочь. –
Спасением души я заклинаю!»

Далее вертикальной чертой слева отмечены следующие строки:

«Поведай Господу твои грехи;
Покайся в том, что совершила ты,
И отврати грядущее молитвой.
Не удобряй негодную траву,
Чтоб не росла она в избытке силы.
А мне – прости мою мне добродетель!
В наш злой, развратный век и добродетель
Должна просить прощенья у порока;

Да, ползать и молить, чтоб он позволил ей
Творить ему добро».

В этом тексте подчёркнуты строки: «В наш злой, развратный век и добродетель / Должна просить прощенья у порока».

Стр. 149. Вертикальной чертой слева отмечены строки:

«Она чудовище, она как дьявол

Сознание зла в душе уничтожает <...>»

Далее подчёркнута строка:

«Чтоб я тобой, а ты был мной наказан <...>»

Далее вертикальной чертой слева отмечены строки:

«За эту смерть ответ я дать сумею.

Я приберу его. Покойной ночи!

Я был жесток, но это от любви.

Зло сделано, – но худшее нас ждет».

Стр. 150. В строках:

«Такие вещи скрыть от крокодила,

От жабы, от змеи? И кто их скрыл бы?» подчёркнуты слова: «от крокодила, / От жабы, от змеи?»

Далее подчёркнута строка:

«Я доверяю им как двум ехиднам».

Стр. 151. Вертикальной чертой слева отмечены строки:

«Как инженер взлетит с своим снарядом.

Под их подкоп, когда я не обчелся,

Я подведу другой, аршином глубже,

И он взорвет их до луны. О! Как отрадно

Столкнуть две силы на одном пути!»

Стр. 153. Вертикальной чертой слева отмечены строки:

«Его безумство оказалось чистым,

Как искра золота в грубой руде:

Он слезы льет о том, что совершил».

Стр. 159. Справа скобкой отмечены строки: «<...> а себя для червей. Жирный король и тощий бедняк – только различные кушанья, два блюда для одного стола. Этим всё кончается».

Стр. 165. Вертикальной чертой слева отмечены строки:

«Она горит внутри, когда снаружи

Причины к смерти нет. Благодарю Вас».

Стр. 166. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Как всё винит меня! Малейший случай

Мне говорит: проснись, ленивый мститель!

Что человек, когда свое всё благо

Он полагает в сне? Он зверь, и только.

Кто создал нас с такою силой мысли <...>»

В этом тексте подчёркнуты слова: «ленивый мститель!»

Далее вертикальной чертой отмечены строки:

«Или желание узнать конец

Со всей подробностью, – (а в этой мысли <...>»

Далее вертикальной чертой отмечены следующие строки:

«Тот истинно, кто без великой цели
Не восстает, но за песчинку бьется на смерть,
Когда задета честь. Каков же я <...>»

Стр. 169. В строке: «Грех боязлив; страшась везде измены <...>» подчёркнуты слова: «Грех боязлив».

Стр. 175. Двумя вертикальными чертами слева отмечены строки:

«Гран спокойной крови
Изобличит во мне дитя порока,
Стыдом покроеет честь отца,
Клеймом разврата запяtnает мать!»

Стр. 176. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Я вечному проклятию смеюсь, –
Так далеко зашел я, – оба мира
Зову на бой, и будь со мной, что будет!
Я одного хочу: кровавой мести
За смерть отца».

Далее на полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Моя, а не вселенной воля!
Я с средствами ничтожными сумею
Свершить великое».

Стр. 182. В предложении: «Наш корабль шел не довольно быстро, и нам пришлось по неволе быть храбрыми» подчёркнуты слова: «и нам пришлось по неволе быть храбрыми».

Стр. 184. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Причина, что я скрыл его проступок, –
Народа сильная к нему любовь.
Она с него смывает все пороки,
И из цепей творит благодеянья.
Моя стрела легка в такую бурю;
Ее вонзил бы ураган в меня <...>»

Далее вертикальной чертой слева отмечены строки:

«Не почитай меня довольно слабым,
Чтоб я опасность допустил схватить
Меня за бороду и счел бы это шуткой.
Ты вскорости, Лаерт, услышишь больше».

Стр. 187. Слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Гамлет бывал притом, и ни один
Из всех даров твоих не возбуждал
В нем столько зависти, как этот дар,
По моему последний».

В этом тексте подчёркнуты слова: «В нем столько зависти».

Стр. 188. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Яд зависти разлил в душе Гамлета;
Он только и желал, чтоб ты скорее
Приехал к нам, чтобы с тобой сразиться».

Из этого....»

Далее отмечены скобкой следующие строки:

«Иль ты как скорбь на мертвом полотне,

Лице без сердца?»

Стр. 189. Слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Когда ты что нибудь готов свершить,

Свершай, пока на то согласна воля.

Она изменчива, ослабнуть ей легко,

Легко уснуть от тысячи советов <...>»

Стр. 190. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Когда мы плохо разыграем роли

И сквозь игру проглянет наша мысль <...>»

Стр. 191. Слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Так лучше бы не начинать. Нам должно

Иметь другой в резерве нашем план».

Стр. 194. В последнем абзаце подчёркнута строка: «<...> знатным господам и вешаться и топиться сручнее».

Стр. 197. Справа двумя вертикальными чертами отмечено предложение: «Так обыкновенно бывает: чем меньше рука работает, тем нежнее у нее чувство». В этом предложении подчёркнуты слова: «чем меньше рука работает, тем нежнее у нее чувство».

Далее на полях справа вертикальной чертой отмечены строки: «Или придворного, которому ничего не стоило говорить: доброго утра, ваше высочество! Позвольте пожелать вам всевозможного счастья! Он мог быть черепом господина А, который хвалил лошадь господина В, потому что ему хотелось получить ее в подарок. Не так ли?»

Стр. 198. Справа вертикальной чертой отмечены строки: «Вот еще один. Почему не быть ему черепом приказного? Где теперь его кляузы, ябедничество, крючки, взятки? Зачем терпит он толчки этого грубияна, и не грозитя подать на него жалобу о побоях? Гм! Этот молодец был, может статься, в свое время ловким прожектером, скупал и продавал имения. А где теперь его крепости, векселя и проценты? Неужели всеми купчими купил он только клочок земли, который могут покрыть пара документов? Все его крепостные записи едва ли поместились бы в этом ящике, а самому владельцу досталось не больше пространства? А?»

Стр. 199. Слева вертикальной чертой отмечены строки: «Телята же и бараны те, кто полагается на пергамент. – Заговорю с этим молодцом. – Эй, чья эта могила?» В этом тексте подчёркнута первая строка: «Телята же и бараны те, кто полагается на пергамент».

Стр. 200. Справа скобкой отмечены следующие строки: «<...> так помещан на островах, что всё острит: и крестьянин и писатель, только первый обыкновенно удачнее. Как давно ты могильщиком?»

Стр. 203. Справа скобкой отмечены строки: «<...> костяной улыбкой? Всё пропало. Иди же теперь в будуар знатной дамы и скажи ей, что если она хоть на палец наложит румян, лицо ее будет наконец таким же. Заставь ее посмеяться этому! – Сделай милость, Горацио, скажи мне только это».

Стр. 204. Справа скобкой отмечены строки: «<...> вероятности. Например: Александр умер, Александр похоронен. Александр сделался прахом; прах земля; из земли делается замазка, и почему же бочке не быть замазанной именно прахом Александра?»

Стр. 208. Подчёркнута последняя строка:

«Я разглагольствовать умею как и ты».

Стр. 209. Слева двумя вертикальными чертами отмечены первые строки:

«Гамлет безумствует; но не надолго

Припадок бешеный им овладел.

Мгновение, и он как голубица,

Родив на свет детей золотоперых,

Опустит крылья на покой».

Стр. 210. На полях слева двумя вертикальными чертами отмечены строки:

«(И быстрому решению спасибо!

Нас иногда спасает безрассудность,

А план обдуманый не удаётся;

Есть божество, ведущее нас к цели,

Какой бы путь ни избирали мы) <...>»

Стр. 211. Слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Мой страх изгнал всю скромность из души,

И смело вскрыл я короля приказ.

Я подлость царскую нашёл, Горацио <...>»

И далее вертикальной чертой отмечены последние строки:

«Я не успел и с мыслями собраться,

Как план уже созрел. Я сел к столу <...>»

Стр. 213. Слева скобкой отмечены строки:

«Бросается в середину меж мечей

Бойцов сильнейших».

Далее скобкой слева отмечены строки:

«Теперь довольно ли меня задели?

Тому, кто отравил отца-монарха,

Кто мать развратил, кто ловко втерся

Между избраньем и моей надеждой,

Кто так хитро свои забросил сети

На жизнь мою, – с ним рассчитаться <...>»

Стр. 214. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Но промежуток мой. Жизнь человека

Быстра, – и одного счесть не успеешь.

А жаль мне, друг Горацио, что с Лаертом

Я так забылся; в жребии его

Я вижу мой. Его я уважаю <...>»

В этом тексте подчёркнуты слова: «в жребии его / Я вижу мой».

Далее подчёркнуты строки:

«Но право, друг, риторика печали

Меня взбесила».

Стр. 215. Справа вертикальной чертой отмечены строки: «<...> и очень плодородной; пусть скот будет царем скотов, ясли его будут стоять на ряду с царским столом. Это сорока, но, как я уже сказал, владыка огромного пространства грязи».

Стр. 216. В третьем абзаце в словах Озрика подчёркнута фраза: «<...> он образец хорошего тона <...>»

Стр. 217. Справа на полях отмечена фраза: «Кошелек его уже опустел; все золотые слова растрочены».

Далее слева вертикальной чертой отмечены строки: «Желательно, чтобы вы это знали, хоть оно мне не много принесет чести. – Продолжайте».

Стр. 218. В строках: «Этим знанием я не могу похвалиться, чтоб не равнять себя с ним; знать совершенно другого, значит знать самого себя» подчёркнута фраза: «знать совершенно другого, значит знать самого себя».

Рядом с этой фразой простым карандашом рукою А.П.Чехова написано: «Значит мы в других можем знать только себя. И не больше? Странно... Обыкновенно человек знает себя меньше всего». В слове «всего» двумя черточками подчеркнута буква «е» и стоит крестик со скобкой; внизу страницы рукою Михаила Павловича Чехова написано: «Прежде чем критиковать Шекспира, надо познакомиться с русск[ой] грамматикой».

Стр. 219. Во фразе Озрика: «Принадлежности, принц, – портепеи» слово «портепеи» исправлено на «портупеи».

Стр. 220. Справа скобкой отмечены строки: «К вашим услугам. – Он хорошо делает, что поручает сам себя моей милости; ничей язык не постарался бы об этом».

Далее скобкой справа отмечены строки: «Он, как и многие того же разбора, в которых влюблен пустой век, поймали только наружность разговора, – род шипучего газа, вылетающего посреди глупейших суждений; а коснись их для опыта, – и пузыри исчезли».

В этом тексте подчёркнута строка: «в которых влюблен пустой век».

Стр. 222. На полях слева скобкой отмечены строки: «Однако, ты не можешь себе представить как мне тяжело на сердце. Да это вздор».

Далее подчёркнута фраза: «Никто не знает, что теряет он; так что за важность потерять рано?»

Стр. 223. Слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Поступок мой, так грубо оскорбивший
Твою природу, сердце, чувство чести,
Он был, – я объявляю здесь, – безумство.
Лаерта Гамлет оскорбил? О, нет!
Когда Гамлет, раздвоенный в душе,
И сам не свой, Лаерта оскорбляет,
Не Гамлет то! Не он нанес обиду,
Его безумие. И если так,
То он и сам обижен глубоко:

Безумство враг несчастному Гамлету».

В этом тексте подчёркнута фраза: «Безумство враг несчастному Гамлету».

Стр. 224. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:
«Я лавровый венок тебе, Лаерт.
Как яркая звезда во тьме ночной,
В моем незнании блеснет твое искусство».

Стр. 230. Слева на полях остались следы надписи стёртого резинкой карандаша, которым были отмечены следующие строки:

«Здесь, Гамлет. Гамлет, ты убит!
Тебя спасти нет средства во все-
ленной;
В тебе нет жизни и на полчаса;
Клинок изменника в твоей руке, –
Он отравлен и остр. Мое злодей-
ство

Сразило самого меня! Смотри:
Я пал, лежу, – и мне уже не встать!
И мать отравлена, – не в силах
больше....

Король, король всему виной».

На этой же странице ниже стёрты две строки карандашной надписи, сделанной наискось слева над строками:

«Допей же яд, кровосмеситель подлый!
А жемчуг здесь? – Ступай за королевой.
(Король умирает.)».

Стр. 231. Слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Я за тобой. – Горацио, я умираю.
Царица бедная, прощай. Вы бледны <...>»
И далее отмечены строки:

«О Боже! – Друг, как черен будет Гамлет,
Когда всё так останется безвестным!»

Внизу на странице тоже стёрта резинкой карандашная запись.

Стр. 232. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«И если ты меня любил, – постой,
Не отворяй себе врата блаженства,
И пострадай еще в ничтожном мире <...>»

В этом тексте подчеркнуты слова: «в ничтожном мире».

Стр. 234. На полях слева вертикальной чертой отмечены строки:

«Вам тот дал голос свой, за кем всё царство
Признает вас царем. Но к делу, к делу!»

А.П.Чехов. 1889 г.

Шекспировский текст, отмеченный Чеховым на многих страницах книги, вероятно, предполагалось включить как монологи и реплики для действующих лиц пьесы «Гамлет, принц датский».

К сожалению, рукопись Чехова не сохранилась, также не сохранилась и рукопись Лазарева (Грузинского). Возможно, когда-нибудь будут обнаружены рукописи А.П.Чехова и А.С.Лазарева (Грузинского). Ведь была же найдена беловая рукопись рассказа А.П.Чехова «Невеста» более чем через 50 лет.

«Какое наслаждение уважать людей!»

доклад А.В.Ханило
на Международном форуме русистов, г. Евпатория

В последнее время в литературоведении, и в частности в чеховедении, появилась такая тенденция – разбирать и анализировать не творчество писателя, а его личную жизнь. Такой анализ авторы проделывают во всех литературных жанрах: в драматургии, в прозе и даже в поэзии.

Почему кому-то хочется или хотелось бы, чтобы Чехов непременно женился на Лике Мизиновой, другие желали бы видеть его женой писательницу Лидию Алексеевну Авилову. И уж ни в коем случае не Ольгу Леонардовну Книппер. Кстати сказать, в статьях, исследованиях, публикациях достаётся не только Ольге Леонардовне, но и родной сестре Чехова – Марии Павловне.

Не хотелось бы называть имена этих исследователей, хоть их и довольно много и в Украине, и в России, и за рубежом.

А между тем мне хочется сказать, что нам всем, кто занимается Чеховым, надо поклониться земным поклоном и Марии Павловне и Ольге Леонардовне. Это они сохранили неизданные произведения Чехова, его архив, его многочисленные письма друзьям, родственникам, знакомым. Не ошибусь, если скажу, что эти две замечательные женщины на много лет продлили жизнь А.П.Чехова, благодаря им он стал нашим современником, близким и дорогим человеком многим поколениям людей, влюблённым в литературу. Можно ли сейчас представить себе чеховедение без писем А.П.Чехова, без писем Марии Павловны, без писем Ольги Леонардовны?

Помню французскую газету, в которой автор статьи обрушился на В.И.Немировича-Данченко, К.С.Станиславского и, конечно же, на О.Л.Книппер, обвиняя их в бесчеловечности по отношению к А.П.Чехову, которым не нужен был Антон Павлович как человек, он был им нужен только как драматург, вернее сказать, автомат, который должен был писать пьесы для их театра, и неважно, что он тяжело болеет, им нужны пьесы и пьесы...

А ведь когда провалилась «Чайка» в Петербурге в 1896 году на сцене Александрейского театра, Чехов на второй день, 18 октября, писал А.С.Суворину: «<...> Никогда я не буду ни писать пьес, ни ставить», и через две недели, 2 ноября, снова в письме к А.С.Суворину: «<...> Да, проживу 700 лет и не напишу ни одной пьесы. Держу пари на что угодно. <...>»

И вернул нам Чехова-драматурга именно В.И.Немирович-Данченко. Он долго уговаривал Чехова и убедил его дать «Чайку» для постановки на сцене Московского Художественного театра, он возродил «Чайку». А Ольга Леонардовна стала одной из выдающихся исполнительниц женских ролей в пьесах Чехова.

Каждый волен писать что хочет, имеет право на художественный вымысел. Но о реально существующих исторических личностях надо бы говорить тактичнее.

Всем хорошо известна пьеса Леонида Малюгина «Насмешливое моё счастье». Пьесу он писал специально для театра имени Евгения Вахтангова и заранее знал, какую роль какой артист будет исполнять. Как когда-то Чехов писал «Три сестры», где роль Маши предназначалась для Ольги Леонардовны Книппер.

В 1966 году Малюгин отдыхал в Ялте, пришёл к нам в музей, чтобы рассказать о своей пьесе. Мы оказали ему очень достойный приём. Разрешили прочитать нам пьесу не в зале литэкспозиции, а в гостиной чеховского дома. Он прочитал нам пьесу полностью. Меня, мягко говоря, удивило название пьесы, и я спросила, почему он так её назвал. Ответил: «Очень просто, насмешливое счастье заключается в том, что Чехов любил Лику Мизинову, а женился на Ольге Леонардовне Книппер». Я возразила – ведь эти слова Чехова никакого отношения не имеют ни к Лике, ни к О.Л.Книппер.

Напомню, откуда эта чеховская фраза. В апреле 1890 года писатель отправился на остров Сахалин. 14–17 мая посылает письмо своим родным, в котором описывает подробности тяжёлой дороги на лошадях, как столкнулся его возок с почтовой тройкой и как он едва успел отскочить в сторону, а на другой день чуть не утонул в бурной реке во время сильного ветра. Это описание он заключает словами: «Нехорошее, насмешливое мое счастье!»

Драматург Малюгин дал нам понять, что ему очень нравится Лика и совсем не симпатична О.Л.Книппер. Хорошо зная московские театры, спросила, кто будет играть Лику, он ответил: Юлия Борисова. И сразу стало ясно: все симпатии зрителей будут на стороне Борисовой (она только что потрясла зрителей в фильме «Идиот» по роману Ф.М.Достоевского, где играла Настасью Филипповну). Ольгу Леонардовну, по желанию драматурга, должна была исполнять Елена Добронравова, хорошая актриса, но она совсем не такого характера, как Ольга Леонардовна, сразу чувствовалась предвзятость автора пьесы к жене Чехова. Этот спектакль был выдвинут на соискание Государственной премии. Но премию не присудили.

При жизни А.П.Чехова Иван Алексеевич Бунин в Ялте, в Гурзуфе и в Москве общался с Ольгой Леонардовной, и тогда она казалась ему достойной Чехова и очень привлекательной. В апреле 1902 года он подарил ей свою фотографию с надписью в левом верхнем углу: «О.Л.Книппер – И.А.Бунин», и дальше стихи: «О, Весна, как сердце счастья просит! Как сладка печаль моя весной! Ив. Бунин».

Эта фотография долгие годы хранилась у Ольги Леонардовны в её московской квартире. После её смерти я выпросила фотографию у Л.К.Книпп-

М.П.Чехова и И.А.Бунин

пер, племянника Ольги Леонардовны, и сейчас она находится в ялтинском Доме-музее А.П.Чехова.

Как-то в Ялту, уже после смерти Марии Павловны, приехал Виктор Борисович Шкловский. Он рассказал нам о своей поездке во Францию и о встрече с И.А.Буниным. Поведал, как ревниво встретил Бунин его рассказ о ялтинском музее Чехова и о самой Марии Павловне. В те годы вышли воспоминания Л.А.Авиловой о Чехове. Шкловский об этом рассказал Бунину, на что тот ответил: «Наконец я узнал имя женщины, которую любил Чехов».

Шкловский объяснил ему, что по поводу этих воспоминаний Мария Павловна опубликовала большую статью в «Литературной газете», в ней она писала, что многое в воспоминаниях не соответствует действительности. Вряд ли Чехов объяснялся Авиловой в любви. В 1904 году, после смерти Антона Павловича, Авилова прислала письмо Марии Павловне, в котором писала: «Я не знаю, как Антон Павлович относился ко мне, и я не знаю, почему называл меня матушкой». Тогда, видимо, это была правда. На это Бунин ответил Шкловскому: «Подумаешь, Мария Павловна, со всей мещанской стыдливостью».

Авилова же, вероятно, ко времени написания своих воспоминаний, забыла об этом письме, и ей уже казалось, что была любовь к ней со стороны Чехова.

Реплика Бунина о «мещанской стыдливости» Марии Павловны очень удивляет: он долго жил у Чехова и в Ялте, и в Гурзуфе, пользовался гостеприимством Антона Павловича и Марии Павловны, и тогда они для него не были мещанами. Из ялтинского дома Бунин писал брату: «У Чеховых – я как родной».

Кстати сказать, у Антона Павловича никогда не было фотографии Авиловой.

В одной довольно современной газетной статье прочитала такую фразу: «По какому праву Мария Павловна вырезала строки из писем Антона Павловича?» Вероятно, имела право. Шесть томов писем Антона Павловича, подготовленные Марией Павловной, вышли в свет с 1912 по 1916 годы. В это время ещё были живы люди, о которых шла речь в письмах. Мария Павловна не хотела кого-то обидеть. А если говорить о праве Марии Павловны, то право она имела. Ведь ещё в 1891 году (21 ноября, письмо А.И.Смагину) Чехов писал: «<...> Марья Павловна у нас главная <...> Я полагаюсь во всем на нее <...>» Перед самым отъездом на Сахалин 15 апреля 1890 года А.С.Суворину, как завещание, писал: «<...> В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что всё, что я имею и могу иметь

в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги. <...>»

Мария Павловна имела полное право распорядиться по своему усмотрению письмами Чехова. Ведь брат Левитана сжёг письма Исаака Ильича! Мария Павловна поступила мудро, она сохранила все письма. Никто не имеет права её осуждать. Ольга Леонардовна не хотела публиковать письма Антона Павловича к ней. Мария Павловна уговорила её отдать их в печать. Это было не просто для Ольги Леонардовны, но она сумела переступить через себя, и мы должны быть очень благодарны ей за это. Вспомните, сколько было недоброжелательных отзывов в её адрес, когда появились в печати эти письма. Но письма нужно просто читать, а не выискивать в них какие-то тёмные пятна из жизни Чехова и его жены.

В статьях и даже в стихах некоторые авторы позволяют себе бестактные выпады по отношению к жене писателя. Хочется вспомнить слова Ф.И.Шаляпина, который сказал: «Когда толпа не может возвыситься до гения, она его принижает до себя».

Приведу в пример слова очень талантливого актёра и мудрого человека И.М.Смоктуновского. В 1974 году мы закрыли музей на капитальный ремонт и реставрацию, которые продолжались шесть с половиной лет. В 1975 году в октябре у нас открылись очередные Чеховские чтения. Московский Художественный театр готовился к своему 80-летию юбилею (1978 год). Принято было решение поставить пьесу Чехова «Иванов», главную роль в которой должен был исполнять И.М.Смоктуновский – актёр, который всегда необыкновенно серьёзно подходил к своим ролям. Труппа приехала к нам на чтения, чтобы послушать доклады. В те годы у нас на чтениях выступали известные чеховеды: З.С.Паперный, В.И.Кулешов, Э.А.Полоцкая, В.Б.Катаев, А.П.Чудаков, М.Н.Строева, В.Я.Лакшин, А.П.Кузичева, Т.К.Шах-Азизова и др. В ялтинском музее Смоктуновский не был, не мог посмотреть его и в этот раз. Музей реставрировался, и все вещи находились в зале литэкспозиции. В те годы я была Главным хранителем музея, вещи разместили так, чтобы можно было осмотреть письменный стол Чехова, его библиотеку и другие экспонаты. В книжном шкафу Чехова книги стояли в следующем порядке. На первой полке: 10 томов Л.Н.Толстого, 10 томиков А.С.Пушкина и 10 томов И.С.Тургенева, а перед ними впереди стояли маленькие книжеч-

«Иванов».

В роли Иванова – И.М.Смоктуновский

ки – молитвенники на разных языках и Новый Завет. На них сразу обратил внимание Смоктуновский и задал вопрос чеховедам: «Как Чехов относился к религии, и был ли он верующим человеком?» Ему ответили, что Чехов был атеист. Меня несколько удивил этот ответ, и я подумала, что надо И.М. показать иконы Чехова и сказать ему правду. Но это был атеистический 1975-й год, и открыто говорить было нельзя. Тихонько я попросила И.М. остаться в зале, когда все выйдут. Мы с ним остались, я закрыла дверь на ключ, подвела его к «многоуважаемому шкафу», в котором хранились главные чеховские иконы – Николай Чудотворец, семейная реликвия Господь Вседержитель, и Шуйская-Смоленская Богородица.

Икона Господь Вседержитель всегда висела в спальне Чехова. Её заказал отец Чехова Павел Егорович в 1862 году. На ней изображены святые, имена которых носит семья Чеховых: апостол Павел, преподобная Евгения, святой князь Александр Невский, святой Антоний и Иоанн Креститель. На иконах нет святых, в честь которых даны имена дочери Марии и сыну Михаилу – они родились позже 1862 года.

Ещё в музее хранятся маленькие иконки, которые Чехов привозил из монастыря для матери, тётки Феодосьи и Марии Павловны. Показала Смоктуновскому выдержку из письма Чехова В.С.Миролюбову от 17 декабря 1901 года из Ялты: «<...> Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью... <...>» И.М. схватил меня за обе руки и сказал: «Вы даже не представляете, что вы для меня сделали. Я верующий человек, и для меня важно познать душу автора, тогда я понимаю его произведение». Заложил руку за воротник свитера, достал и показал мне маленький золотой крестик на золотой цепочке и сказал: «Доверие за доверие, только пусть это будет нашей тайной».

Это история имела продолжение. В феврале 1978 года я была в Москве и смотрела «Иванова» в Художественном театре. Главная сцена МХАТ(а) была закрыта на капитальный ремонт, и спектакль проходил в новом здании театра на Тверской.

В антракте ко мне подошла секретарь О.Н.Ефремова и попросила после спектакля пройти за кулисы, там собрались чеховеды и актёры театра. За кулисами я встретила двух чеховедов-женщин, мы пошли по длинному коридору и в конце его увидели Смоктуновского. Они вскрикнули и побежали к нему, как девочки-поклонницы. Я осталась стоять на месте, ведь прошло более двух с половиной лет, и я вовсе не претендовала на то, что он меня узнает. Они стояли довольно далеко от меня и разговаривали. Я посмотрела в их сторону, мы встретились взглядами со Смоктуновским, и я поняла, что он узнал меня. Он направился в мою сторону. Подойдя, взял меня опять за обе руки и произнёс: «Милый, милый друг». Мы стояли недалеко от его гримёрной, он открыл дверь, и мы все четверо в неё вошли. На столе лежала стопка театральных программ пьесы Чехова «Иванов». Он взял одну и написал мне: «Милый, милый друг. Никогда не забуду Вашего доверия ко мне, связанного с А.П.Чеховым. И.Смоктуновский, 78». Мы вышли из его гримёрной, и мои коллеги спросили, что означает эта надпись. Я ответила,

О.Л.Книппер-Чехова. Москва, 1957 г.

что это наша тайна, и я не могу объяснить. И до 1994 года я никогда никому об этом не рассказывала. Только в Баденвейлере в 1994 году на II Международном симпозиуме я рассказала об этом автографе. И.М.Смоктунковского уже в то время не было в живых.

Мне стало ясно, что он понял Чехова по-настоящему потому, что сумел «познать его душу».

Некоторые из тех, кто пишет о Чехове, не познав его души, не понимают ни его, ни его жену. Тогда, в 1975 году, Смоктунковский прослушал все доклады чеховедов (их было около двадцати) и сделал следующий вывод: «Я внимательно прослушал все доклады и понял одно – вы также не понимаете Чехова, как и я».

В конце октября 1898 года младший брат Чехова Михаил писал Антону Павловичу: «...женись на хорошем человеке, но обязательно женись, родимладенца <...> пусть твоя будущая жена, – мне бы почему-то хотелось, чтобы это была Наташа Линтварева или А.А.Хотяинцева <...>» 26 октября Чехов ответил Михаилу Павловичу: «<...> Жениться интересно только по любви; жениться же на девушке только потому, что она симпатична, это всё равно, что купить себе на базаре ненужную вещь только потому, что она хороша. В семейной жизни самый важный винт – это любовь <...> Стало быть, дело не в симпатичной девушке, а в любимой; остановка, как видишь, за малым. <...>»

И Чехов женился на любимой. Впервые увидев её на сцене в роли царицы Ирины, он писал о ней: «<...> Голос, благородство, задушевность – так хорошо, что даже в горле чешется. <...>» (из письма А.С.Суворину от 8 октября 1898 г.).

Напомню слова из записной книжки Чехова: «Когда любишь, то какое богатство открываешь в себе, сколько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить».

Нежность и ласковость Антона Павловича постоянно присутствуют в его письмах к Ольге Леонардовне.

За полтора месяца до смерти Чехов писал в Ялту доктору Л.В.Средину (от 22 мая): «<...> Моя жена при больном муже – это золото <...> Значит, хорошо, что я женился, очень хорошо <...>».

Возвращаясь к названию статьи. Это слова Чехова: «Какое наслаждение уважать людей! Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела».

Так должны относиться к Чехову и те авторы, которые пишут о нём.

Верх бестактности, когда автор пишет плохо о жене Чехова в стихах. Такого человека нельзя называть поэтом. Настоящий поэт-лирик не может унизиться, чтобы писать неуважительно о любимой жене Антона Павловича.

Но бывают и другие восторженные люди, которые тонко чувствуют и понимают Чехова, его характер и душу.

3 декабря 2011 года я гуляла по дорожке чеховского сада. Навстречу мне шёл экскурсант, который только пришёл и ещё не осмотрел дом Антона Павловича. Мы разговорились, он задал мне вопрос о Чехове один, второй и т. д. Как он определил, что я музейный работник, не знаю. Мы проговорили

целый час. Я почувствовала увлечённость экскурсанта Чеховым и Ольгой Леонардовной. Кто он и откуда, я не знала. Потом сотрудники мне сказали, что он спросил моё имя и номер телефона. Примерно через неделю мне позвонили из Киева – это был тот самый экскурсант, сказал, что прочитал за это время много писем Чехова, его переписку с Ольгой Леонардовной. Говорил с восторгом, очень увлечённо, оказалось, он композитор, и всё это время не только читал о Чехове, но уже вместе с женой создаёт литературно-музыкальную композицию по переписке А.П. и О.Л. Мы проговорили три часа, и в конце он мне сказал название «Драматург и актриса». Потом я подумала, что такое название не подходит, оно уже использовалось.

Дней через десять они снова приехали в Ялту. В декабрьский холодный день мы встретились на набережной – я сразу предложила другое название, которое им очень понравилось, и в результате появились ноты и текст: «Александр Костин. "Антон Чехов и царица Ирина". Литературно-музыкальная композиция для чтеца, сопрано и фортепианного трио по мотивам переписки Антона Чехова и Ольги Книппер-Чеховой. Сценарий Марины Варзацкой-Костиной. Киев, 2012 год». Композиция прекрасная. 9 февраля 2012 года она была исполнена в Доме-музее Чехова в Ялте.

Ольга Леонардовна и была для Чехова как царица. Я почти 13 лет общалась с ней и в Ялте, и в Москве, была на её 90-летнем юбилее, провожала её в последний путь 22 марта 1959 года.

Я счастлива, что судьба подарила мне эти встречи. От Ольги Леонардовны исходил какой-то свет, какая-то радость жизни. Она очень любила природу – море, горы, солнце, цветы. Она была удивительным человеком, сохранила свою женственность и в девяносто лет!

Музей во время Великой Отечественной войны

Фашисты в Ялте

Великая Отечественная война – грозные, трагические годы. Сколько за ними исковерканных и погубленных судеб, сколько несбывшихся надежд и уничтоженных жизней! Ялта, по сравнению со многими другими городами и весями бескрайнего СССР, в годы войны пострадала меньше. Она не стала городом-героем, не вошла в анналы истории Великой Отечественной грандиозной операцией по героическому освобождению. Однако это не делает прошлое нашего города менее драматичным, не умаляет побед советских бойцов,

многие из которых, едва окончив школу, ушли на фронт. А для тех, кто пережил в Ялте годы войны, это тяжкое время стало самым страшным воспоминанием в жизни. Среди таких людей – Алла Васильевна Ханило, которой к началу войны было всего 13 лет. Военное поколение ялтинцев твёрдо уверено, что ничего подобного никогда не должно повториться. Но для этого надо помнить...

В середине октября 1941 года немецкие войска прорвали советские оборонительные укрепления на Перекопском перешейке и вошли в Крым, и уже в ночь с 7 на 8 ноября со стороны Гурзуфа, Красного камня и Ай-Петринской яйлы они входили в Ялту. Через некоторое время в городе появились подразделения СС и СД – началась оккупация, которая длилась 2 года и 5 месяцев. Почти за 900 дней фашистского гнёта население города уменьшилось на 26 тысяч человек, или на 71 %. 4 тысячи были расстреляны, почти 6 тысяч угнаны в Германию, 1300 мужчин заключены в концлагеря, 500 ялтинцев умерли от голода и пыток. Страшные душевные раны навсегда остались и у оставшихся в живых.

Нелегко пришлось в эти годы не только людям. Трудные времена ожидали и «Белую дачу» Антона Павловича Чехова. Ещё до начала оккупации, 23 сентября 1941 года, бессменная хранительница ялтинского Дома-музея

Чехова, сестра писателя Мария Павловна писала в Москву Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой: «Я очень страдаю и боюсь, но остаюсь на посту – никуда не уеду, потому что не представляю себя в другой роли, как только хранительницы дорогого мне памятника, да и материал переписки Ан. Павл. со мной.

По музею всё еще работаем, хотя служащие сокращены, принимаем дорогих для нас сейчас гостей изредка. Григорий Карпович ушел на фронт. Ежедневно работаем – комментируем с Иваном Михайловичем (Пронин. – А. Х.) письма, и это единственное утешение. Не везет Чехову!»

Мария Павловна так и не уехала из Ялты, проведя все годы оккупации в дорогом её сердцу музее и сумев ценой невероятных усилий сохранить его.

К апрелю 1944 года советские войска блокировали в Крыму 17-ю немецкую армию. Перейдя 9 апреля в наступление, они один за другим начали освобождать города Крыма. При подходе к Ялте части Темрюкской стрелковой дивизии вместе с партизанами спустились с Ай-Петринской яйлы. Корабли и пехота Черноморского флота пришли с моря, а из Алушты в город ворвались танки Отдельной Приморской армии.

16 апреля, в Светлое Христово Воскресение, советские воины и партизаны вошли в город. Этот день стал для многих ялтинцев больше чем праздником, ведь вместе с первым Пасхальным днём в город пришла сама Жизнь. Многие горожане встречали наших солдат словами «Христос Воскресе!», приглашали в гости, угощали хлебом и вином. В 20 часов 16 апреля 1944 года по приказу Верховного Главнокомандующего Москва салютовала освободителям Ялты 12-ю залпами из 124-х орудий.

И уже в тот же день советские воины пришли на «Белую дачу». Затаив дыхание, слушали они рассказ сестры Чехова, Марии Павловны, о жизни великого русского писателя. Среди этих необычных экскурсантов был Владимир Стеженский, ушедший на фронт 20-летним студентом Московского института истории, философии и литературы. Служил военным переводчиком, разведчиком. Прибыв в Ялту, он, конечно, не мог не посетить знаменитый дом Чехова.

Когда военные уходили, они оставили письмо, ставшее уникальным документом эпохи:

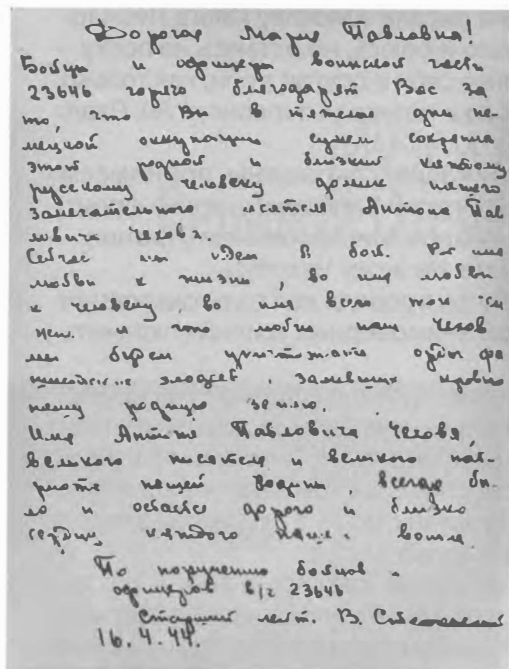
«Дорогая Мария Павловна!

Бойцы и офицеры воинской части 23646 горячо благодарят Вас за то, что Вы в тяжелые дни немецкой оккупации сумели сохранить этот родной и близкий каждому русскому человеку домик нашего замечательного писателя Антона Павловича Чехова.

Сейчас мы идем в бой. Во имя любви к жизни, во имя любви к человеку, во имя всего того, чем жил и что любил наш Чехов, мы будем уничтожать орды фашистских злодеев, заливших кровью нашу родную землю.

Имя Антона Павловича Чехова, великого писателя и великого патриота нашей Родины, всегда было и остается дорогим и близко сердцу каждого нашего воина.

По поручению бойцов и офицеров в/ч 23646 старший лейт. В.Стеженский. 16.4.44.»

**Письмо старшего лейтенанта
В.Стеженского**

Через несколько дней Мария Павловна написала Ольге Леонардовне в Москву: «Русские войны здесь... С 41 года я не выходила на улицу ни разу. Мучительные три зимы дали себя знать – холод, голод и страх... Продавала вещи, платье, белье и покупала дрова мешками. Перенесла брюшной тиф». Но освобождение города дало ей силы сказать: «Мы снова начали жить...»

Потом были нелёгкие времена восстановления «Белой дачи». 12 мая 1944 года Мария Павловна сообщает Ольге Леонардовне: «Музей изрядно пострадал от бомб, особенно сад. Чудом живы остались».

В письме директору Ленинской библиотеки, к которой в те годы относился музей, она более сдержана, здесь уже чувствуется озабоченность руководителя проблемами своего учреждения: «<...> Дом-музей уцелел, и все экспонаты сохранились.

Однако не могу скрыть, что перед

самым приходом русских воинов самолет сбросил на нас 4 бомбы, которые повредили крышу, передний фасад дома и сад, стекла разбиты почти во всех окнах, в цокольном этаже вырван оконный переплет и т. п.

По распоряжению начальника Ялтинского гарнизона генерал-майора В.Я.Горбачева горсовет немедленно приступил к самому необходимому ремонту дома, а служащие нашего музея – к приведению в порядок экспонатов и всего дома. Мы начали уже принимать дорогих посетителей – наших освободителей <...> работаем с утра до позднего вечера, так как наши посетители исключительно военные и устанавливать часы приема не представляется удобным».

В то же время в письме к Ольге Леонардовне – снова тревожные чувства: «Не представляю себе, как устроится моя жизнь в дальнейшем?»

Однако Мария Павловна никогда не опускала руки. Она вновь почувствовала себя нужной людям, работе. Активно занималась ремонтом и восстановлением здания музея и музейной экспозиции, обсуждала с известным советским чеховедом С.Д.Балухатым издание писем Антона Павловича в новом чеховском 20-томнике.

14 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР М.П.Чехова была награждена орденом Трудового Красного Знамени. В Указе говорилось: «За успешную сорокалетнюю работу по хранению, изучению и изданию литературного наследия великого русского писателя А.П.Чехова наградить

Чехову Марию Павловну орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.Калинин. Москва. Кремль. 14 июля 1944 года».

Заслуги Марии Павловны по сохранению чеховского наследия и музея высоко оценили и в Ялте. Она была почётным гражданином города, неоднократно избиралась депутатом горсовета и даже открывала первую послевоенную сессию Ялтинского городского совета.

В 1953 году, к 90-летию М.П.Чеховой, ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. До последних дней своей жизни Мария Павловна активно занималась музейной работой, всегда была окружена молодёжью и поражала всех своей неутомимостью и общительным характером. Среди её активных помощниц была Алла Ханило, юной девушкой пришедшая на работу в музей в 1946 году.

Всю войну она вместе с мамой прожила в Ялте. Было холодно, голодно, страшно. Рвущее душу пожелание в день рождения Аллы 9 февраля 1942 года – на открытке её школьной подруги, 14-летней Гули: «Алла, когда-нибудь будет хорошая жизнь, и мы с тобой отпразднуем не так, как этот раз. Береги эту открытку до счастливой жизни. Желаю остаться в живых. 9.02.42 г. (война)».

Пожелание исполнилось. День освобождения, 16 апреля 1944 года, запомнился Алле на всю жизнь. Ещё накануне, 15 апреля, вспоминает она, артиллерия, стоявшая в районе Массандры, обстреливала фашистские войска, отступающие из Ялты через Ливадию в сторону Севастополя. Снаряды летели через весь город, многие, не достигнув цели, разрывались в западной части Ялты. Дому, в котором жила Алла, повезло, а вот здание напротив серьёзно пострадало: снаряд попал прямо под крышу. Не меньше досталось и домам в районе Ливадии, в одном из которых жила её школьная подруга. 16-го апреля, проснувшись рано утром, Алла узнала, что город освобождён. Вместе с ещё одной девочкой она побежала в Ливадию, чтобы узнать, не пострадала ли одноклассница во время артобстрела.

Город выглядел мрачно, многие дома разрушены. Девочки шли по Боткинской мимо здания взорванной почты (на этом месте сегодня построен один из корпусов комплекса гостиницы «Ореанда») и увидели во дворе

Вручение М.П.Чеховой ордена Трудового Красного Знамени

М.П.Чехова и А.В.Ханило.
Начало 1950-х гг.

советский танк. Худенькие, голодные юные ялтинки в тряпичных тапочках и стареньких платьицах, выглядевшие гораздо моложе своих 16 лет, несмело подошли к грозной машине. Алла осторожно погладила её металлический бок и негромко спросила у танкиста: «А можно мне попасть внутрь?» Военный, рассмеявшись, бережно подхватил девочку и помог ей забраться в Т-34. В машине оказалось всё сложно, непонятно, но очень интересно. «Это были совершенно незабываемые впечатления!» – будет потом вспоминать Алла Васильевна.

Выбравшись из танка и немного поговорив с солдатами, девочки отправились дальше – в Ливадию. По дороге они встретили свою одноклассницу – живую и здоровую, к счастью, не пострадавшую от арт-обстрела. Так 16-летняя Алла Ханило встретила свой день освобождения Ялты.

Впереди – долгая жизнь, любимая работа рядом с Марией Павловной Чеховой, яркие, трепетные воспо-

минания, которые греют душу и сегодня. И среди них на особом месте для Аллы Васильевны – 16 апреля 1944 года – день, который для неё неразрывно связан с именем М.П.Чеховой, сохранившей в тяжёлые годы войны дом Антона Павловича.

*Статья опубликована
в историко-краеведческом альманахе
«Старая Ялта»*

СОДЕРЖАНИЕ

«Ялта лучше Ниццы...»	5
«Ялтинский дом очень хорош. Лучше и не надо»	27
Православие в жизни Чехова	49
Любимая сестра Антона Павловича. <i>К 150-летию со дня рождения Марии Павловны Чеховой</i>	57
Письма Марии Павловны Чеховой к Ольге Леонардовне Книппер (в отрывках)	66
«Жить без тебя мне уже трудно». <i>К 145-летию со дня рождения Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой</i>	85
«Дорогая госпожа Храм-Книппер!»	100
Встречи А.П.Чехова с Л.Н.Толстым и М.Горьким в Ялте	109
Чехов в Севастополе и в Балаклаве	115
Мария Павловна Чехова – основатель первого мемориального музея А.П.Чехова	119
И.С.Козловский в Доме Чехова <i>и 45 лет его замечательной дружбы, подаренной мне</i>	126
Российская государственная библиотека – её роль в становлении и развитии Дома-музея А.П.Чехова в Ялте	146
Пометы Чехова на книгах Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева и Л.Толстого	154
К истории создания утерянной пьесы А.П.Чехова «Гамлет, принц датский»	161
«Какое наслаждение уважать людей!» <i>Доклад А.В.Ханило на Международном форуме русистов, г. Евпатория</i>	178
Музей во время Великой Отечественной войны	186

Письма А.П.Чехова цитируются по: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. – М.: Наука, 1974 – 1983.

Алла Васильевна ХАНИЛО

Чехов в Ялте

Публикуется в авторской редакции

Подготовка к печати П.В.Коньков, А.В.Блинова
Макет и компьютерная вёрстка А.В.Пинчук
Дизайнер О.Л.Балаклеец, Ю.А.Яковенко
Художественный редактор Н.В.Дымникова

«Н.Орианда»™

ИП Дымникова Н.В. 91 № 000002810 от 25.11.2014 г.

Подписано с оригинал-макета 15.07.2017

Формат 70x100 ¹/₁₆. Гарнитура «Myriad Pro».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 1000. Заказ №721

«Н.Орианда»™ 295051, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Калинина, 25
Тел.: 8 (3652) 60-49-19, 8 (978) 726-76-68
E-mail: n-orianda@mail.ru, <http://n-orianda.ru>

Алла Васильевна ХАНИЛО,
заслуженный работник культуры АРК,
лауреат премии имени А.П.Чехова,
член Союза писателей России,
почётный гражданин Ялты,
кавалер ордена Миротворца II степени,
лауреат звания «За отличную работу»
Министерства культуры СССР
(1971, 1977 и 1991 годов), награждена
медалями Леонардо да Винчи
и «За честь и достоинство
музейного работника Крыма»

Алла Васильевна Ханילו после окончания школы пошла на работу в Дом-музей А.П.Чехова в Ялте. Ее принимала сама Мария Павловна Чехова, сестра писателя. Это случилось 1 ноября 1946 года. Без отрыва от работы в 1953 году Алла Васильевна стала студенткой Симферопольского педагогического института им. Фрунзе, который закончила в 1958 году. За время работы Музей стал ее вторым домом, а Мария Павловна второй матерью. Алла Васильевна прямая духовная наследница Антона Павловича и Марии Павловны Чеховых и Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, главная хранительница их Дома в Ялте и его традиций.

ISBN 978-5-9909600-1-5

